

ЮРИЙ КИРИЕНКО – МАЛЮГИН

НИКОЛАЙ РУБЦОВ:

*«Звезда полей горит,
не угасая...»*

Творческая биография

МОСКВА

НО «Рубцовский творческий союз»

2011

Звезда полей

*Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...*

*Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...*

*Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.*

*Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей.*

1964-1967 г.

ЮРИЙ КИРИЕНКО – МАЛЮГИН

НИКОЛАЙ РУБЦОВ:

*«Звезда полей горит,
не угасая...»*

Творческая биография

<i>с. Никольское</i>	<i>Тотьма</i>
<i>Кировск</i>	<i>Приютино</i>
<i>Североморск</i>	<i>С.-Петербург</i>
<i>Бабаево</i>	<i>Череповец</i>
<i>Невская Дубровка</i>	<i>Алтай</i>
<i>Кириллов</i>	<i>Ферапонтово</i>
<i>Липин бор</i>	<i>Великий Устюг</i>
	<i>Сергиев Посад</i>
<i>Москва</i>	<i>Вологда</i>

МОСКВА

НО «Рубцовский творческий союз»

2011

УДК 882
ББК 84 (2Рос = Рус) 6
Р82

к 75-летию со дня рождения Н.М.Рубцова

**«В жизни и поэзии – не переношу спокойно любую
фальшь, если её почувствую...» Н.М.Рубцов**

Юрий Кириенко-Малюгин (Кириенко Юрий Иванович)
Николай Рубцов. Творческая биография.
Серия ЖТЛ (жизнь творческих личностей)

Издатель НО «Рубцовский творческий союз», М., 2011 г., 288 с.,
цветная фотокладка (16 с.)

В книге представлены этапы творческой биографии Н.М.Рубцова (1936-1971г.г.), факты и события его жизни, даны исследования содержания его поэзии, продолжившей направления творчества великих русских поэтов Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Кольцова, Фета, Блока и Есенина, поэта-писателя Гоголя. Сообщается о путях-дорогах поэта по России и к песням, о взаимосвязи Слова, Музыки и русской Души, о народной философии, православном и мистическом содержании творчества поэта. Книга написана на основе авторской книги-монографии «Николай Рубцов: «И пусть стихов серебряные струны...» (М.Изд. МГО СП России, 2002 г., 336 стр., 1000 экз.).

За последние 8 лет автором во время поездок по дорогам Рубцова и встреч с современниками поэта и литераторами, методами анализа публикаций и содержания стихотворных текстов уточнены видимые этапы творческой биографии Поэта.

Внутри общества разыгрывается музыкально-песенная стихия народного русского поэта. Светлая поэзия Рубцова полностью отвечает идеям Добра, Справедливости и Возрождения России. Поэт сказал читателю: «Пусть душа останется чиста!». Кто «За» и кто «Против»?

ISBN 978-5-903862-11-5

- © Ю.Кириенко-Малюгин: текст и концепция книги
- © Изд. НО «Рубцовский творческий союз»

Предисловие

Стихи Рубцова сами просятся на музыку, скорее даже музыка просится из стихов: их не нужно перекладывать на музыку, её нужно улавливать в них, слышать её, как слышали музыку песен, былин, сказаний в самой ритмике их словосочетаний древние певцы-гуслиары, сказители. Многие стихи Рубцова – это песни и в эпическом смысле. Вслушаемся в музыку хотя бы вот этой строки: «Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...» Музыкальная открытость, возвышающий простор строки Рубцова сродни эпическому ладу древних поэм.

Ю.И.Селезнёв

Я буду долго
Гнать велосипед.
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.

Эти задушевные строки о первой любви из стихотворения «Букет» в 1988 году прозвучали впервые в исполнении А.Барыкина и Николай Рубцов неожиданно ворвался в песенную среду русского и других народов России.

После жизненных потрясений и прозрений Рубцов уже в 60-е годы подарил всем нам задушевные песни «Звезда полей», «В минуты музыки», «Журавли», «Тихая моя родина», «Привет, Россия». А в 1970 году в наш тихий цветущий мир, мир «Букета», «Купав» и «Гуляевской горки», врывается рубцовский мифический «Поезд», похожий на таинственную Россию. Поезд мчится «в дебрях мироздания», подхватывает «на разъезде где-то у сарая», поэта и неясно, чем всё кончится. Этот образ уже в новую эпоху сродни русской птице-тройке великого Н.В.Гоголя.

Поезд мчался с грохотом и воем,
Поезд мчался с лязганьем и свистом,
И ему навстречу жёлтым роём
Понеслись огни в просторе мгlistом.

.....
Вот он, глазом огненным сверкая,
Вылетает... Дай дорогу, пеший!
На разъезде где-то, у сарая,
Подхватил меня, понёс меня, как лещий!

При жизни поэта опубликованы четыре стихотворных сборника: «Лирика», 1965 г.(1), «Звезда полей», 1967 г.(2), «Душа хранит», 1969 г.(3), «Сосен шум», 1970 г.(4). После гибели поэта опубликованы сборники «Зелёные цветы», 1971 г.(5), «Последний пароход», 1973 г.(6) и «Подорожники», 1976 г.(7). В 1974 г. выпущена «Избранная лирика» со статьёй В.Оботурова о поэзии Н.М.Рубцова (8). В 1976 г. вышла книга «Николай Рубцов» с предисловием В.Кожина (9). В 1983 г. вышли «Воспоминания о Рубцове» (10). В 90-е годы 20-го века широко изданы сборники стихов Поэта. Стихи Рубцова вошли в школьные программы.

Самое удивительное состоит в том, что нарастание читательского интереса к поэзии Н.М.Рубцова происходит стихийно, фактически без участия средств массовой информации. Эпизодические упоминания (примерно 2-4 раза в год) о поэте не могут принципиально повлиять на этот процесс. Это можно объяснить только «внутренней» информацией в обществе, когда при обсуждении поэзии неизменно возникает имя Н.М.Рубцова. После золотого (19-го) века (Пушкин, Тютчев, Лермонтов, Кольцов, Полонский, Фет, Никитин и др.) и начала 20-го века (Блок, Есенин), казалось, наступил застой в русской поэзии. Нельзя же считать подлинной русской поэзией декадентские, графоманские и замысловатые шизофренические изыскания специалистов по ритмическим конструкциям и рифмовке русских и нерусских слов или оторванных слогов. Этим занимались футуристы во главе с Бурлюком и Маяковским, и не только. Задачей было удивить публику, организовать скандал и привлечь внимание. Лозунговую поэзию Маяковский превратил в ремесло, когда написал инструкцию «Как делать стихи».

Имажинисты основным в поэзии считали создание образов. Конечно, поиск и реализация найденных образов обогащает стихотворение, но не может являться самоцелью. Образ должен соответствовать творческой идее и содержанию.

Декаденты разных мастей (городская «заумная» элита) в начале 20-го века занимались тем, что дурили себя и, в особенности, доверчивую публику. Все их претензии на оригинальность не выдерживали столкновения с реальной действительностью, с правдой и требованиями простой жизни.

С самого начала жизненного пути нелегко приходилось Николаю Рубцову. Вечную нехватку денег будущий поэт отразил в одном раннем, как бы юмористическом, стихотворении под грустным названием «Элегия». Когда Вам сообщают:

Стукнул по карману – не звенит.

Стукнул по другому – не слышать...,

то поневоле у читателя появляется понимающая улыбка.

За два года учёбы на очном отделении литинститута, путём самообразования и изучения настоящей духовной русской и зарубежной поэзии, а также в ходе неформальных диспутов с друзьями-поэтами в общезитии Рубцов усовершенствовал свой нестандартный путь поэтического отражения действительности. Воспоминания современников рисуют многогранный образ Николая Рубцова, то весёлого, то грустного, то раскованного, то замкнутого, во всяком случае, адекватного ситуации (11).

После очередного спровоцированного скандала в ЦДЛ (Центральный дом литераторов) Рубцов пишет из села Никольского поэту-земляку Александру Яковлевичу Яшину (12):

«А всё-таки, если б не Вы: сидеть бы мне сейчас за железной решёткой, распевать бы да слагать тюремные песенки, да клевать бы, как птица, клюкву на болоте во время перекуров. Да ходил бы за мной стражник с огромным таким штыком!»

В письме от 3 ноября 1964 г. к А.Яшину поэт сообщает (12): «Только я вот в чём убеждён, Александр Яковлевич, (разрешите мне поделиться своим, может быть нелепым, убеждением): поэзия не от нас зависит, а мы зависим от неё. Не будь у человека старинных настроений, не будет у него в стихах и старинных слов, вернее, старинных поэтических форм. Главное, чтобы за любыми формами стояло подлинное настроение, переживание, которое, собственно, и создаёт независимо от нас форму».

Николай Рубцов этими высказываниями дал оценку уровня

поэзии известных личностей которые фактически занимались лакировкой действительности во имя получения материальных благ и загранкомандировок. Однажды какой-то маститый поэт сказал начинающему: «Пиши о второстепенном, о главном напишут другие (мэтры, видимо)». И вот Н.Рубцов писал, вроде бы, о конкретном (о частном), а получалось о главном.

Фактически ещё в 60-е годы 20-го века Н.Рубцов в стихотворной форме выразил народную философию, которая связана с прошлым, настоящим и будущим России.

В 20-м и 21 веках Н.М.Рубцову поставили несколько памятников. Памятник в Тотьме в 1985 г. (гипсовый вариант) и в 1987 г. (бронзовый памятник), памятники в Череповце и в Вологде в 1998 г., в Емецке Архангельской обл. в 2004 г. и в Мурманске в 2006 г. Мемориальная доска установлена на доме-музее в Никольском. В мае 2001 г. открыта мемориальная доска на здании Кировского завода в С.Петербурге. В России созданы несколько рубцовских Центров, гостиные, горницы, литературные кабинеты и музеи. Имеются библиотеки имени Рубцова. В селе Никольском Тотемского района, в п. Невская Дубровка Ленинградской области и в Вологде имеются улицы имени Н.М.Рубцова.

Уже эти приведённые факты доказывают, что речь идёт не просто о вологодском поэте, а о народном русском поэте 20-го века. И дело не только в качестве поэзии, а в том, что стихи Рубцова оказались настоящими народными песнями.

Большую работу выполнил Алексей Сергеевич Шилов, друг Рубцова и первый народный композитор и исполнитель его песен. Однако даже в Вологде «специалисты» дома народного творчества в 1972 г., по свидетельству С.Багрова, не пустили песни Рубцова в исполнении А.С.Шилова ни на радио, ни на телевидение, ни на запись (11). А Рубцов знал, что его не забудут.

Отложу свою скудную пищу,
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня ещё любят и ищут
Над моей одинокой рекой.

Огромную работу по поиску современников поэта провели М.А.Шананина, учительница русского языка и литературы

Тотемской средней школы № 1, и ученики школы в 80-е годы 20-го века. В январе 1986 года в Тотьме встретились воспитанники никольского детдома, преподаватели из Николы и лесного техникума и оставили свои воспоминания.

А песни Рубцова прорвались на сцену. В исполнении Марины Капуро прозвучала песня «В горнице». Песню «Букет» («Я буду долго гнать велосипед...») после 1988 г. сразу запели в народе. Популярность обрели песни «Журавли», «Осенняя песня», «Песня» («Морошка»), «Тихая моя Родина», «В горнице», «Зимняя песня», «В минуты музыки», «Улетели листья» и др. В настоящее время наблюдается буквально новая волна создания песен на стихи Н.М.Рубцова. Его поэзия, наполненная русской отзывчивостью к людям, природе и событиям, любовью к малой и большой Родине, душевными переживаниями, полностью отвечает идеям Добра, Справедливости и Возрождения России.

В октябре 1996 года в Тушинском районе была создана литературно-музыкальная студия (ЛМС) «Родник», которая занималась и занимается авторской песней. В конце декабря 1997 года авторы-исполнители ознакомились по ксерокопиям двух сборников со стихами Николая Рубцова. Рядом был уже январь – Рубцовский месяц (даты рождения и гибели Поэта).

И вот 16 января 1998 года состоялся первый для ЛМС «Родник» вечер-концерт памяти Н.М.Рубцова. Каждый автор-исполнитель (это создатель мелодии, композитор из народа) выбрал стихи себе по душе и тексты ни у кого не пересеклись. А.Климов исполнил песни «У размытой дороги», «В старом парке», «Бессоница», Н.Артамошкина – «Улетели листья», «Плыть- плыть», Д.Климов – «Восьмистишья», Ю.Кириенко – «Элегия», «Прекрасно небо голубое», «Свидание», «Добрый Филя», «Зелёные цветы». После этого концерта участники ЛМС «Родник», продолжали непрерывное освоение творчества народного Поэта, в том числе с приходом в 1999 году автора-исполнителя Э.Любенко. К сожалению, Э.А.Любенко после наезда автомашины ушёл из земной жизни 1 ноября 2008 г.

3 мая 2001 г. был образован общественный Совет Рубцовского Центра (председатель Ю.И.Кириенко) в Северо-западном административном округе г.Москвы на базе ЛМС «Родник» и юношеской библиотеки № 199 Централизованной библиотечной

системы № 1 (в то время директор – засл. работник культуры РФ З.И.Перевезенцева).

В июне 2001г. члены Совета Ю.И.Кириенко и Э.А.Любенко от Рубцовского центра выехали с выступлениями на родину поэта. На основе цветных фотоматериалов 19 сентября 2001 г. была открыта экспозиция и проведена презентация Рубцовского центра (13). С 2001 года систематически проводятся литературно-музыкальные вечера и встречи по творчеству Н.М.Рубцова. С сентября 2001 года организован ежегодный Всероссийский творческий конкурс и выпускается альманах «Звезда полей». С 2005 года ежегодно проводится Московский фестиваль песен «Рубцовская весна». В 2006 году создана некоммерческая организация «Рубцовский творческий союз», которая сейчас курирует общественную организацию Московский Рубцовский центр. 29 марта 2006 года создан информативный сайт www.rubcow.ru «Звезда полей. Николай Михайлович Рубцов и народное творчество» (более 400 тысяч посетителей к декабрю 2010 г.)

Сделан целый ряд открытий новых стихов и вариантов стихов поэта. Эта книга написана на основе исследования творчества Н.М.Рубцова, известных и малоизвестных публикаций о народном Поэте. Приведены конкретные ссылки на источники информации. О характере Поэта, о жизни и его творчестве, о мотивах гибели (садистского убийства) имеется множество искажений и фальсификаций. Поэтому автор поставил целью рассказать наиболее достоверно об обстоятельствах жизни и творчества Н.М.Рубцова, о психологических мотивах поведения поэта, об обосновании его Православного мировоззрения и мистического восприятия явлений окружающего мира. А также о путях-дорогах Н.Рубцова по России и к созданию народных песен.

Время русских песен Рубцова пришло!

На памятнике Н.М.Рубцову в Вологде приведены слова – первое завещание Поэта:

Россия, Русь! Храни себя, храни!

На памятнике в Тотьме на все времена дано нам второе завещание народного Поэта:

**За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью!**

Глава 1. Семья Рубцовых и раннее детство поэта. «Но вот наше счастье распалось на части...»

(После гражданской войны, 3 января 1936 г...октябрь 1943 г.)

Условия жизни семьи Рубцовых, начало войны с Германией, смерть матери, первые стихи, разлука с родными.

Николай Михайлович Рубцов родился 3 января 1936 года в посёлке Емецк Архангельской области (как в автобиографии пишет поэт). Фактически Рубцов родился в Северном крае, в который входил Емецк в 1936 г. Затем Северный край переименовали в Северную область, которая в сентябре 1937 г. была разделена на Архангельскую и Вологодскую области (БСЭ, т.9). Биографические сведения взяты из ряда известных публикаций (см. библиографию, ссылки на информацию даны по мере повествования), переработаны автором и приведены, в основном, в хронологическом порядке.

Отец поэта, Рубцов Михаил Андриянович, родился в 1899 году в деревне Самылково, в то время Биряковской волости Тотемского уезда Вологодской губернии, национальность – русский, социальное положение – крестьянин-бедняк. Мать Михаила звали Раиса Николаевна. У Михаила были брат Николай и сёстры Александра и София (14). В 13 лет окончил Спасскую сельскую школу (3 года обучения, с 1909 по 1912 г.г.) в Биряковской волости. Нужно заметить, что в царской России 3 класса сельской школы по содержанию предметов преподавания соответствовали 6-7 классам советской школы. С 1912 по 1919 г.г. М.А.Рубцов – крестьянин в хозяйстве отца-бедняка. Получил народное воспитание, хорошо играл на гармошке. С 1919 по декабрь 1921 года – рядовой 40-го полка в Красной Армии, воевал на польском фронте (где были ожесточённые бои).

После возвращения с фронта женился на односельчанке Александре Михайловне Рычковой (1900 г. рождения). С декабря 1921 года по август 1929 года работал председателем правления Биряковского общества потребителей. В Самылкове родились Надежда – 23 сентября 1922 г., Галина – 12 ноября 1928 г. По некоторым сведениям была дочь Раиса, которая родилась в 20-е годы 20-го века, умерла в детстве, названа, вероятно, в честь

бабушки Раисы Николаевны (14). С августа 1929 года по апрель 1931 года М.А.Рубцов работал зав. торговым отделом Толшменского районного общества потребителей, член Правления общества. 13 ноября 1929 года М.А.Рубцов стал кандидатом в члены партии согласно записи в учётной карточке. 3 ноября 1930 года принят в члены ВКП (б). Учился на специализированных курсах крайпотребсоюза и кооперативных организаций (что было организовано для руководителей среднего звена в стране). 9 июля 1931 года решением Толшменского райкома ВКП (б) получил выговор за слабое руководство коопработой. А 22 августа 1931 года отозван в распоряжение крайкома партии (то есть – на повышение).

С августа 1931 года по апрель 1933 года работал председателем правления Вологодского леспотребсоюза Северного края. До сентября 1937 года Вологодской области не существовало, её районы входили в Северный край и в Северную область. Теперь проясняется, что сын Альберт родился в 1932 году в Вологде, а не в Ленинграде (как записано в справке о смерти Альберта, оформленной в Тюменской области, вероятно, по устной информации).

С июня 1933 по октябрь 1934 года М.А.Рубцов работал начальником отдела рабочего снабжения (ОРС) Вологодской сплавконторы. В октябре 1934 года назначен и по сентябрь 1935 года являлся начальником отдела рабочего снабжения (ОРС) Вологодского леспромсоюза. В это время в семье 3 детей (Надежда, Галина, Альберт).

С сентября 1935 г. по август 1937 г. М.А.Рубцов работал в Емецком леспромхозе начальником отдела рабочего снабжения (ОРС). 3 января 1936 года в Емецке и родился Николай Рубцов.

Семья Рубцовых была музыкальной, у них часто играла гармонь, хорошо пели отец и мать, Надежда и Галина. Отец виртуозно играл на гармошке и на посиделках был заводилой. Александра Михайловна пела в молодости в церкви и любила народные песни «Ехали казаки» и «Златые горы» – их для неё исполняла Галя (12, В.Зинченко).

В августе 1937 года отец поэта назначен начальником отдела кадров райтрансторгпита Няндомского леспромхоза. В Няндоме родился Борис. В семье – 5 детей в возрасте до 15 лет. В январе 1938 года на М.А.Рубцова поступило заявление (донос), он

был арестован, осуждён и по март 1939 года был заключённым в Архангельской тюрьме №1. Семью с малолетними детьми выселили из добротной квартиры. С трудом Рубцовы (мать с пятью детьми) вселились в сарайного типа жилище. К снохе и внукам на помощь приехала бабушка Раиса (12). Пока не было официальных разъяснений по кампании доносов, от семьи «врагов народа», семьи Рубцовых, отвернулись многие. Наде, имевшей редчайший песенный дар, запретили петь как на концертах, так и на спевках. Надя стала помогать родителям в содержании и воспитании младших детей, в неполные шестнадцать лет устроилась в районную потребкооперацию счетоводом (14).

В те 30-е годы 20-го века семьи в сельских районах были многодетными. Детей рождалось столько, сколько Бог дал. Это было в традициях русско-славянских и мусульманских семей. Об абортах никто и не мечтал. Большинство родителей стремились дать детям образование, которое было полностью бесплатным, а студенты обеспечивались стипендией, которой хватало на пропитание. В тех необычайно сложных условиях так называемое демагогами сталинское руководство поддерживало многодетные и малообеспеченные семьи из специальных фондов.

Известно, что отец поэта был сторонником политики ВКП (б) в хозяйственном строительстве в стране (перед войной 1941-1945 г.г.), находился на руководящих должностях в среднем звене управленческого аппарата. Как известно: «Кадры решают всё!». Этим объясняется перемещение М.А.Рубцова, как члена партии, и семьи Рубцовых по Северу России в тридцатые годы.

Для этого надо вспомнить историю СССР в эти трагические и героические годы. По всей стране шло небывалое в истории строительство энергетических и промышленных объектов, шла подготовка к ожидаемой с Запада агрессии. Интенсивно создавалась авиационная техника, производились новые танки и вооружения, шло строительство металлургических заводов на Урале и на юге Украины, широкой сети железных дорог, мощных гидростанций и линий электропередач. Были созданы крупнейшие научно-исследовательские центры и подготовлены научные и инженерные кадры. А в области литературы и искусства осуществлялось идеологическое обеспечение этих мощных преобразований. Естественно, что при помощи людей, не только

убеждённых в правоте принятой линии и идеологии, но и при помощи непотопляемых во все времена приспособленцев.

Однако, после провокационного убийства в Ленинграде С.М.Кирова (фактически приемника Сталина на посту руководителя партии и государства) с 1 декабря 1934 г. началась эпоха выявления действительных и мнимых «врагов народа», сведения личных счётов, взаимных доносов, особенно, со стороны партийных руководителей среднего звена. Журналисты местных и центральных газет выслуживались и «подогревали» руководство разных рангов. Выявленных «врагов народа» (зачастую что-то лишнее сболтнувших граждан) сажали в тюрьмы, отправляли на строительство промышленных объектов или высылали в отдалённые края (автор этой книги родился в Казахстане, куда из Ленинграда в декабре 1936 года были высланы родители: выпускники знаменитого Ленинградского технологического института). В результате доносов и арестов в семьях возникли осиротевшие дети, голод и болезни грозили уничтожением семей, а хозяйственные организации и предприятия оставались без грамотных руководителей (последние были, как правило, членами партии).

Эта ситуация не осталась незамеченной руководством СССР. В марте 1939 г. на 18-ом съезде ВКП (б) секретарь ЦК Жданов А.А. выступил с докладом, в котором прозвучал раздел «Об отмене массовых чисток» и разоблачил авторов доносов, как действительных «врагов народа». Следует привести выдержки из выступления А.Жданова на съезде (15, прил. № 1):

«В Архангельской партийной организации был, например, разоблачён такой злостный клеветник, как Прилучный, который написал 142 заявления на коммунистов, и ни одно из них не подтвердилось».

«В Ленинграде в течение долгого времени орудовала антипартийная группа Напольской, которая усердно «организовывала» компромат на честных коммунистов, писала на них заявления в НКВД и добивалась избиения честных людей. Этой группой были оклеветаны несколько десятков честных людей».

«Гладких, бывший секретарь Ровдинского РК ВКП (б) Архангельской области, давал задания каждому коммунисту

найти врага народа и предупреждал заранее, что «перегибов от этого никаких не будет».

«В Ключевском районе Актюбинской области врагом народа Песковской было организовано исключение из партии 156 коммунистов, что составляло 64% всей организации».

«...в одном из районов Киевской области был разоблачён клеветник Ханевский. Ни одно из многочисленных заявлений, поданных Ханевским на коммунистов, не подтвердилось. Однако этот клеветник не потерял присутствия духа и в одном из своих «разоблачительных» заявлений в обком КП (б) У(Украины – прим. автора) обратился с такой просьбой: « Я выбился из сил в борьбе с врагами, а потому прошу путёвку на курорт» (смех в зале)».

На 18-м съезде ВКП (б) было принято решение о прекращении массовых чисток в партии и о наказании виновных, что остановило лавину доносов со стороны активных карьеристов и лакействующих граждан.

Одним из писателей в общество вброшена версия, что «Михаил Андрианович был арестован не за «политику», не как враг народа, а по уголовной статье, связанной с растратой или другими хозяйственными недочётами в ОРСе, возглавляемом им».

Нужно сразу отметить, что по уголовным делам или растратам в тридцатые годы не освобождали. Отец Рубцова был освобождён по его заявлению в адрес 18 съезда партии и только как невинно пострадавший от доноса (16).

И нет оснований не верить Николаю Рубцову, когда он писал своему литературному руководителю Н.Н.Сидоренко:

«Родился в семье значительного партийного работника. Его даже врагом народа объявили, потом освободили, и статья о его реабилитации была помещена, кажется, в 1939 г. в Архангельской областной газете...» (16, см. также прил.2, статья М.В.Сулова).

После реабилитации Михаил Андрианович в марте 1939 года был назначен инструктором-ревизором Няндомского райпотребсоюза. В апреле 1939 года был восстановлен в рядах ВКП (б). Весной 1940 года любимица матери Надежда заболела менингитом и 30 апреля умерла (13). В январе 1941 года семья переехала в Вологду и М.А.Рубцов стал работать снабженцем в Военторге (14,12).

Семья поселилась в пригороде Вологды. В рассказе «Дикий

лук» Рубцов пишет об отдыхе семьи около Спасо-Прилуцкого монастыря. Затем Рубцовы переехали в центр города, на улицу Ворошилова.

22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз. В конце 1941 года в семье родилась девочка – новая маленькая Надежда. В рассказе «Золотой ключик» Н.Рубцов пишет: «Шёл первый год войны. Моя мать лежала в больнице. Старшая сестра, поднявшись задолго до рассвета, целыми днями стояла в очередях за хлебом, а я после бомбёжек с большим увлечением искал во дворе осколки...» В начале лета 1942 года М.А.Рубцова, отца многодетной русской семьи, забирают на фронт. Александра Михайловна имеет в это время на руках пятерых детей, в том числе грудную девочку. Сердце матери не выдерживает нагрузки и 26 июня 1942 года она умирает. Коля узнаёт об этом, когда они с братом Аликом возвращались из кинотеатра после просмотра фильма о приключениях Буратино. Коля тайно выращивал аленький цветок в зарослях сада. И позднее в стихотворении «Аленький цветок» пишет:

Этот цветочек маленький
Как я любил и прятал!
Нежил его, – вот маменька
Будет подарку рада!
Кстати его, некстати ли,
Вырастить всё же смог...
Нёс я за гробом матери
Аленький свой цветок.

Отказывается от еды и через день после матери умирает семимесячная Надя. Остались четверо детей сиротами.

Вспоминает Галина Михайловна Шведова (Рубцова), которой в то время было 14 лет: «Мы остались одни. Я спрашиваю: «Что будем делать – есть нечего, хлеб кончился?», а Коля и говорит: «Давайте будем песни петь!» У него получилось «Раз, два, три...».

Раз, два, три,
Гитара моя, звени
Про жизнь мою

Плохую –
Мне хлеба не дают,
А всё не унываю,
Да песенки пою.

Лето 1942 г.

Интересны сами факты из этой детской песенки: в семье была гитара, кроме гармошки. Есть ребёнку нечего, а Коля поёт. Старшую дочь, Галину приютила Софья Андриановна, сестра отца. В этих тяжелейших условиях выживания надо было решать судьбу младших детей.

Галина с Колей жили некоторое время в комнате, которую мать занимала у соседей. Десятилетний Альберт, по разным данным, был отдан в ФЗУ (фабрично-заводское училище, 14) или попал в детдом (12), в котором была семилетняя школа. Шестилетний Николай и пятилетний Борис были направлены в Красковский дошкольный детдом Вологодской области. По словам Галины Михайловны, не выдержал Коля разлуки с родными и однажды ночью тихо ушёл (14). Около 18 километров прошёл шестилетний Коля до Вологды. Часть лета прожил он, то у знакомых отца, то в семье тётушки Сони, где жила ещё и Галя. Плохо было Коле без матери. По другим сведениям, Колю не взяли сразу обратно в детдом из-за сыпи на руках (12).

О событиях тяжёлого лета 1942 года Галина Михайловна (по магнитофонной записи) сообщает (12): «Мальчиков (очевидно Альберта и Бориса – прим. автора) отправили, а мы с Колей остались. Хозяйка квартиры, которая дала маме комнату на содержание, имела ключ. Мы получали по 300 граммов хлеба (в то военное время в сутки по карточкам – прим. автора), выкупили за два дня, положили в шкафчик и ушли по своим делам... Потом хозяйка квартиры, когда нас не было, взяла эту буханку и съела или спрятала куда. Когда мы пришли, она говорит: «Тут Коля бегал, Коля и взял». Я говорю, что Коля никогда так не делает, – мы всегда разрежем, разделим и всё поровну вместе скушаем. И Коля обиделся и убежал...И нет, и нет... Мы его искали три дня. Никак не могли найти. Через неделю он сам пришёл – зубы чёрные, чёрные. Я спрашиваю:

«Коля, где ты был?» Он говорит: «Я был в лесу и нашёл там такую ёлку, что даже дождь не возьмёт. И я там под ёлкой, сочинил такие стихи... Никто не мешал, он был один». А вот «стихотворение, записанное с магнитофонной ленты – чистый мелодический голос Г.М.Шведовой повествует жалобную быль на мотив песен городских дворов и окраин...» (12, В.Зинченко).

Вспомню, как жили мы
С мамой родною –
Всегда в веселе и тепле.
Но вот наше счастье
Распалось на части –
Война наступила в стране.
Уехал отец
Защищать землю нашу,
Осталась с нами мама одна.
Но вот наступило
Большое несчастье –
Мама у нас умерла.
В детдом уезжают
Братишки родные,
Остались мы двое с сестрой.
Но вот ещё лето
Прожил в своём доме,
Поехал я тоже в детдом.
Прощай, моя дорогая сестрёнка,
Прощай, не грусти и не плачь,
В детдоме я вырасту,
Выучусь скоро,
И встретимся скоро опять.

Таким образом, Коля Рубцов уже в 6 с половиной лет испытывает два потрясения в жизни (смерть матери и ложь со стороны соседки) и впервые сочиняет стихи без листа бумаги.

С осени 1942 года Галина живёт в семье тёти Сони в Вологде. «Мыла полы, стирала, нянчилась...Тетя Соня очень хорошая была...А Боря копия мамы...», сообщает Галина (14). «Тетя Соня работала в столовой, но и это обстоятельство не спасло детей, –

она потеряла в войну четверых», пишет В.Зинченко (12). Вот так немецко-фашистская агрессия прошла по этой русской и всем русским семьям.

Позднее в стихотворении «Детство» Рубцов вспоминает:

Мать умерла.
Отец ушёл на фронт.
Соседка злая
Не даёт проходу.
Я смутно помню
Утро похорон
И за окошком
Скудную природу.
Откуда только –
Как из-под земли! –
Взялись жильё
И сумерки и сырость...
Но вот однажды
Всё переменялось,
За мной пришли,
Куда-то повезли.

И вот осенью 1942 года Колю Рубцова направляют в Красковский детдом для детей дошкольного возраста. В многолетней семье тёти Сони его не могли содержать.

Из статьи Н.Т.Батуриной (17): «Дорога была болотистая, с кустарниками, холмами. В деревне Дубровская детей пересаживали на колхозные подводы... По рассказам Е.М.Киселёвой (в то время директор детдома – прим. автора), в начале войны детдом не имел транспорта, поэтому больных малышей носили в Вологду на руках.... Первым транспортным средством, полученным детдомом, стала лошадь по кличке «Физкультурница». То ли она была цирковой, то ли просто имела своеобразный нрав – во всяком случае на фронт её не направили, так как лошадь имела обыкновение посреди пути ни с того ни сего вставать на дыбы, и совладать с нею в такие минуты было невозможно. Однако в Красково были рады и такому транспорту.... Детей в годы войны было в 2 раза больше нормы.

А после снятия блокады стали поступать блокадные дети, измученные, похожие на старичков. Работники детдома под руководством Е.М.Киселёвой старались приложить все силы, чтобы сохранить жизнь этим детям...» В статье Н.Т.Батуриной сообщается: «Было организовано подсобное хозяйство. Были коровы, лошади, куры, свиньи. Нужно было кормить детей и обслуживающий персонал... После окончания войны директор старалась разыскать родителей детей и ей это часто удавалось». В детдоме проводились занятия по музыке, рисованию.

Идёт жестокая, но справедливая для советского народа война с фашистской Германией, война с оккупантами, война за физическую и духовную свободу народов СССР. Руководство страны не забывает о своих детях. Ребята, которые достигли семи лет, должны учиться дальше. Их, хотя и с большим опозданием к началу занятий, в октябре 1943 г. увозят из Красковского детдома. С этого времени сведения о младшем брате Борисе частично теряются. А маленький Коля запомнил этот переезд и пишет позднее в стихотворении «Детство»:

Я смутно помню
Позднюю реку,
Огни на ней,
И скрип, и плеск парама,
И крик «Скорей»,
Потом раскаты грома
И дождь...Потом
Детдом на берегу.

Более двадцати ребят из Красковского детдома вместе с воспитателями оказалась на берегу реки Сухона в районе переправы Усть-Толшма. А до Никольского детдома – более 25 километров. И нет никакого заказного или попутного транспорта. И вот дети с воспитателями прошли эти километры под дождём. И несложно сосчитать, что при пешей скорости 3 км в час это расстояние дети прошли не менее, чем за 8 часов, а с промежуточными привалами и дольше. Вот такие были дети в годы тяжёлой Великой Отечественной войны, дети, которые родились в 1934-1936 годах.

Глава 2. Детские годы в Никольском и Тотьме. (октябрь 1943 г...июнь 1952 г.)

Песни, музыка и стихи. За путёвкой в жизнь. В лесном техникуме. Город-легенда – Тотьма.: Спасо-Суморин монастырь, церкви русского Севера. Юношеские стихи. Первый поиск родных.

Семи- и восьмилетние дети пришли ночью в детдом. Свободных мест для ночлега не было. И детей клали по двое в одну постель, они спали «валетом», голова одного у ног другого. И так продолжалось в течение, по крайней мере, года. Колю Рубцова положили в кровать с Анатолием Мартюковым. Со многими друзьями детства и юности затем пересекались пути Николая. Но об этом в следующих главах книги.

Итак, 20 октября 1943 г. группа ребят вместе с Колей были зарегистрированы в списке Никольского детдома Тотемского района для начала учёбы с первого класса (см. приложение № 2). В этом детдоме, как и в других детдомах по всей стране оказались дети-сироты, дети фронтовиков и дети, которых успели эвакуировать до оккупации фашистами территории проживания.

Вот что пишет о жизни в Никольском детдоме Анатолий Мартюков, будущий журналист и редактор газеты в г. Великий Устюг, столице Деда Мороза (11):

«Вёсны в годы Великой Отечественной войны мирно обогревали село Николу и его жителей. Вроде и не было войны, а если она и была, то где-то далеко-далеко. Только в пионерской комнате детского дома время от времени перемещала красные флажки Евдокия Дмитриевна Перекрест. Флажки двигались на запад...»

В те годы вся страна была объединена одной идеей: разбить германских оккупантов, освободить территорию страны и добить врага на его территории. «Кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет», сказал великий князь Александр Невский. На параде 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве Верховный главнокомандующий И.В.Сталин (Джугашвили), обращаясь к солдатам, уходившим с площади на фронт, сказал (18):

«Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне

мужественный образ наших великих предков – Александра Невского и Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова».

А для спасения от голода населения, в том числе и детей, руководство СССР с самого начала войны ввело карточную систему распределения всех видов продуктов питания. Эта система действовала до декабря 1946 г. В январе 1947 г. была проведена денежная реформа для изъятия теневых денег у спекулянтов (торгашей), наживавшихся в тылу во время войны за счёт ворованных хлеба и продуктов. Обмен денег производился по счетам в сберкассах в соотношении 1:1, а для денег на руках («теневых денег») в соотношении 1:10. При этом спекулянты практически не могли предъявить в сберкассах основную массу денег, так как пришлось бы объяснять их происхождение. Может, поэтому их наследники ненавидят Сталина. В течение четырёх лет были полностью восстановлены промышленные и энергетические объекты на территории Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики и европейской части России. Начиная с 1949 г. по 1953 г. (год смерти Сталина), ежегодно проводилось снижение цен на продукты и промтовары при сохранении и росте зарплат.

В ходе войны неисчислимы потери понесли все народы Советского Союза, но, особенно, костья государства и армии – русский народ, а также белоруссы, организовавшие мощное партизанское движение. 9 мая 1945 г. Сталин отметил важность Победы над фашистской Германией (см. приложение № 3, 18). 24 мая 1945 года на приёме в Кремле, поднимая тост, грузин по национальности, И.В.Сталин сказал (18):

«Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение...»

Что же такое жизнь в детдоме в военные и послевоенные годы? Это жизнь по заведённому распорядку дня, с крышей над головой,

систематическим бесплатным питанием, обучением по программе в сельской школе и свободным временем на природе. Подробно о Коле Рубцове, условиях жизни в селе Никольском и детдоме, а также в Тотьме и лесном техникуме читатель может познакомиться по воспоминаниям бывших детдомовцев, учителей и воспитателей, студентов и преподавателей техникума (16, см. приложение № 4, опубликовано в 2002 г.).

Коля ждёт, что и к нему приедет отец. Но отца не видно. Нина Василькова (Попова) пишет (11): «А наши одноклассники уезжали один за другим со своими родными: во всяком случае, в первый класс нас пошло 40 человек, а в седьмом осталось лишь девять... Когда все по домам разъехались, в нашем классе осталось семь девочек и только двое мальчиков – это Коля Рубцов и Витя Горюнов». И Коля считает, что отец погиб на войне, поскольку до 1950 года не приехал в детдом. (Отец остался жив). И становится Коля сиротой, это ещё одно потрясение после смерти матери. Но жизнь продолжается. Что же спасает русского мальчишку-сироту в Никольском детдоме? Это – русские леса, поля, река, гармошка, песни и стихи. И надежда на будущее.

В стихотворении «Детство» Николай Рубцов пишет:

Вот говорят,
Что скуден был паёк,
Что были ночи
С холодом, с тоскою,
Я лучше помню
Ивы над рекою
И запоздалый
В поле огонёк.

До слёз теперь
Любимые места!
И там, в глуши,
Под крышею детдома
Для нас звучало
Как-то незнакомо,
Нас оскорбляло
Слово «сирота».

В ходе войны, навязанной народам Советского Союза, погибли миллионы отцов, старших братьев и сестёр детдомовцев, да и не все матери этих ребят выжили (погибли кто от голода, кто от бомбёжек, кто на оккупированной территории, а кто и был угнан в Германию на батрацкие работы). В детдомах по всей стране оказались дети, пострадавшие от «богоизбранных» агрессоров, а не обманутые дети, которых не взяли родные, как об этом сообщает автор противоречивой книги о Рубцове. Детей забирали зачастую не родители, а родственники по отцу или матери. Воспоминания воспитанников и воспитателей Никольского детдома свидетельствуют об этом (16).

В 1944 г. отца Николая направляют после ранения в Вологду, в госпиталь, он встречает молодую женщину, женится вторично и затем в новой семье в Вологде рождаются дети. В.Зинченко пишет (12): «Сразу после войны к живому отцу из Красково привезли детей – Алика и Борю... Мальчики в новой семье не прижились: Боря (ему 8 лет – прим. автора) плакал, всё время жаловался, и его увезла к себе в Мурманск тетя Шура; после её смерти судьба Бори неизвестна». Есть сведения, что Боря много болел и умер в 50-е годы 20-го века (14).

В новой семье Альберт, как старший брат, служил часто в качестве няньки за детьми. Известно, что Алик хорошо играл на гармошке и гитаре. В раннем детстве маленький Коля приобретал музыкальные навыки. Пути братьев из-за войны и жизненных обстоятельств разошлись на целых 13 лет (с 1942 по 1955 г.г.).

По имеющейся информации, запись о переводе Коли из Красковского в Никольский детдом не была обнаружена отцом. И, вероятно, отец посчитал, что Коля погиб или потерялся во время войны. Обстановка в стране была очень сложная. Даже сейчас многие люди через телевидение пытаются найти родственников. Осуждать отца Николая сложно, так как в то время (война и период после войны) у него новая семья была на руках, и трое детей от прежней семьи (Галя, Альберт и Боря).

Вспоминает Евгения Буняк (Романова):

«Было голодно, хотя кормили нас по тем временам неплохо. Помню, сильно худеньким на ужин давали стакан молока. Список «худеньких» висел на раздаче у окошечка кухни. Меня в этом списочке никогда не было, поэтому до сих пор не люблю молоко.

Иногда повар тетя Шура выглядывала и звала меня: «Тебе, Романова, выписана луковица. У меня болели дёсны» (16). Вот такие были тоталитарные времена, над которыми любят ёрничать прожжённые демократы. Детей – то спасали в сталинские времена, не то, что в голодные девяностые «демократические» годы, когда специалистов-родителей вышвырнули на подножный корм. Тогда «демократка» Х. заявила: «Есть нечего, идите в лес за грибами». Вспоминает Иван Серков (17, также «Автограф», № 40, 2005): «Многие детдомовцы обеденную пайку хлеба прятали, чтобы потом полакомиться. У нас с Колей была общая *прятка*. Зимой куски хлеба замораживали, а потом сосали как конфетки. Бывало и так, что наш хлеб воровали синички. – Пернатые тоже хотят есть, – говорил он. Коля был чутким к животным. Похожая история произошла с немецкой девочкой (в детдоме воспитывались и немецкие дети, но мы их не обижали), у которой собака Розка стащила пайку хлеба, лежавшую в шапке»...

«Коля играл на гармошке. Он был самым активным во всех мероприятиях. Особенно запомнилось, как его готовили для роли А.Пушкина к юбилею поэта. Коле очень хотелось быть похожим на Пушкина. Он даже попросил завить ему волосы. Завивали железным наконечником ученической ручки, нагревая её над керосиновой лампой. Волосы скворчали, и пахло палёным. Коля терпел, и Пушкин из него получился отличный. Стихи поэта он читал очень выразительно. Все были в восторге» (17).

Вот что сообщает в воспоминаниях А.Мартюков (11):

«В пионерскую комнату приходили все. И старшие, и младшие. Полной хозяйкой там всегда была пионервожатая Евдокия Дмитриевна (Перекрест)...Она брала листок с нотами и начинала петь... – Пойте, – обращалась она к ребятам. И в пионерской комнате вначале нестройно, потом слаженно звучала хорошая пионерская песня».

А Нина Алферьева рассказывала (11): «Мы часто собирались вместе и пели песни, которые слышали в только что просмотренном кинофильме. Запоминали их по рядам. Первый ряд заучивал первую строчку, второй – вторую, и так – до конца. Мелодию тоже быстро перенимали. И на другой день новая песня была уже нашей. Пели, как принято, в спальне. Рубцов подыгрывал на гармошке».

Нина Василькова (Попова) пишет (11): «Помню, например, как зачитывали Колино сочинение о молодогвардейцах в сорок восьмом году: Тогда книга Фадеева только что вышла в свет. Текстов было мало: всего два на весь класс. По ночам и то читали, убегали в баню и «проглатывали» при свете самодельных коптилок. Тайно. На весь детский дом был один фонарь в коридоре... Пока было светло, почти всегда читал – вот потому и поговорить с ним всегда было интересно. А как начнёт о только что прочитанной книге рассказывать – часами говорит, говорит. Увлечётся – глаза горят, жестикулирует, звукоподражает.

- Ну, Коленька, – шутили мы, – кажется, ты у нас артистом будешь.
- Нет. Моряком буду!
- Моряком?! Ещё нос не дорос!
- Не бойся! Дорастёт!

Ещё в ту пору, классе в шестом, Коля Рубцов был редактором нашей стенгазеты, хорошо рисовал...

Коля любил с удочкой посидеть. Уединится в самом красивом месте и не столько удит, сколько любит зарёю, белыми лилиями, отраженьями деревьев в воде....

В походы ходили (вёрст за сорок!). В Погорелово, например. Жгли костры, пели под Колину гармошку. Проказничали. Такое никогда не забудешь...»

Учитель-воспитатель А.Меньшикова (с января 1945 г. приняла второй класс) пишет о том, как Коля любил читать стихи, красиво декламировал, помогал друзьям, любил лошадей и водил их на водопой.

Галина Матвеева (Гаричева) пишет, что в детдоме пели песни «Огонёк», «На рейде», «Синий платочек», «Катюша», «Тачанка».

Как известно, характер человека закладывается в детстве, в разных обстоятельствах выявляются отношение к товарищам, к животным, к природе, а также формируются детские и юношеские увлечения. И в детстве обостряется также чувство справедливости.

Учитель-воспитатель Медведев И.А. вспоминает (16): «Любимая поза у Николая за партой была такой: туловище держал прямо, щекой опирался на ладонь руки с протянутым указательным пальцем. Любил задавать вопросы по урокам и

прочему интересующему его материалу. Как ученик был скромный, сильный и умный. Я и другие товарищи-учителя в серьёзную шутку его часто называли Белинским и, как оказалось, о Белинском он уже сам кое-что знал. Это в 5-ом классе!

В то время в школе и детдоме очень увлекались выпуском стенгазет. Николай Рубцов частенько мне на учительский стол подкладывал бумажки со стихами для стенгазет о жизни класса, школы, детдома, о природе. Изменений, поправок в стихотворениях, как правило, не было. Любил он говорить, сочетать слова в рифму. Жаль, что сейчас о поисках стенгазет и речи быть не может...

Помню случай весной 1949 г. я жил за рекой в деревне Френиха. Весной река Толшма вышла из берегов и залила низину на левом берегу между мостом и селом Никольским. Пешему не пройти. Стою на мосту. На левом же берегу почти все дети из детского дома. Они узнали о разливе реки. Вижу двое едут на Бурчике – лошади детского дома. Верхом сидят двое: Миша из 7 класса и Коля. У воды Михаил спрыгнул с лошади, а Коля Рубцов, объехав ямы, прибыл на мост. Со мной, говорит, поместитесь. К первому уроку успели...»

Из воспоминаний Клавдии Васильевны Игошевой (16):

«Что я помню о Николае Рубцове? Да очень немного. Ведь столько лет прошло! Методической литературы почти не было, варились в собственном соку, придумывали всё, что могли сами. Колю я запомнила умным, любознательным мальчиком, небольшого роста с чёрными, с хитринкой глазами, часто улыбающимся. Он был очень добрым.

Трудное было время, а Коля и другие ребята отделяли от своего пайка сахару полкусочка, немного хлеба и несли кошке, собаке, лошади. Коля очень любил животных...

Я ходила с ребятами в поход за 25 км до деревни Черепанихи. Помню, как я их устраивала в Черепанихе на ночлег, как на пароме переезжали через Сухону, сидели около реки. Собирали цветы. Мне было стыдно, что не всех растений знала название. Но хорошие были ребята, ни один не упрёкнул: «Сама-то не знаешь». На обратном пути ночевали в Манылове в гумне, в сене спали немного, а к утру такой подняли гвалт, шум, что мне пришлось объясняться с бригадиром...

Коля среди них был заводилой. И ещё помню, как он меня уговаривал провести игру «Потеря знамени». Чтоб искала вся школа. Был разработан план, ориентиры. Но я боялась, можно ли так играть» (написано примерно в 1983-1985 г.г. – прим. автора).

Вспоминает Жданова Антонина Михайловна (16):

«... Это были тяжёлые годы. Шла война. Я была воспитателем младшей группы. И вот из Красковского д/дома приезжает группа детей. В этой группе был и Коля Рубцов, это был худощавый мальчик, с узким лицом, хрупкий. Глаза карие. Ресницы длинные. Внимательный взгляд.

В этот суровый период испытывали недостатки учебников, бумаги и других письменных принадлежностей. Писали между строчками старых тетрадей и старых книг. Керосина не было. Домашние задания старались выполнять засветло. Коля был очень внимательным, усидчивым. Старательно и безошибочно выполнял письменные работы. Задания выполнял самостоятельно. Иногда посмотрю на Колю, он, положив ручку, на парту помигивает и о чём-то думает. Спрашиваю: «Коля, всё сделал?» «Нет», – отвечает, – я ещё думаю. Проверять его часто не приходилось. После выполнения домашнего задания любил читать.

Я была закреплена за спальней младших мальчиков. В спальне иногда было холодно. Не было света. Не хватало постельных принадлежностей. Дети спали по двое. Коля спал вместе с Толей Мартюковым...» Это было в течение года.

О Н.Рубцове вспоминает Аносова Е.А., учительница русского языка Никольской семилетней школы (16):

«... Всегда был активен и любознателен, много читал, любил стихи. Выразительно декламировал только понравившиеся ему: «Зимнее утро» А.С.Пушкина, «Утро» Никитина, «Мцыри» М.Ю.Лермонтова, «Песня о соколе» М.Горького, «В сто солнц закат пылал...» В.Маяковского и другие. Коля очень интересовался вопросами стихосложения, видимо, уже в школе (5-7 кл.) он сочинял стихи, но из скромности ни с кем об этом не говорил.

Сочинения Коли Рубцова были содержательны, идейны и грамотно оформлены (эпиграф, план, обрамление, красная строка, поля). В заключении он выражал своё отношение к изложенному, свои чувства и мечты...

Наш милый хороший Коля Рубцов, став поэтом, создал стихи-песни, в которых выразил свою любовь ко всему прекрасному, любовь и мечты, о которых он писал в школьных сочинениях...» В июле 1948 года группу детдомовцев послали на экскурсию в Тотьму. По другим сведениям летом 1949 г. группу ребят в составе 14-и человек направили в Тотьму на олимпиаду (смотри) детских домов. Там Коля играет музыкальное сопровождение на гармошке во время акробатических номеров, исполняемых Гетой Меньшиковой и Женей Буняк (Романовой). В старинном русском городе Тотьма (упоминается впервые в 1137 г.), расположенном на живописных холмах, Коля видит широкую реку Сухона, причалы и пароходы на реке, красивейшие церкви Рождества Христова, святой Троицы, храм Входа Господня и Успенский храм с колокольней, полуразрушенный ансамбль Спасо-Суморина монастыря с сохранившимся Вознесенским собором. Возможно, позднее Коля узнаёт и о разрушенном монументальном Богоявленском соборе и взорванной белой колокольне этого собора. В Тотьме можно понять, на каких духовных основаниях держится поэзия Николая Рубцова. Как она неразрывно связана с историей России.

Старшая пионервожатая Е.Брагина сообщает: «Старшие воспитанники вечерами охотно учились танцам, а Коля каждый раз играл на гармошке и нам всем казалось, что он непременно будет учиться музыке. Играл мелодии, предпочтительно грустные, и своё что-то импровизировал, что-то печальное».

Вспоминает Семенихина Екатерина Ивановна, бывшая пионервожатая в Никольском детдоме с августа 1949 г. (записано 3 июня 2002 г. на станции юных туристов в Тотьме во время поездки представителей Московского Рубцовского центра, 18):

«Летом ребятам приходилось много работать. Потому что лошадь была, корова была, были свиньи, были овцы и даже пчёлы. Надо было накопить сена для скотины. Особенно этим занимались старшие. Выращивали картофель, овощи.

Зимой заготавливали дрова в лесу. Привозили к детдому. Потом надо было распилить, расколоть. Для детдома и для бани дров надо было много. Баня была по субботам. Здание детдома было высокое, отапливалось плохо. Холодно было. Дежурили и работали также в прачечной.

В пионерской комнате были танцы. Воспитатели тоже были молодые, из педучилища. Приходили и ребята из села. Коля играл русскую, польку, матросский танец. Ему ещё в 10 лет дали гармошку. Нашли в кладовой тульскую гармошку и сказали: – Играй! И он начал учиться, подбирая на слух.

Подыгрывал девочкам. Гета Меньшикова и Женя Буняк были очень физкультурные. В спальне делали акробатику. У них был номер. Делали и «пирамиду» на 7 человек. Ребята выступали с песнями, танцами. Было много украинцев и ленинградцев.

Младших детей никогда не обижал. Когда уезжал Коля в Ригу, ему девочки подарили 12 вышитых носовых платков» (11).

В Никольском детдоме жизнь была трудная, но весёлая. Николай Рубцов в письме к флотскому другу, писателю В.Сафонову сообщает: «А в детстве было многолюдное село (это о Никольском, – прим. автора), праздничные народные гулянья, спор гармоник, частушки, песни, пляски» (19).

В стихотворении «У размытой дороги» поэт вспоминает:

Плачет звезда, холодея, над крышей сарая...
Вспомни – о родина! – праздник на этой дороге!
Шумной гурьбой под луной мы катались играя,
Снег освещённый летел вороному под ноги.
Бег всё быстрее... Вот вырвались в белое поле.
В чистых снегах ледяные полынные воды.
Мчимся стрелой... Приближаемся к праздничной школе...
Славное время! Души моей лучшие годы.
Скажут ли свадьбы в глуши потрясённого бора,
Мчатся ли птицы, поднявшие крик над селеньем,
Льётся ли чудное пение детского хора, –
О, моя жизнь! На душе не проходит волнение...

Исследователь, к.ф.н. С.Педенко пишет: «Люди, выросшие вместе с ним, вспоминают, что уже в детстве он хорошо играл на балалайке и гармошке. Был у него выменянный на несколько порций хлеба заветный альбом, в который он записывал полюбившиеся стихи и песни и тут же их иллюстрировал» (20).

Одна из воспитанниц детдома красиво и по-русски сказочно сказала на многие времена:

«Не верьте, что ходили мы ради каких-нибудь ягод-грибов. Мы ходили по счастье, по радость, по песню, мечту и любовь».

Евгения Буняк, которая воспитывалась с Рубцовым ещё в Красковском детдоме пишет: «Первой подругой у Николая была Тоня Шевелёва, скромная, тихая, незаметная девочка, ничего в ней особенного не было, а вот Рубцов выделил её из всех девчонок. Они часто уединялись и вели свои разговоры, а мы их дразнили: «Жених да невеста!» У Тони до сих пор хранится Колина фотография с его дарственной надписью, у одной-единственной (на фото надпись «Плохим меня не вспоминай» (17). Многие фотографии детдомовской поры она отдала в различные музеи, а эту бережёт...».

Вспоминает Нехаева (Смирнова) Римма Сергеевна о событиях переломного в жизни детдомовцев 1950 года: «А мы с Тоней Шевелёвой (Силинская А.А.) поехали в Вологду поступать в Фельдшерско-акушерскую школу. Когда уже были сданы экзамены, и мы были приняты в училище, Тоня показывает мне небольшую книжечку с красивым рубцовским почерком и говорит: «Коля отдал перед отъездом и сказал: «Когда поступишь – прочтёшь». Вот эти стихи. Правда я запомнила два куплета.

«Когда уеду из детдома
Тогда начнётся жизнь моя.
Какая ждёт судьба – не знаю,
Но не забуду я тебя.

Пока что я неинтересен,
И от себя меня ты оттолкнёшь.
Ну что ж – быть может где далёко,
Меня ведь тоже вспомняешь».

Конечно, стихи Рубцова не совершенны. Но искренность и предвидение разлуки с подругой налицо. Итак, первая влюблённость у Коли Рубцова – Тоня Шевелёва.

12 июня 1950 г. Николай Рубцов получает свидетельство об окончании семилетки (оценки 4 и 5) и первую путёвку в жизнь. 13 июля 1950 года «воспитанник детдома Рубцов К. направляется в

город Ригу для прохождения комиссии» (выписка из книги приказов по детдому, 1950 г.) и для поступления в мореходное училище. Мальчишка едет в сопровождении преподавателя никольской школы. Путь Коля проходит через Вологду, которая хранит древний Кремль с Софийским собором, прилегающие красивые церкви и храмы, особенно вдоль реки Вологда, двухэтажные деревянные дома с резными палисадниками. В Риге Коля встречается с архитектурой и обычаями католической Латвии и может сравнить с обычаями православной России.

В училище Рубцов не был принят. По мнению Н.Васильковой (Поповой): «...не вышел ростиком Коля, не на тех хлебах рос» (11). В Риге просто отсеяли худощавого и невысокого мальчишку. Есть версия, что в училище брали с 15-и лет. На обратном пути Николай пытался поступить в художественное училище в Ленинграде, но у него не было работ для представления на творческий конкурс (11). Николай Рубцов возвращается в детдом, 23 июля его ставят на снабжение. И до середины августа 1950 г. живёт в Николе. Надо определяться с будущей профессией.

Именно в это время (июль – начало августа 1950 г.) Коля создал первое философское стихотворение «Два пути». В домемузее Николая Рубцова имеется автограф: «1950 г., с. Никольское Вологодской области» (12). 14-летний мальчишка на паромной переправе Усть-Толшма видит русских людей, которые в любую погоду «на телегах, в сёдлах и пешком» выходят зачем-то на тракт. Он ещё не знает, что это обстоятельства жизни гонят народ из обжитых домов на улицу. И что аналогичная судьба предназначена будущему поэту. А Коля размышляет:

А от тракта, в сторону далёко,
В лес уходит узкая тропа.
Хоть на ней бывает одиноко,
Но порой влечёт меня туда.

Кто же знает,
 может быть, навеки
Людный тракт окутается мглой,
Как туман окутывает реки...
Я уйду тропой.

Коля подсознательно чувствует, что его будет спасать русская природа: «В лес уходит узкая тропа...» и «Я уйду тропой».

Надо устраивать судьбу мальчишки-сироты. По воспоминаниям Нины Васильковой, директор детдома Вячеслав Иванович Брагин вызвал воспитанника и предложил поступать в Тотемский лесной техникум.

Это была вторая путёвка в жизнь для Николая Рубцова.

13 августа 1950 г. Николай едет в Тотьму для сдачи экзаменов в лесной техникум. Вот что пишет в своих воспоминаниях преподаватель русского языка и литературы лесного техникума А.Ф.Корюкина (16):

«Август 1950 года. Идут вступительные экзамены в техникум. В аудиторию входит мальчик, ему 14 лет, хорошо одет, в добротный тёмно-синий шерстяной костюмчик, ботинки чёрные, светлая рубашка. Это Коля Рубцов, воспитанник Никольского детского дома. Всех воспитанников д/дома, когда их отправляли, прилично одевали, в техникуме он питался за счёт государства: ему выдавали талоны в столовую.

На экзаменах держался уверенно, бойко отвечал на вопросы билета, иногда приветливо улыбался. Очень выразительными были его глаза, тёмные, с красивым блеском, похожими на блеск чёрной смородины, омытой летним дождём. Экзамены успешно сданы и Коля Рубцов – студент техникума».

Николай Рубцов возвращается в Николу для оформления документов и 29 августа 1950 г. уезжает из села на учёбу. Из тотемского техникума приезжал в детдом с 27 января по 3 февраля 1951 г. на зимние каникулы и со 2 по 5 мая 1951 г. на праздники. А рассчитался с Никольским детдомом 22 июля 1951 г. в связи с его закрытием.

Из воспоминаний А.Ф.Корюкиной (16):

«Техникум расположен на полуострове при слиянии двух речушек: Ковды и Пёсьей Деньги (это территория Спасо-Суморина монастыря). Старый парк с корявыми берёзами, вероятно, про эти берёзы он писал: «Я люблю, когда шумят берёзы». Вблизи техникума – деревни Чоботово, Притыпино, Воробьёво, и Николай наблюдал деревенскую жизнь, когда в субботу топились деревенские бани, когда жители спешили помыться, а потом за вечерним чаем обсудить семейные дела.

У Коли никогда не было настоящей семьи. Радовался и восторгался, когда видел дружный крестьянский труд, красиво одетых женщин, сушивших сено по берегам реки и певших протяжные русские песни».

Спасо-Суморин монастырь, который рядом с Тотьмой в 1554 году основал Феодосий Суморин, уже в 1613 году защитил население во время польско-католической осады.

В сочинении «О родном уголке» (1953 г.) 17-летний Коля Рубцов пишет о теперь уже родном городе (12):

«Тотемский же монастырь, ограждённый могучей каменной стеной, а также собор, путь к которому преградили широкий ров, заполненный водой, и высокая земляная насыпь, так и не могли взять шляхтичи... Немало прошло времени и с тех пор, как Петр Великий посетил эти места, где во время пирушки со своей свитой приказал высечь на камне (огромный валун «Лось» на реке Сухоне, – прим. автора) надпись в честь памяти о своём местопребывании».

Тотьма знаменита промышленным солеварением, которое здесь существовало на рубеже XIV и XV веков. Уроженцем Тотьмы является знаменитый солепромышленник Л.К.Строганов.

В настоящее время (данные на сентябрь 2008 г.) в кельях служебного здания монастыря действует гостиница «Монастырские кельи» с двухместными номерами. В кельях №№ 6, 7 и 8 проживал Рубцов. Пустует фасадное двухэтажное здание с кельями, разрушены встроенная в фасадные стены церковь, угловая башня монастыря, полуразрушена вторая угловая башня. Воскресенский Собор находится в плачевном состоянии: внутренние помещения пустынные и завалены битым кирпичом, лестница частично разрушена, оконные проёмы ствола купола разбиты. Внутри помещений дебилские и полусатанинские надписи (даже в таком древнем городе некоторые русские молодые люди доведены до «Иванов, не помнящих родства»). Внутри собора установлены леса (ещё четыре года назад – прим. автора) для реставрации (информация на июнь 2002 г.).

Здание техникума было расположено в здании древней церкви Преображения. Аудитории размещались в церковных помещениях, потолки и стены которых были разрисованы фресками на библейские темы. Очень впечатляют стены одного из

проёмов, на которых имеются картины «Ангел с крестом» и «Ангел с терновым венком». Во время лекций библейские персонажи с картин смотрели на студентов. Представленные сюжеты не могли пройти мимо любознательного Николая Рубцова. Вот откуда более позднее обращение поэта к Библии (см. ангел с крестом на фотовкладке стр. 5, календарь 2006 г., съёмка август 2003 г.).

У Преображенской церкви снесён купол. Автор с Э.А.Любенко, товарищем по песням Рубцова, поднялся в чердачное помещение церкви (июнь 2002 г., - прим. автора). Нас поразили мощные деревянные конструкции крыши. Брёвна нижней обвязки имели диаметр 40 см и длину около 25 метров, расчётная масса 3 тонны. На всю длину опоры брёвна стыковались. С трудом можно представить: какой же высоты деревья спиливали для получения нескольких таких брёвен, и сколько трудов стоило затёсывать их топорами? Стропила были выполнены из бруса сечением 200мм x 200 мм. Конструкции имели врезки для взаимного захвата и соединения и вверху образовывали куполообразную верхнюю обвязку. В целом это и есть ферма для опоры купола. И что поразительно: всё это было сконструировано в русской глуши примерно 200 лет назад, поднято при помощи каких-то специальных приспособлений на высоту порядка 15 метров, затащено в чердачное помещение и затем смонтировано. Вот такие мастера – предки жителей города. Население Тотьмы в те времена – около 3000 чел.

Известно, что Коля Рубцов вместе с ребятами лазали по стенам монастыря и даже на головокружительной высоте перепрыгивали проём в монастырской стене, ходили по карнизу, рискуя сорваться насмерть (высота около 12-15 метров). В настоящее время (запись в сентябре 2008 г. – прим. автора) здание Преображенской церкви (бывшего техникума) и Воскресенского собора закрыты под ожидаемую реставрацию.

Временным домом для Коли стало общежитие техникума. В Тотьме он, как и все студенты, жил фактически на нищенскую стипендию, наверняка полуголодный. Сергей Багров, товарищ Рубцова по техникуму, сообщает, что Коля отличался как бойцовским характером, так и особыми дружелюбием и пониманием природы (11).

Вспоминает Анна Феодосьевна Корюкина (16):

«... Учился легко и просто, любил литературу и математику, с ребятами жил дружно, зимой тетради носил в голенище валенок, иногда играл на гармошке.

По рассказам ребят часто вспоминает о маме и пишет о ней стихи. В беседе со мной говорит, что в техникуме нравится, но всё равно уйдёт, когда исполнится 15 лет: ему хочется на море, где сердитый ветер, могучие волны и отважные моряки.

Ему нравилась русская природа, с восторгом говорил о Николе, о реке Толшме, о маленьких деревеньках Тризоново и Пузовка, часто вспоминал Никольский детдом, работу в огороде, зимой – катание на санках, шум, смех ребят. Мы с ним жили очень дружно, часто беседовали вдвоём, много говорили о техникуме.

Друзьями Николая Рубцова были Борзенин Валентин, он жил рядом с техникумом, и Серёжа Багров, теперь писатель, у него дом был в Тотьме. Николай отличался прямым характером.

Когда он приезжал в Тотьму, он заходил в техникум, приходил дважды ко мне домой попить чаю с вареньем.

Меня всегда поражала его внешность: он был плохо одет: чёрное простенькое пальтишко, перешитое из перекрашенной шинели. Зимой серые подшитые валенки, дешёвенькая шапка, на шее – старенький серенький шарфик (его звали Коля – шарфик). Очень жалко, что в трудную минуту его никто не поддержал, но радуется, что его поэзию поняли последующие поколения: его стихи изучают в школе, чему помогают учителя школ».

Много сделала Шананина Маргарита Афанасьевна в школе №1, где был создан прекрасный музей Рубцова (в 2001 г. его уже не было). Успешно пропагандировала лирику Рубцова преподаватель СПТУ Куринская В.К., проводила читательские конференции, где звучали песни на стихи поэта, использовала диафильмы».

Вспоминает Алексеевская Нина Николаевна, преподаватель математики в лесном техникуме (18):

«Начинался новый учебный 1950-1951 год, 1 сентября. В группе 1-го курса лесозаготовительного отделения 1-ый день учебного года начинался уроком математики. До начала урока я зашла в аудиторию проверить: всё ли готово к занятиям.

Поговорив с ребятами, я сказала, что у них до начала урока ещё есть несколько минут, я хотела выйти из аудитории, но с заднего стола ко мне подошёл мальчик небольшого роста, худощавый,

с ясными весёлыми глазами. Очень свободно, безо всякой скованной речи попросил посадить его за первый стол... Кто-то из мальчиков поменялся с ним местами и Рубцов сел за другой стол.

Учащиеся техникума были в основном из сельской местности. В то время они были плохо одеты.

На таком фоне обратил на себя внимание и внешний вид Рубцова: светлая сорочка, шерстяной хороший костюм, на ногах хорошие башмаки, всё это начищено, наглажено (так приодели Николая Рубцова на выход в люди руководители детдома, – прим.автора). Это была первая встреча с Рубцовым.

О его литературных возможностях я тогда не имела представления. Однажды я зашла в комнату общежития к своим ребятам. Поздоровались и кто-то сказал: «А у нас гость». На кровати с гармошкой в руках сидел Рубцов. Перед моим приходом он играл и пел какую-то песню. Один из ребят сказал: «Он сам сочиняет». Но я тогда не обратила внимания на эти слова. Я вспомнила их потом...

В одном из номеров стенгазеты «Кадры – лесу» целая полоса была заполнена частушками, внизу стояла подпись Н.Рубцов. Весной 1952 года я зашла в канцелярию учебной части. Около стола секретаря стоял Рубцов. Он обернулся и сказал: «Вот, уезжаю. Буду моряком».

Говорят, что Рубцов был человеком с трудным характером, упрямый и молчаливый, нетерпимый, вспыльчивый, резкий.

Но если он мог написать такие простые и в то же время глубокие стихи, ласковые, добрые, душевные, значит, душа у него была хорошая, а всё это внешне...

Оно пришло к нему от равнодушия людского, от необеспеченности и неустроенности и всяких других невзгод, которых у него было достаточно и которые он тяжело переживал...»

Вспоминает Валентина Васильевна Оборина (Покровская), преподаватель истории лесного техникума (18):

«Я приехала в Тотьму в августе 1950 года после окончания МГУ им.Ломоносова по путёвке Министерства лесной промышленности...»

Николай пришёл из детского дома с. Никольское, жил в общежитии. Это был маленького роста, красивый, с очень

любопытными, распахнутыми настежь глазами, с иногда грустной, а иногда даже лукавой улыбкой. Меня тогда поразила его любопытность. Когда я приходила в их комнату в общежитии, он с интересом расспрашивал меня о Москве, об университете, музеях, Кремле. Пожалуй, он был единственным, кто так интересовался Москвой, и я с удовольствием вспоминала студенческие годы, музеи, экскурсии...

Учиться в техникуме он не хотел, много раз в течение года порывался его бросить. Он мечтал о море, хотя никогда не видел его (видел в Риге в 1950 г. – прим. автора). По поводу ухода из техникума мне приходилось с ним много говорить. Я считала, что он должен кончить техникум, получить специальность, а потом уже податься в мореходку, как он мечтал.

В 1953 году я уехала из Тотьмы и до пенсии проработала в Лобненском техникуме... В журнале «Знамя» за 1971 или 1972 г.г. я увидела большую статью о нём, очень обрадовалась. В ней упоминалась его учёба в лесном техникуме. Теперь я уже точно знала, что это мальчик из лесного, которого я запомнила на всю жизнь. Не дочитав статью, зашла к соседке, с которой я делилась своими сомнениями в отношении поэта Рубцова и уведомила её о том, что это он – мой ученик.

Мы решили написать ему письмо и пригласить к нам в техникум на встречу с учащимися (мы регулярно проводили такие встречи). А когда я через 10 мин. дочитала статью – оказалось, что Коля погиб. Вот так всё очень грустно кончилось.

Р. С. На открытии памятника Н.Рубцову в Тотьме на берегу Сухоны я присутствовала. Мне кажется, скульптор очень хорошо передал и внешний и внутренний мир поэта».

Вторая юношеская односторонняя влюблённость возникла у Николая Рубцова уже в Тотьме к Татьяне Агафоновой, с которой он познакомился в конце 1951 г. Таня училась тогда в педагогическом училище. В своих воспоминаниях Татьяна Агафонова (Решетова) пишет: «Принято было в Тотьме собираться на танцы в лесном техникуме у «короедов» (как мы их звали) или в педучилище у «буквоедов» (так они нас называли). Танцевали под духовой оркестр или под гармошку... Меня вёл в вальсе улыбочивый паренёк, темноволосый, небольшого роста, одет, как и большинство его ровесников, в комбинированную хлопчато-

бумажную куртку, чёрные брюки. Всё было отглажено, сидело ладно. Красивое лицо с глубоко посаженными чёрными глазами – всё это как-то привлекло моё внимание. А главное, он всё время что-то говорил, улыбался и хорошо танцевал» (11).

Коля пытался добиться внимания девушки, но безуспешно. И Татьяна Агафонова пишет: «Вскоре по какому-то случаю он послал мне поздравительную открытку, на обратной стороне её были написаны стихи. Я поняла, что это его стихи. Но такие обидные для меня, злые! Оценивая меня, он не жалел ядовитых эпитетов. Резкие очень стихи были. Мне показалось, что он несправедлив ко мне, и в гневе тут же порвала открытку. Теперь я уже не замечала Колю...»

Такая вот односторонняя информация от Т.Агафоновой. Но как говорится: «нет дыма без огня». Эта история взаимоотношений шестнадцатилетних студентки и студента имела своё продолжение и сказалась на юношеском пути Николая Рубцова.

В ноябре 1951 года Николай вступил в комсомол; имеется учётная карточка члена ВЛКСМ № 21173230, выданная тотемской районной организацией Вологодской области.

В те времена первые два курса в любом техникуме Советского Союза соответствовали 8-му, 9-му и частично 10-му классам общеобразовательной школы. Старшие курсы каждого техникума имели программы по специализации студентов. То есть, определённый уровень знаний Николай Рубцов получил за два года учебы в техникуме. Как известно, диплом об окончании техникума приравнивался в Советском Союзе к аттестату об окончании десятилетки, что давало право поступления в высшее учебное заведение.

Не просто было расставаться Николаю со своей второй малой Родиной. В сочинении «О родном уголке» (1953г., Кировск) Коля писал: «Пусть не лиманы и не каштаны украшают зелёные сады Тотьмы и не райские птички поют в их зелёной листве, пусть небо над Тотьмой не такое голубое, как в Италии, пусть ночи тотемские не такие «очаровательные», как украинские! Природа Тотьмы гораздо грубее и суровой, но именно этой суровой правдивостью нравится мне неподражаемая природа родного уголка.

Кроме того, я не мог бы считать бесценно дорогим этот город, если б с именем его не были связаны судьбы моих бесконечно милых друзей недалёкого детства» (12)

К лету 1952 г. Николай Рубцов имел уже сложившуюся жизненную позицию на основе народного воспитания, понимания необходимости своими силами решать проблемы после детдома. И он всё время помнил о море. Из стихотворения «Родное море» (опубликовано в 1958 г.):

Любил я свист кочующего шторма,
Картавых птиц над дюнами любил.
Я говор волн подслушивал упорно,
И между дюн мечтательно бродил.

И это о тех самых дюнах, которые Коля видел в июне 1950 г. на рижском взморье, когда поступал в «мореходку». И то, что для простых смертных было средой для развлечений (отдых на море), для Николая Рубцова было стихией жизни.

Не только романтика, но и проза жизни гнала Николая Рубцова на морские просторы. Надо было получить на будущее специальность. Тот, кто был настоящим студентом, знает, как приходилось зарабатывать деньги на продукты и одежду.

Считаю, что Николай закончил 2 курса лесного техникума, хотя бы потому, что ему надо было получить стипендию за летние месяцы для выезда из Тотьмы и просто выживания.

Перед отъездом из Тотьмы Николай Рубцов ещё успеваешь увидеть картину моросящего дождя, понурой лошади, стаи озябших ворон. В.Зинченко (12) сообщает, что в архиве Бориса Тайгина хранится автограф варианта стихотворения с названием «Осенний вечер» и датой «Лето 1952 г., г.Тотьма Вологодской обл.». Николай рисует невесёлый пейзаж:

Скользкой неровной тропею
В зарослях ветреных ив
Лошадь идёт с водопоа
Голову вниз опустив.

Малейшие детали явлений жизни подмечает сознание Рубцова. Тревожное настроение передаётся читателю.

В середине или в конце июня Коля уезжает искать пути к морю и к своим родным. Впереди, до призыва в армию – три года.

Глава 3. Пути-дороги юности. На тралфлот, в Кировск, в Ташкент, в Вологду, в Приютино. «Надо хлеба мне, хлеба! Замолчи радиола...» (июль 1952 г...сентябрь 1955 г.)

К морю в Архангельск, на тралфлоте. Горно-химический техникум в Кировске. Летом 1954 г. в Ташкенте. Встреча с братом и отцом в Вологде весной 1955 г. Жизнь в Приютино.

В июне 1952 г. Николай Рубцов направляется в Вологду. Он не знает, что отец жив, женат, имеет новую семью и новых детей. Он ищет, вероятно, сестру Галину, брата Альберта (как это обычно делалось через городские справочные бюро). Ни брата, ни сестры нет в городе. И, скорее всего, он получает адрес тётки Сони (которую Коля тоже помнит) и встречается с ней. Для тётки Сони появление Коли было, конечно, потрясением. От тётки он узнаёт об отце и его семье. И о том, что Альберт находится в армии (очевидно с осени 1951 г. по осень 1954 г., в то время продолжительность службы в сухопутных войсках составляла три года, а на флоте – четыре года). Галина уехала в Череповец на строительство знаменитого металлургического комбината. Не быть же ей вечно в падчерицах. Надо решать свою судьбу.

Можно себе представить состояние Коли при получении всех сведений о своих родственниках. Любой мальчишка (а Коле уже 16 лет) возмутился бы тем, что отец столько лет не искал своего сына. Естественно, что Коля не захотел встречаться с отцом: что бы он хотел услышать от него? И Коля едет к сестре в Череповец, хотя бы затем, чтобы увидеться с ней после девятилетней разлуки (после далёкого 1943 года). Встретились они в женском общежитии Череповецкого металлургического комбината. Галина купила брату ботинки, поскольку старые развалились. Примерно неделю Коля прожил у сестры, в комнате девчат, на полуправильном положении, а затем должен был уехать. Практически он выигрывал время до решения судьбоносных проблем. Имея на руках паспорт, как документ для оформления на работу и учёбу, мальчишка Николай Рубцов в конце июня-начале июля 1952 г. уезжает на Север, в Архангельск. Сдаёт экзамены в мореходное училище. Живёт в общежитии.

В стихотворении «Долина юности» Рубцов признавался (19):

Я родился с сердцем Магеллана
И от пирса юности отплыв,
После дива сельского барана
Я открыл немало разных див. (курсив автора книги)

Над глупостью коменданта общежития пошутил Коля и не приняли его в мореходку. Жуткая житейская ситуация лета 1952 года в Архангельске отражена в стихотворении-песне «Фиалки»:

Я в фуфаечке грязной
Шёл по насыпи мола.
Вдруг тоскливо и страстно
Стала звать радиола:
– Купите фиалки!
Вот фиалки лесные!
Купите фиалки!
Они словно живые!

В незнакомом городе Николай ищет дорогу. Море рядом, а «хилому» парню, не удаётся попасть на рыболовное судно.

Как я рвался на море!
Бросил дом безрассудно
И в моряцкой конторе
Всё просился на судно.
Умолял, караулил...
Но нетрезвые, с кренцем,
Моряки хохотнули
И назвали младенцем...

Так зачем мою душу
Так волна волновала,
Посылая на сушу
Брызги сильного шквала?
Кроме моря и неба,
Кроме мокрого мола,
Надо хлеба мне, хлеба!
Замолчи, радиола...

Да! Не до радиолы и фиалок было голодному и бездомному Рубцову в Архангельске. Коля едет на «толкучку», стихийный рынок, где пытается продать старую фуфаячку.

Вот хожу я, где ругань,
Где торговля по кругу,
Где толкают друг друга
И толкают друг другу.
Рвут за каждую гайку
Русский, немец, эстонец.
О, купите фуфайку!
Я отдам за червонец!

А червонец (10 рублей – до денежной реформы 1961 года) в товарном измерении составлял 8 батонов бело-серого хлеба. На этих батонах Коля мог бы продержаться 4-5 дней.

Но нашлись добрые люди. Коле удалось устроиться на работу «избачом» (библиотекарем) и одновременно слесарем-истопником в местную библиотеку (20). В это время Николай получает возможность читать всё желаемое со стеллажей с книгами.

Скоро сбывается юношеская мечта. 12 сентября 1952 года Рубцова принимают в Архангельске на рыболовный траулер на тяжёлую работу в качестве угольщика (помощника кочегара). За время этой работы Николай накачал мускулатуру, приобрёл «морской» характер, что очень пригодилось ему в жизни.

Не лирическое, а техническое отступление (прим. автора).

Одно дело, красиво, как в кино, стоять на мостике в качестве капитана и отдавать приказы. И совсем другое – обеспечить жизнедеятельность судна. У «мудрых» интеллигентов имеется часто примитивное представление о работе капитанов и матросов, в том числе угольщика, а позднее и кочегара Рубцова. «Мудрецы» предполагают, что вот человек дебильного типа должен бросать и бросает лопатой уголь в какую-то топку, зев котла. Однако этот процесс происходит в машинном отделении рыболовного судна. А оно представляет собой очень сложную техническую систему, которая содержит мощный котёл, систему трубопроводов пара, преобразователь пара высокого давления (несколько атмосфер) и блоки кривошипно-шатунных механизмов для привода винтов

морского судна. Кроме того, имеется много приборов контроля давления, температуры и автоматики, системы освещения и всё это сосредоточено в малогабаритном пространстве судна. Поэтому кочегар, как правило, является одним из операторов (по мере выучки) машинного отделения, то есть механиком, специалистом на судне. И за состоянием механизмов надо постоянно следить, чтобы не допустить трагических результатов. На морском судне имеется обычно несколько механиков и хватает черновой работы по смазке узлов и деталей конструкций (особенно тавотом).

На тралфлоте Николай работает то угольщиком, то поваром, то подсобным рабочим. Здесь он находился на хорошем питании, так как моряков в те времена никогда не кормили плохо.

О работе на тралфлоте позднее написаны весёлые стихи «Я весь в мазуте, весь в тавоте...», «В океане», «Хороший улов», «Возвращение из рейса», «Летел приказ» и др.

В стихотворении «Хороший улов» Рубцов рисует картину:

У тралмейстера крепкая глотка –
Он шумит, вдохновляя аврал!
Вот опять загремела лебёдка,
Выбирая загруженный трал.

Сколько всякой на палубе рыбы!
Трепет камбал – глубинниц морей,
И зубаток пятнистые глыбы
В красной груди больших окуней!

Морская романтика владела Рубцовым, была радость жизни, и понимание, что одним – «море», а другим – «причал». И поэт весело и философски отмечает:

Я весь в мазуте, весь в тавоте,
Зато работаю в тралфлоте!
.....
Я, юный сын морских факторий,
Хочу, чтоб вечно шторм звучал.
Чтоб для отважных вечно – море,
А для уставших – свой причал.

Находясь на тралфлоте, Николай Рубцов вспоминает о Т.Агафоновой и пишет ей письмо. Посылает «фирменное» (в тельняшке и фуражке) фото с надписью «На память Тане. Г.Архангельск. Тралфлот. 29.V.53. Н.Рубцов» (21). Об ответном письме Т.Агафоновой в этот период сведений нет.

Проплавал Николай до июля 1953 г. Он решает продолжить образование. Даже приличная зарплата рыбака не прельстила его. Он захотел стать механиком, как вспоминает о беседе с матросом Колей Рубцовым при увольнении капитан рыболовецкого траулера А.П.Шильников (12, В.Зинченко).

А поступать Николай Рубцов решил в Кировский горно-химический техникум, в котором был механический факультет. Коля прочитал объявление в местной газете и решил, что надо приобрести «земную» специальность. Техникум готовил горных механиков. Николай предполагал, что на просторах Родины он сможет устроиться, получить постоянную крышу над головой.

Но одно обстоятельство осложнило жизнь Рубцова. 27 марта 1953 года после смерти И.В.Сталина была объявлена амнистия заключённым со сроками осуждения до 5 лет. Весной и летом этого года масса освобождённых хлынула на дороги страны. И у Николая Рубцова перед отъездом в Кировск украли заработанные деньги. Без билета и денег, на крыше вагона Рубцов приехал в город. Узнав о краже, друзья-матросы (шапка по кругу) прислали Николаю деньги, в три раза больше, чем украли у него. И Коля узнаёт, сколько есть друзей настоящих.

При поступлении в техникум Николай пишет содержательное сочинение «О родном уголке» (22), в котором признаётся:

«Вспоминая теперь про свой родной бесконечно близкий уголок, я убеждаюсь, что именно этому уголку я обязан всем чистым, ясным и благородным, что было и что будет в моей жизни, ибо здесь под влиянием родной природы, под влиянием своих учителей и своих же товарищей, под влиянием самой жизни, такой радостной и счастливой, развивались мои наклонности, формировался характер».

Из ранних стихов Н.Рубцова выделяется светлая лирическая песня «Деревенские ночи». Датировано 1953 годом, очень вероятно, что написано после увольнения из тралфлота. К какой девушке из Никольского относятся такие строки?

К табуны
 с уздечкою
 выбегу из мрака я,
 Самого горячего
 выберу коня,
 И по травам скошенным,
 удилами звякая,
 Конь в село соседнее
 понесёт меня.

Пусть ромашки встречные
 от копыт сторонятся,
 Вздогнувшие ивы
 брызгают росой, –
 Для меня, как музыкой,
 снова мир наполнится
 Радостью свидания
 с девушкой простой!

После публикации в газете «Трудовая слава» Всеволожского района Ленинградской области 27 декабря 1959 года на это Светлое «поэтом» Н.Лужбининым была написана ёрническая пародия. Это потому, что склонная к самолюбанию и блуждающая душа не может создать ничего Подобного. И как бы хлётско (игра на животном уровне) не писали такие пародии, «Деревенские ночи» пели и поют как красивую лирическую песню самые разные авторы-исполнители.

Литератор из Череповца Л.Вересов, который в конце 20-го века работал в Кировском техникуме, в статье «Хибинский эпизод великого поэта» сообщает (23): «Приказом № 218 от 25 августа 1953 года Н.М.Рубцов зачислен студентом с госстипендией по специальности «Маркшейдерское дело»... По воспоминаниям М.А.Салтан, маркшейдеров называли «горными штурманами». В то время стипендия составляла 280 руб. (до реформы в январе 1961 года). Трёхразовое питание стоило 210 руб. в месяц. Для справки: бутылка водки стоила 21 руб. 20 коп, батон белого хлеба – 1 руб. 50 коп, 1 кг мяса – 12-15 руб.

Друзьями-приятелями Николая Рубцова в Кировске были

Н.Шантаренков, Н.Рыжков, Е.Ивановский. С 17-летним бывалым Рубцовым учатся «салажата» 1-го курса (возраст 14-15 лет).

Смирнова Е.И, Савкина Е.К., Филиппова Е., Салтан М.А., сокурсницы Рубцова отмечают его общительный характер (24).

...На литературном вечере Московского Рубцовского центра в марте 2003 года Н.Шантаренков рассказывал о встречах с Рубцовым. Заприметил он Колю ещё на спортплощадке, где тот играл в волейбол. Отметил силу и ловкость Рубцова, который свободно поднимал 2 двухпудовые гири (каждая по 32 кг).

По воспоминаниям современников, Николай Рубцов занимался резьбой по дереву, вырезал какие-то фигурки, искусно. Учился без интереса (это немудрено, учитывая, что на первых курсах любого техникума преподавали в сжатом виде предметы старших классов, которые Рубцов знал по лесному техникуму, а также усиленно химию). Стихи писал во время уроков, но говорил о них мало. Перед отъездом из Кировска показывал тетрадь своих стихов. В Кировске ребята купили в складчину гармонию, но играл на ней, в основном, Рубцов. Видимо с этой гармонью Николай провожал Татьяну Агафонову в августе 1954 г. в вагоне поезда на Москву.

После поступления в Кировский техникум Николай написал письмо Т.Агафоновой на адрес Тотемского педагогического училища. Получил ответ и фото с надписью «На память Коле от Тани А.» На фото две девушки, Татьяна запечатлена в тубетейке, что вызвало вопросы учащихся техникума: «Которая? Чернявая? А почему в тубетейке, узбечка, что ли?» (21). Поскольку комментаторы поэзии Рубцова ссылаются иногда на высшие силы и Рок судьбы, можно здесь отметить, что Т.Агафонова была направлена по распределению в Азию, в Азербайджан.

По сообщению Н.Шантаренкова, Коля заявлял: «Она – мой идеал, а я – её». После получения фотографии в воображении Николая создаётся впечатление о взаимности с Татьяной. Среди подростков-студентов у него возникает авторитет потенциального «жениха». Из дальнейшей информации видно, что Татьяна встречается в это время с местным парнем Николаем П. (21). Писем нет, переписка обрывается, для Рубцова причина не ясна. Самое обидное в таком возрасте: выглядеть смешным в глазах сокурсников. И потому Рубцову надо ехать к «идеалу», к «своей» девушке, и прояснить взаимоотношения.

В начале 2009 года вышла брошюра историка А.Быкова «И золотое имя Таня...» о жизненном пути Т.Агафоновой (Решетовой), которая сообщает, что более 20 лирических стихов поэта связано с любовью Рубцова к ней (21). В авторской книге «Поэзия. Истина. Рубцов» имеется статья об адресатах лирики поэта (25). Фрагменты из 3-4 стихотворений могут быть отнесены к Т.Агафоновой и одно – «Ответ на письмо» - прямо к ней. Нет ни одного прямого посвящения «первой любви».

Название брошюры «И золотое имя Таня...» по строке стихотворения требует объяснения. Автор брошюры А.Быков сообщает, что это стихотворение хранилось в архиве писателя Н.В.Попова. Но известно, что Н.В.Попов «случайно» опрокинул баул Н.Рубцова в комнате общежития, когда поэт отдал баул ему на хранение. Об этом сам Н.В.Попов сообщил нам на литературно-музыкальной встрече в Московском Рубцовском центре в апреле 2002 г. Потом Н.В.Попов с соседом-студентом читали «этакую уйму» написанного Рубцовым и удивлялись. *От автора:* это - созданное поэтом ещё до поступления в литинститут!

А.Быков обосновывает в книге написание приводимого ниже стихотворения после лета 1960 и до лета 1962 года, то есть в период жизни поэта в Ленинграде.

Рубцов писал все свои стихи по текущим событиям. Лирический герой неотделим от личности поэта в течение всей его жизни. Автору известно это стихотворение с 2003 года (не от Н.В.Попова), ещё до передачи его в московскую библиотеку № 95. О текстах от Н.Попова новые владельцы не сообщали в наш Центр. Привожу текст, который совпадает с архивным вариантом автора:

Я уезжаю... Мучит тайна.
Однажды на заре проснись
И золотое имя Таня
Под звон листвы произнесу.
А между тем на всю планету
Вновь ветер холода надул...
Тоскуя, в Вологду поеду
И этот чудный взгляд найду.

Добавляю 3-ю строфу, которая имеется у автора в архиве:

Живые силы хлынут в жилы,
И опьянею я слегка.
И, может быть, впервые в жизни
Растают на душе снега...

Логически рассуждая, Рубцов не мог написать это стихотворение после весны 1957 года, когда Т.Агафонова сообщила о своей беременности и предложила взять её замуж с будущим ребёнком. К тому времени вторая влюблённость Рубцова закончилась.

С весны-лета 1955г. началась юношеская любовь Николая к Тае Смирновой из Приютино. Об этом позднее. Считаю, что стихи «Я уезжаю...Мучит тайна...» написаны весной 1954 года в период письменного молчания Т.Агафоновой и неопределённости взаимоотношений. Присущая поэту исповедальность позволяют сделать такой вывод.

В конце июня 1954 года после сдачи весенней сессии, получения стипендии за летние каникулы Николай едет в Тотьму.

Татьяна Агафонова пишет (11):

«Затем, летом 1954 года, встреча на выпускном вечере в педучилище. (По сообщению М.А.Шананиной, этот вечер состоялся 1 июля 1954 года). Он каким-то образом приехал поздравить меня с окончанием учёбы. Это и сразило меня... Теперь уже только он провожал меня с выпускного вечера, с ним бродили мы по берегу Сухоны, дожидаясь ночного рейса парохода на Вологду».

Это была разовая встреча после давнего разрыва зимой 1951-1952 г.г., эпизодического обмена фотографиями. Неожиданный приезд Николая в Тотьму и отъезд без обещаний новых встреч, судя по информации Т.Агафоновой. Куда же отправился Рубцов?

В те времена большинство студентов (из малообеспеченных семей) во время каникул подрабатывали разными способами, потому что отдыхать было не на что. Например, автор этой книги в студенческие годы зарабатывал на такелажных работах в тресте «Моспогруз». Николай Рубцов поехал в Среднюю Азию, вероятно, по информации и предложению студентов старших курсов техникума, которые вербовались в топографические или геологические партии для заработка.

В своих воспоминаниях писатель Сайяр сообщает о Николае

Рубцове (26, публикация Н.Красильникова): «Добирался до Ташкента на почтовом поезде трое или четверо суток. Под Оренбургом на маленькой станции у Николая украли баульчик с рубашкой и кое-какой едой. Хорошо ещё, что документы были с собой. Сердобольные соседи по тесному плацкартному вагону, узнав о пропаже, делились с Николаем своими съестными припасами...».

«Возле железнодорожного вокзала в районе ветхих построек, где с начала века обитали русские (в основном беженцы с голодного Поволжья)...его приятель Ахмад снимал угол у полуглохого старика дяди Кости, сильно пьющего, но по натуре доброго и отзывчивого человека...» Далее от Сайяра: «Дядя Костя сказал, что неделю назад он привёл паренька с вокзала. Смотрю, – говорит, – бедолага лежит на скамейке. Жарища. Того и гляди, солнечный удар хватит. Пожалел, растолкал я его, привёл домой».

Сайяр сообщает, что у своего приятеля Ахмада встретил незнакомого русского паренька, который с аппетитом уплетал деревянной ложкой какое-то варево из миски. Мальчишка поел и исчез. Бездомного и безработного Николая содержал дядя Костя.

Из воспоминаний Сайяра: «А в другой раз, когда я Коле показал опубликованное в молодёжной газете своё стихотворение, он проникся ко мне заметным интересом... Коля прочитал несколько своих стихотворений. Я предложил: «Давай покажем их в редакции русской газеты. У меня там есть знакомые». Коля подумал и отказался. «Не могу, – сказал он, – Стихи у меня пока в голове...Вот перепишу их на бумагу, тогда может быть...» Последующая встреча с Сайяром состоялась через 2 недели.

В то время в пустыне осуществлялся один из дилетантских проектов строек коммунизма: программа орошения земель путём отвода воды из Аму-Дарьи. Как известно, кончилось это катастрофой: полным осушением Аральского моря. В одну из топографических или геологических партий (версия Ю.Кириенко-Малюгина) по прокладке оросительных каналов завербовался Рубцов. Результаты работы молодёжи в условиях пустыни Николай отражает в таком фрагменте:

А чай припахивал смолою,
А дикий мёд

Чуть-чуть горчил...
Мы не держали под полою
Свои последние харчи.
По-братски поделились с теми,
Кто две недели жил втошак.
Мы знали:
Будет, будет время,
И нам придётся точно так.
А парни ели,
Парни пили.
Нас аппетит их поражал
...И мы не знали,
Что кормили
Тех, кто из партии сбежал.

Одним из таких «сбежавших» был, вероятно, Николай Рубцов. То, что он работал в пустыне, сомнений нет. Об этом говорят раздумья из стихотворения «В пустыне», опубликованные в «Вологодском комсомольце» 9 августа 1968 года (12):

Шли с проклятьями
Все караваны...
Кто ж любил вас?
И кто вас ласкал?
Кто жалел
Погребённые страны
Меж песков
И обрушенных скал?
Хриплым криком
Тревожа гробницы,
Поднимаются,
Словно кресты,
Фантастически мрачные
Птицы,
Одинокие птицы пустынь...

Такие стихи в городе не напишешь. Николай Рубцов возвращается в Ташкент, к дяде Косте. Логически вытекает, что

поэт осмысливает и создаёт исторические картины, за период месячного пребывания в Средней Азии. В.Зинченко (12) в комментариях к стихотворению «Караваны» пишет: «публикуется по машинописной копии из архива поэта. Вероятно, написано под впечатлением поездки в Среднюю Азию летом 1954 г., но осталось недоработанным». Примерно 4 года назад (это 2006 г. – прим. автора) в архив Вологодского Рубцовского центра были переданы подлинные записные книжки Николая Рубцова, в одной из которых содержатся черновые записи двух самостоятельных по сюжету стихотворений. Ранее В.Зинченко при составлении трёхтомника объединила их под одно название «Караваны». Представим читателю фрагмент:

Шагали караваны
Из Фивы в Бухару,
И сыпали барханы
Песок, как мошкару.
Дамасские булаты
Везли в тюках своих,
Персидские халаты
И песни Навои.
А по пути колодцы –
Один на много вёрст.
А в них,
Как соль в солонках,
Блестела россыпь звёзд.
Шли караваны чинно.
А годы – просто жуть –
Ложились как песчинки
На караванный путь.

Сайяр сообщает, что через две недели Николай принёс тетрадку со стихами. Вместе зашли к редактору Видоновой. Она сказала: «Стихи хорошие... Но понимаете, в них много грусти, пессимизма. А нам нужны произведения о комсомоле, о строителях Голодной степи, о хлопкоробах. Напишите такие – опубликуем». «Нет, я не пишу таких стихов», ответил Николай.

Какие стихи мог тогда показать Рубцов? В Ташкенте Николай

написал стихотворение «Да, умру я!». Вдали от родных мест поэт прозревает и отмечает, что он находится на «земле, не для всех родной». Зная прямой характер Николая Рубцова, можно предположить, что начинающий поэт представил редактору. Из более ранних стихов мог показать «Два пути», «Деревенские ночи», «Осень! Летит по дорогам...», какие-то морские стихи периода работы в траловом флоте. Наблюдается смысловая и словарная содержательность стихов среднеазиатского периода восемнадцатилетнего Николая Рубцова. Это говорит о том, что начинающий поэт постоянно совершенствовался, использовал местный словарный колорит.

Для прояснения периода пребывания Николая Рубцова в Ташкенте приведу фрагмент от Сайяра: «Хорошо помню: в июле, когда стали поспевать бахчевые, сосед по Тахтапулю дядя Нури попросил меня взять друзей и помочь в субботу сгрузить дыни, которые он привезёт на полуторке (так называлась в обиходе грузовая автомашина грузоподъёмностью полторы тонны - прим. автора книги) на базар. Я поехал к Ахмаду и Николаю. Они с охотой согласились помочь. Базар Чор-Су находится в старинной части Ташкента, название его дословно переводится на русский язык как «Четыре родника» (чор – четыре , су – вода)...». Из воспоминаний Сайяра: «Дядя Нури поблагодарил нас и щедро расплатился. Деньги мы поделили поровну и пошли в ближайшую чайхану» Позднее в стихотворении «Желание» (1958 г.) Николай Рубцов увековечил ташкентский рынок:

Жизнь меня по Северу носила
И по рынкам знойного Чор-су!

Когда Сайяр приехал в середине августа, дядя Костя сказал: «А Коля уехал домой. Я дал ему на дорогу денег. Хороший он хлопчик, помогал мне по хозяйству, как сын родной...» (26)

Итак, в начале августа 1954 года Коля возвращается в Россию, едет в Вологду и пытается решить свою дальнейшую судьбу.

Потому что далее Татьяна Агафонова пишет (11):

«В августе 1954 года неожиданно Николай приехал ко мне на родину в Космово (Междуреченский район Вологодской области). Тогда были приняты такие визиты, и ничего дурного тут не

было... Попал Коля в атмосферу внимания и ласки моей мамы (она узнала, что Коля сирота)... Был август, поспела малина. С деревенскими девчатами и моими сёстрами мы ходили по ягоды в лес. Для Коли интереснее была дорога в лес, природа, чем сама малина... Часто сидел на берегу речки Шейбухты или уходил в поле, в рожь...».

Затем Татьяна Агафонова сообщает: «Из-за чего-то мы поссорились с ним, как часто бывает с молодыми людьми в 18-19 лет. Компромиссов молодость не знала. Коля уехал из деревни».

В книге А.Быкова Т.Агафонова приводит совсем другие «факты» (21), в которых чернит Н.Рубцова и которыми себя выставляет в неприглядном виде, афишируя бытовуху. Зачем?

Ещё одну попытку связать свою судьбу с Т.Агафоновой предпринимает Николай. В воспоминаниях от 1994 года Агафонова сообщала: «А вскоре мы с сокурсницами отправились на работу в Азербайджан – пароходом до Вологды, а затем поездом через Москву. Каково же было моё удивление, когда после отправления поезда в нашем вагоне появился Рубцов с гармошкой. Кажется, до полуночи мы пели под гармошку наши любимые песни. Я с ним не разговаривала, побаивалась, что он поедет за мной до Баку. А ведь там и для нас с подругами были неизвестность и страх. Коля нервничал, злился. А я ещё не понимала, что обманываю себя, играя в любовь. Видимо, это было очередное увлечение. Николай почувствовал это и утром в Москве сказал мне, чтоб я не волновалась, едет он в Ташкент. Так мы расстались в Москве с нашей юностью...» (11).

Почему Т.Агафонова сообщает, что Рубцов едет в Ташкент, неясно. Ведь он только что приехал из местности «не для всех родной». Родной для узбеков, но не для Рубцова. У каждого народа – своя родина. Об этой поездке Т.Агафонова должна была бы знать. Не думаю, что Рубцов стал бы скрывать этот факт.

Уезжали Татьяна и пять её подруг 11 августа 1954 г. (21), довольно рано, ведь учебный год начинается с 1 сентября. Следует отметить, что 18-летних выпускниц педучилища – направляли по воле чиновников сферы «народного» образования СССР не в русские сёла к детям, а в чуждые по религии и языку республики, не задумываясь об их судьбах. Из 6-х вернулись 4-е девушки. Надо пояснить для неосведомлённых, что все выпускники училищ,

техникумов или институтов по распределению получали от заказчиков молодых кадров подъёмные деньги для проезда к месту будущей работы и были обязаны отработать по 2 или 3 года. А сколько событий пройдёт за этот ключевой период жизни! Можно было отказаться от поездки только по семейным обстоятельствам.

Итак, Рубцов на вокзале в Москве и с гармонью. У него один путь – в Кировск. Отец в Вологде женат и у него другая семья.

Автор выдвигает следующую версию. Рубцов выезжал в конце июня 1954 года из Кировска через Архангельск до Вологды и взял с собой гармонию. По тем временам Рубцов мог оставить гармонию в Вологде в камере хранения на вокзале за 15-30 копеек в месяц. Возможно, Николай оставил гармонию в Вологде у тётки Сони. Он съездил в Тотьму на выпускной вечер к Т.Агафоновой и вернулся в Вологду. Ехать в Среднюю Азию с гармошкой было нереально. При возвращении из Ташкента Николай Рубцов мог проверить и доплатить хранение гармонию в Вологде. Везти гармонию в Космово не было смысла. С этой гармонью Николай появился в вагоне Вологда-Москва, пытаясь как-то повлиять на Т.Агафонову и прояснить взаимоотношения.

Автор считает, что Рубцов продаёт в Москве гармонию на одном из товарных официальных рынков (например, на бывшем известном «Птичьём рынке» на Таганке), на вырученные деньги покупает билет и возвращается в Кировск, у него нет другой крыши над головой и средств для физического выживания.

Почему-то исследователи не задавались вопросом о бытовых условиях бездомного студента в этот период и материальных условиях возвращения в техникум.

Николай в Кировске длительное время носил в кармане письмо Татьяне, пока оно совсем не истёрлось. Адреса нет. Можно было бы писать на адрес в Космово? С пересылкой в Азербайджан. А зачем? У Татьяны его Кировский адрес есть. «В тетрадке с химическими формулами и названиями «аммофос, диаммофос», – аккуратным почерком юноша набросал строчки (12):

А ты и не слышишь, как мокрые чайки
Кричат на закате пронзительно свежем,
И острые брызги доносятся ветром,
И ты вспоминаешься реже и реже...»

Т.Агафонова сообщает, что писем из Азербайджана Рубцову (после отъезда) не писала. Вот такая оригинальная любовь. В стихотворении «Уж сколько лет слоняюсь по планете!..» (январь 1955г., Кировск) Рубцов говорит о своей влюблённости:

...Бродить и петь про тонкую рябину,
Чтоб голос мой услышала она:
Ты не одна томишься на чужбине
И одинокой быть обречена!..

Это уже пророчество, которое оказалось недалеко от истины...

Конечно, 18-летний Коля Рубцов сильно переживал первое разочарование в виртуальной любви, в объяснениях, которым он очень верил. В воспоминаниях Т.Агафонова пишет (11): «Были потом ещё и письма и стихи, и приезд его в мою деревню к маме, чтоб повидать меня (по словам мамы), но, к сожалению, я была с мужем в отъезде в Ленинграде. Погостив с неделю и не дождавшись меня, Николай уехал». Конкретных дат нет. По её сообщению, переписка была сожжена. «С неделю» – это фантазии.

Потому что в начале 2009 года родилась сенсация. В повести «И золотое имя Таня...» совершенно иначе, чем это было ранее опубликовано Т.Агафоновой, представляются взаимоотношения Рубцова с «первой любовью» поэта. Об этом хронологически смотрите по главам монографии – творческой биографии.

Не удалось Николаю Рубцову получить специальность механика в Кировске. Директор техникума «установил» Рубцову специальность маркшейдера (проходчика туннелей в горах). В техникуме Николай оформлял стенгазету: писал эпиграммы, делал рисунки. М.И.Лагунова, преподаватель русского языка и литературы, понимала Рубцова, поддерживала его на педсоветах. Но техникум готовил не поэтов, а технических специалистов, особенно с химическим уклоном.

По воспоминаниям Н.Шантаренкова, Николай Рубцов в Кировске пропадал в библиотеках, где читал философские труды Канта, Гегеля, Платона, Аристотеля (это сирота и в 18 лет!).

Чувствуется, что молодой человек мечется по жизни, ищет свой путь, но ещё не знает: где и в чём его опора? Начиная с 1953 года, пишет правдивые, граничащие с исповедью лирические

стихи. Период работы на тралфлоте, борьбы за существование, разочарование в объекте юношеской влюблённости, знакомство с жизнью и обычаями Средней Азии, общение с русской природой дали новые темы для стихотворений. Николай постоянно пишет по следам текущих событий. В январе 1955г. поэт в картине «Первый снег» создаёт лёгкое настроение радости и тревоги:

Ах, кто не любит первый снег
В замёрзших руслах тихих рек,
В полях, селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!

В деревне празднуют дожинки,
И на гармонь летят снежинки.
И весь в светящемся снегу
Лось замирает на бегу
На отдалённом берегу.

29 января 1955 г. Рубцов был отчислен из техникума за неуспеваемость. Он едет в Мурманск (по воспоминаниям Ивановского Е.В. и Савкиной Е.К., 24)

Уезжая из Кировска, Николай Рубцов в один присест написал и подарил своему товарищу Н.Шантаренкому «Прощальные стихи», в которых есть такие строки:

Зима глухая бродит по дорогам,
И вьюга злая жалобно скулит...
Я ухожу до времени и срока,
Как мне судьба постылая велит.

Новый поворот в судьбе поэта возникает в начале 1955 г. Брат Николая Альберт осенью 1954 г. вернулся из армии, женился и с молодой женой Валентиной Алексеевной стал жить у родителей жены в Приютине, под Ленинградом. В январе 1955 г. в Сестрорецк (под Ленинград) приехал отец. Посмотрел, как мыкается по чужим квартирам Альберт, и пригласил к себе, в Вологду (27).

В конце февраля-начале марта 1955 года Николай приезжает в

Вологду, чтобы встретиться со своей родней и как-то устроиться в жизни. По справочному бюро ему дают адрес Валентины Рубцовой. И Колю встретила жена Альберта. Судя по содержанию их беседы, Николай знал, что по этому адресу живёт отец и его новая жена Женя, номинально мачеха Коле. Женя увидела Николая и сразу ушла. Позднее пришёл отец и не смог обняться с сыном (27, 28). Ведь прожито 13 лет без общения, а сын стал уже взрослым. Михаил Андрианович, видимо, чувствует свою вину, а сын не может простить отцу свое вынужденное сиротство. Но главное, Николай встречает Алика, родственную душу. Эта встреча была радостной. Братья обнимались, кружились. А Коля так и сказал позднее: «Я брата нашёл и уеду теперь, не буду стеснять никого... Я брата нашёл, теперь не потеряю его» (27, 28).

Какое-то примирение у сына с отцом всё же состоялось. Имеется фото отца от 4 марта 1955 г. с надписью «На долгую память дорогому сыночку Коле. Твой папка. 4.III.55г.» (27). Однако жизнь в новой семье не могла получиться. Вполне вероятно, что по рассуждению молодой мачехи старшие дети Николай и Альберт были уже взрослыми людьми, самостоятельными, и сами могли зарабатывать на жизнь. А отец передал через Валентину Алексеевну, чтобы Коля уезжал. Осуждать здесь отца сложно: всё-таки в новой семье маленькие дети, которых надо кормить и одевать. Но от этого и Николаю Рубцову не легче. Куда ему податься? Вот как пишет поэт в стихотворении «Привет, Россия...»:

Как будто ветер гнал меня по ней,
По всей земле – по сёлам и столицам!
Я сильный был, но ветер был сильней,
И я нигде не мог остановиться.

И дело, в общем-то, не только в стихии мистического или физического ветра, а в непрерывно возникающих сложных обстоятельствах жизни, которые не позволяли поэту найти успокоение и бросали его по волнам жизни и на скалы судьбы. Но за обстоятельствами стояли конкретные личности, которые «помогали» временами поэту улетать с полуобжитых мест.

Николай Рубцов уезжает в Приютино к родителям Валентины

Алексеевны и в марте 1955 г. устраивается на работу в качестве слесаря-сборщика на военно-испытательном полигоне. Вскоре Альберт и Валентина Рубцовы, прожив всего три месяца в Вологде, ушли из отцовского дома на частную квартиру, а потом и вообще уехали в Приютино.

Н.Коняев пишет (27): «Обида у Альберта на отца была. Но если Николай Рубцов обижался, что отец бросил его, не взял из детдома, когда появилась возможность, то Альберт обижался, как раз потому, что отец взял его. Неоднократно рассказывал он Валентине Алексеевне, что в детдоме сразу обратили внимание на его музыкальные способности и уже оформляли в музыкальное училище, когда приехал отец с мачехой, чтобы забрать в няньки».

С весны и до примерно середины сентября 1955 года братья проживали в Приютино. Усадьба с жилыми и хозяйственными постройками спланирована грамотно и довольно живописна и Альберт с женой жили в комнате барского особняка, а Николай в общежитии (бывшем барском флигеле). Рубцов подружился с гитаристом Николаем Беляковым (11). Они ночами бродили по местному парку, Рубцов читал стихи, Беляков слушал, а также играл песни на гитаре. Рубцов подучивается игре на гитаре.

Здесь же завязалась настоящая дружба у братьев Альберта и Николая по общности интересов. Как сообщает С.Иванов (28) из бесед с Валентиной Алексеевной, Альберт занимался в литературном кружке учительницы Л.П.Беляковой, писал стихи о деревне, учился профессиональной игре на баяне (но бросил заочную учёбу). Валентина Рубцова вспоминает о Николае: «Приедет – уедет. С братом поговорят. Про стихи говорят. А Николай тоже играл на гармошке, «классно» играл, хочется слушать, чтоб не мешать, настолько тонко музыку чувствовал. Уж не хочется ни подпеть, ничего, хочется просто слушать. На гармошке причём. Песню всё время пел: «Меж высоких хлебов затерялося небогатое наше село...». Альберт-то пел всё, частушки играл...Ну уж если братья сошлись – совершенно трезвые, никакой выпивки – у них до утра всё стихи, стихи, стихи...» (28).

Видно, что Николай Рубцов ищет свою дорогу в жизни и в поэзии, в спорах с братом и в беседах с Беляковым. Темы бесед неизбежно выводят на понятия Добра, Справедливости, Чести. Вспоминает Николай Васильевич Беляков:

«...Поэму свою читал. В ней всё с самого малого детства, как он из детдома. Про себя и про брата. Они как раз вместе и росли там. Кормиться было трудно, так они убегали с братом. В общем, читал там о каждой корочке хлеба. Рассказывал эту поэму очень долго. А вообще нормальный парень был. Дружбу любил настоящую. Не любил, когда изменяют ему, даже женщина или мужчина. Он верил в человека...» (запись Н.Коняева, 11)

В Приютино у Николая Рубцова возникла уже более серьёзная влюблённость – Тая Смирнова. В парке проводились танцы под радиолу. Николай Рубцов играл иногда на гармошке на танцах и по ночам в парке. В те времена была популярной песня, первые две строки которой Николай Рубцов использовал в посвящении подруге. 29 августа 1955 года он подарил Тае фотографию, на которой было написано такое посвящение:

Мы с тобою не дружили,
Не встречались по весне,
Но того, что рядом жили,
Нам достаточно вполне!

Спрятал свою влюблённость Коля Рубцов от Таи, судя по этой надписи. А 30 августа Тая Смирнова подарила Коле своё фото, на обороте которого была надпись: «На долгую и вечную память Коле от Таи. Красоты Приютина здесь нет, она не всем даётся, зато душа проста и сердце просто бьётся». Обычно при влюблённости в юности, при обмене фотографиями пишут другие тексты: с большими надеждами на любовь и будущее.

Осенью Николаю Рубцову предстоит уходить в армию. У него остаётся в Приютино любимая, как ему кажется, девушка. И как это было и будет в будущие времена, молодые влюблённые клянутся в верности и обычно девушка обещает дождаться парня из армии. А Николай Рубцов попадает на флот и служить ему определено 4 года. Далеко не всякая подруга дожждётся жениха из армии. Много воды утечёт за эти годы.

А потом Николай Рубцов пишет Тае Смирновой с Северного флота и она отвечает ему. На фотографии, датированной 1/1 – 1956 г., то есть на Новый год, Николай Рубцов подсознательно выражает сомнение в верности подруги:

Не стоит ни на грош
сия открытка...Всё ж.
Как память
встреч случайных,
Забывтых нами встреч,
На случай грусти тайной
сумей её сберечь.

«...Она проводила его на службу, обменялись фотокарточками, потом переписывались. Николай Рубцов глубоко верил заверениям в любви и клятвам любимой девушки...» (В.Д.Зинченко, 12).

В стихотворении «Начало любви» Рубцов пишет о том, когда и как он влюбился в море. И произошло это в детстве, в селе Никольском

Помню ясно,
Как вечером летним
Шёл моряк по деревне –
И вот
Первый раз мы увидели ленту
С гордой надписью
«Северный флот».

.....
Среди шумной ватаги ребячьей,
Будто с нами знакомый давно,
Он про море рассказывать начал,
У колодца присев на бревно.
Он был весел и прост в разговоре,
Руку нам протянул: «Ну, пока!»
...Я влюбился в далёкое море,
Первый раз повстречав моряка!

Глава 4. Северный флот. «Мне не забыть у дальних берегов...»
(сентябрь 1955 г...октябрь 1959 г.)

Северный морской флот, охрана полигонов ядерных испытаний, Приютино – 1957, литобъединение в Североморске, первые публикации, «морские» стихи и песни.

Осенью 1955 г. происходит новый поворот в судьбе будущего поэта – его посылают именно на Северный флот. В стихотворении «Родное море» Николай Рубцов написал:

Влекли меня матросские дороги
С их штормовой романтикой. И вот
Районный военком, седой и строгий,
Мне коротко сказал: «Пойдёшь на флот!»

В очерке «Полонез Огинского» писатель Геннадий Фокин, который служил с Николаем Рубцовым на Северном флоте, сообщает (29, 12):

«Сентябрь 1955 года. Светлое северное сияние уже повернуло на осень. Под его нежаркими лучами во дворе какой-то из архангельских лесопилок, заваленной горами брёвен и штабелями смолистых досок, колготились сотни три новобранцев. С Вологодчины, Пинег и Онеги собрали их сюда, на сборный пункт военкомата, чтобы, как говорят военные, отбыть к месту будущей службы...» «А пока весь этот бритый наголо молодняк бесцельно слонялся по огороженной территории, сбиваясь в кучки и компании...» «И тут во дворе возник старичок. Небольшого роста, весь белый, прозрачный будто одуванчик. Он шустро взобрался на штабель досок, что повыше, и все обратили внимание – дедок был весь увешан какими-то дудками, бубенцами, барабанчиками, маленькими гармошками, а в руке – скрипочка. Утвердившись на штабеле, дед неожиданно густым голосом возгласил:

– Ну граждане рекруты, чего изволите послушать?

– «Как родная меня мать провожала-а-а...» – раздался из толпы хмельной голос какого-то «рекрута». И сразу же вся эта музыка у деда заиграла, засвистела, забренчала предложенный мотив. Да так лихо, что многим захотелось плясать. И заплясали...

Потом дед исполнил ещё несколько популярных в то время мелодий... Когда дед отыграл свой, видимо, привычный репертуар и на минуту остановился, вытирая цветным платком лысую голову, паренёк, сидевший чуть ниже него на досках, дёрнул его за штанину и спросил:

– Дед, а полонез Огинского можешь?

Музыкант быстро глянул вниз, на паренька, сунул куда-то платок, передвинул на груди какие-то инструменты, приложил к подбородку скрипочку и заиграл...

Никогда прежде я не слышал такой пронзительной музыки, которая вот так сразу пришлась к месту и к сердцу каждого из нас. И никто из нас, наверное, не знал тогда, что это за полонез и что это за Огинский, но всем стало жутко, и сладко, и понятно, о чём эта музыка. И не было ничего вокруг сильнее и желаннее этой шемящей душу мелодии...

Мы опомнились, когда дед уже спускался на землю. И пока он семенял к воротам, в карманы ему совали смятые рубли и трёшки.

А с пареньком, заказавшим такую необыкновенную музыку, мы оказались в одном вагоне, мчавшего нас куда-то в ночь, на север, к месту службы. Это был Коля Рубцов».

Поскольку у Николая Рубцова уже имеются морские навыки и незаконченное техническое образование, он получает специальность дальномерщика (специалист по расчёту расстояний до объекта наблюдения и поражения цели) на эскадренном миноносце. Морские походы при любой погоде, наблюдение за объектами, учебные стрельбы сменяются отдыхом в матросских кубриках. Николай Рубцов был заводилой во время отдыха в кубриках. Фотоснимки показывают матроса, играющего на гармошке и отбивающего чечётку по ходу игры.

Для понимания габаритов военно-морского корабля – места службы Николая Рубцова и условий службы – приводим информацию Г.Фокина (29, 12):

«Эскадренный миноносец «Острый» стал на долгие четыре года не только местом службы, но и родным домом. Боевой пост Коли, визирщика-дальномерщика артиллерийской боевой части, был на фок-мачте, повыше командного мостика, а мой, машиниста котельного, – намного ниже ватерлинии. Его кубрик – под носовой надстройкой, мой – под ютовой палубой.

И хотя нас разделяло всего около ста метров (таковы масштабы миноносца, - прим. автора), виделись мы нечасто. Корабельная служба, строгое расписание боевых вахт в походе не совпадали с нашими желаниями, а мы уже выяснили, что оба пишем стихи.

Но мы, всё же, встречались между вахтами, перекуривая на юте полярными ночами, светлыми от всполохов северного сияния, где-нибудь у берегов Новой Земли или ещё подальше» (Г.Фокин фактически обозначает зоны, где советские корабли вели охрану территорий испытаний атомных бомб, - прим. автора книги). Именно там матросы получали повышенные дозы радиации.

Друзья-матросы пишут и обсуждают стихи. Знакомятся с творчеством Д.Кедрина, С.А.Есенина, тогда только что опубликованного. Возникает творческое соревнование между будущими писателями. Николай Рубцов переписывается с Таей Смирновой. В стихотворении «Т.С.» поэт размышляет:

Сочинять немного чести.
Но хотел бы я мельком
Посидеть с тобою вместе
На скамье под деревцом.
И обнять тебя до боли,
Сильной грусти не стыдись.
Так, чтоб слёзы поневоле
Из твоих катились глаз.

Здесь видны есенинские мотивы и логическое несовершенство текста в сочетании «обнять до боли» и «грусти не стыдись».

В марте-апреле 1957 года Рубцов неожиданно получает письмо, в котором Т.Агафонова сообщает о своей беременности от кого-то и о предложении взять её замуж. Интересно, на что надеется Т.Агафонова, после того как Рубцов летом 1954 года горел в любви и не получил никакой надежды. Т.Агафонова сообщает: «Долго не отвечал, потом написал, что простить не может, плохо написал, ехидно. Я это письмо сразу же сожгла. 21 сентября 1957 года я стала мамой» (21). В этом же письме Рубцов писал: «Так тебе и надо» (по сообщению Т.Агафоновой, 21).

1 мая 1957 года в газете на «Страже Заполярья» прошла первая официальная публикация Николая Рубцова: стихотворение «Май

пришёл» (11, см. т. 3, стр. 399). По поводу ссылки на монографию (16) по поводу первой официальной публикации Рубцова «Май пришёл» и дате от 5 мая 1957 года, то могу сообщить, что дана ссылка на официальную публикацию, как это и было с датой, ошибочно указанной В.Д.Зинченко в томе 1 на стр. 312 (на тот период публикации монографии, 2002 г.).

Акцент вокруг ошибочной даты 5 мая 1957 года (от В.Зинченко) и упоминаний авторов и наименований книг не заслуживает такой «раскрутки» и повышенного внимания (30). По поводу более ранних публикаций Рубцова. Давайте определимся. Публикацией считается та, которая прошла в официальном издании (газета или журнал). Заметки в стенгазетах – это как самиздат или проба пера.

К лету 1957 года выясняется, что Тая Смирнова не будет дожидаться Николая Рубцова. Смешанное настроение любви и презрения поэт-матрос выражает в стихотворении «Элегия» («Я помню, помню...»):

Я помню, помню
Дождь и шум вокзала,
Большой оркестр
У мраморных колонн,
Как ты при всех
Меня поцеловала,
И как на флот
Умчался эшелон.
.....
Прошло три года –
Ты меня забыла,
Остались письма –
В письмах только ложь!
Чего желать?
Что делать? Я не знаю.
Ну, с кем свою
Любовь я разделю?
За ложь твою
Тебя я презираю.
Но, презирая,
Всё-таки люблю...

Откровенней не скажешь, чем Рубцов. В стихотворении «Повесть о первой любви» поэт снова переживает потерю любимой тогда девушки:

Любимая чуть не убилась,
Ой, мама родная земля!
Рыдая, о грудь мою билась,
Как море о грудь корабля!
В печали своей бесконечной,
Как будто вослед кораблю,
Шептала: «Я жду вас... вечно»
Шептала: «Я вас люблю».

В морских стихах Рубцов не говорит о специфике службы.

После проведения ядерных испытаний, в которых участвовал в отряде оцепления и визуально-приборных исследований эсминца «Острый», дальномерщик Н.М.Рубцов, находясь на фок-мачте эсминца, наверняка получил облучение (30). В связи с этим он был направлен на обследование в госпиталь в Мурманск. Вскоре после этого матросу Рубцову предоставили отпуск и он уехал в Приютино (проезд туда и обратно был бесплатный, и даны суточные на проживание, как это было при советской власти).

Как сообщил адмирал флота Капитанец И.М., корабли Северного флота, в том числе эсmineц «Острый», стояли в оцеплении зоны серии пятнадцати ядерных воздушных взрывов (31). И тогда Рубцов, который нёс палубную службу, получил довольно высокую дозу радиации. Во всяком случае, командир эсминца Капитанец И.М. сообщает, что у него количество лейкоцитов после испытаний уменьшилось в 2 раза. Что сказалоь на его зрении к 90-м годам прошлого века. А у Рубцова вследствие участия в испытаниях через несколько лет выпали волосы на голове. В одной песне тех лет есть строка: «водка очень хороша от стронция». Этим лекарством пользовались все, кто получил радиацию. В том числе Рубцов, не афишируя конкретных причин.

На основании информации, взятой из Интернета на поиск «Ядерные испытания в СССР, создание ядерного полигона на Новой Земле» привожу следующие фрагменты сведений (30).

Создание полигона на Новой Земле проходило поэтапно:

1. Для проведения морских испытаний ядерных боеприпасов постановлением Совета Министров СССР от 31 июля 1954 года № 1559-669 был определен район испытаний на островах Новой Земли с соответствующими координатами и создан морской научно-исследовательский полигон.

Для проведения воздушных испытаний в соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 5 марта 1958 года № 258-126 территория морского научно-исследовательского полигона была расширена, и за полигоном был закреплен статус Государственного центрального полигона Министерства обороны...

2. По результатам испытаний, проведенных в 1955-1956 гг., был сделан вывод о пригодности острова Новая Земля для проведения всех видов испытаний.

По документам видно, что испытания атомных бомб проводились в 1955-1956г.г. и продолжались в 1957г. и далее.

Постановлением Совета министров СССР № 724-348 от 27 июля 1957 года были предусмотрены и реализованы мероприятия по отселению гражданского населения с островов «Новая земля»: трудоустроить все трудоспособное население, отселяемое с островов Новая Земля; назначить, в виде исключения, переселяемым с островов Новая Земля пенсии...; построить: в г.Архангельске пять (8-квартирных) брусчатых домов с котельной; на о.Колгуев пять (2-квартирных) брусчатых домов, баню, прачечную и электростанцию...; выплатить за счет средств Министерства обороны пособие отселяемым на материк в размере 300 рублей (на о.Колгуев 1000 рублей) на каждого человека.

То есть, государственные органы предусмотрели трудоустройство и условия проживания отселяемого населения.

Согласно приказа командира эсминца моряк Рубцов с 24 мая 1957 года числится убывшим в Военно-морской госпиталь. Очевидно, с целью обследования матроса после испытаний.

Летом 1957 г. Николай Рубцов получает отпуск фактически для профилактического отдыха-лечения после испытаний и приезжает на побывку в Приютино. Ожидаемое счастье не получилось. Тая Смирнова вышла замуж. В Приютино Рубцов узнаёт, что Николая Белякова, друга юности посадили в тюрьму. Как он потом говорил за то, что заступился за приятеля. А Рубцов написал о Белякове такие строки:

Сурова жизнь. Сильны её удары.
И я люблю, когда сойдёмся вдруг,
Подолгу слушать музыку гитары,
В которой полон смысла каждый звук.

Николай общается с братом, с его семьёй. Имеется фотография Коли с Олей, племянницей Валентины Рубцовой. Продолжаются обсуждение стихов, гулянки с друзьями, походы по танц-площадкам. Николай сочиняет ностальгическую песню «Берёзы»:

Всё очнётся в памяти невольно,
Отзовется в сердце и крови.
Станет как-то радостно и больно,
Будто кто-то шепчет о любви.
.....
Русь моя, люблю твои берёзы!
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слёзы
На глаза, отвыкшие от слёз...

Николай Рубцов пишет, как живёт и живёт, как пишет. Среди стихов безшабашные «Морские выходки» и «Снуют. Считают рублики...». Но и с философскими размышлениями: «О собаках» и «Поэт перед смертью...». Этот кратковременный отпуск с новыми искренними стихами сыграл очень большую роль в поэтическом мировоззрении Рубцова. На Северный флот Николай возвращается обогащённый общением с родными, с природой и друзьями. Для него более ясными становятся понятия – Родина, Отчизна, друзья, дети, для защиты которых он служит матросом.

28 июля 1957 г. при флотской газете «На страже Заполярья» образовалось литературное объединение, в котором занимались матросы и офицеры. Из состава литобъединения свыше двадцати литераторов стали – членами Союза писателей СССР и России.

Г.Фокин пишет: «Помнится, два-три раза матросу Рубцову перед строем объявляли выговор за занятие посторонними делами во время несения вахты, и его командир показывал всем какую-то тетрадку. Потом эту тетрадку, а может, и другую, я видел постоянно у Коли в руках, свёрнутую в трубку. Однажды я

заглянул в неё: стихи, стихи... Одно я просил переписать...» Это было стихотворение «Матери» (12). Оно опубликовано 5 января 1958 г. в газете «На страже Заполярья».

Как живёшь, моя добрая мать?
Что есть нового в нашем селенье?
Мне сегодня приснился опять
Дом родной, сад с густою сиренью...

Помнишь зимы? Свистели тогда
Вьюги. Клён у забора качался
И, продрогнув насквозь, иногда
К нам в окно осторожно стучался.

.....
Были волки во мгле за рекой...
И однажды в такое ненастье,
Помнишь, ты говорила со мной
О большом человеческом счастье...

Тема явно перекликается с «Письмом матери» С.Есенина.

В литобъединении проводилось чтение новых произведений авторов, обсуждение стихов и подготовка для издания в альманахе «Полярное сияние» (19). Николай Рубцов прошёл эту первичную школу «чистки» поэтического произведений.

В это время он пишет стихи, которые уже представляют собой песни: «Элегия», «Северная берёза», «Пой, мой товарищ, пой!». Своеобразно отразил Рубцов вечную нехватку денег в «грустной» «Элегии», посвященной брату Алику:

Стукнул по карману – не звенит.
Стукнул по другому – не слышать.
В коммунизм – безоблачный зенит –
Полетели мысли отдыхать.

Но очнись и выйду за порог
И пойду на ветер, на откос.
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.

«Элегия», вообще, была воспринята друзьями – молодыми матросами, как безобидная поэтическая шутка (19):

Во флотской газете «На страже Заполярья» 23 марта 1958 г. была опубликована подборка из 5 стихотворений матроса Николая Рубцова и краткая рецензия матроса Геннадия Фокина:

«...Детство его прошло в деревне, и может быть, поэтому уже в первых стихах Николая, которые он начал писать ещё в школе, звучит любовь к русской природе, к своему родному краю. И в ранних его стихотворениях порою встречаются интересные образы, отточенные фразы. Служба на Северном флоте, которую Н.Рубцов начал в 1955 году, подсказывает ему новую тематику. Рождаются стихи о героических людях Севера, о морских походах. В одном из стихотворений Рубцов пишет:

После дня, прошедшего в «атаках»,
Сколько раз я милой называл
Выплывшую вдруг из полумрака
Землю тундры и суровых скал».

Стихи «Родное море», «Отпускное» и «Пой, товарищ» созданы от чистой души и от них поэт никогда не отказывался. А демагоги ёрничали, издевались над бытом в армии, представляли офицеров и солдат такими полудебилами и разлагали общество.

Стихотворение «Встреча» из флотской подборки написано явно под влиянием С.Есенина. Вот фрагмент из него:

Ветер зарю полощет
В тёплой воде озёр...
Привет вам, луга и рощи
И тёмный сосновый бор.
И первых зарниц сверканье,
И призрачный мрак полей
С нетерпеливым ржаньем
Стреноженных лошадей!..

«Северная берёза» Рубцова вызвала большой резонанс в среде моряков и во флотскую газету полетели письма со стихами о берёзе. Моряки-журналисты написали и опубликовали пародию на

этот, как им казалось, примитив. Однако, это стихотворение, как и многие другие стихи Рубцова, обладает обманчивой простотой и многим поэтам кажется, что можно написать не хуже. Но чтобы творить так, как это делал Н.Рубцов, надо вот таким образом увидеть родственную душу в неодушевлённом предмете:

На морские перекрёстки
В голубой дрожащей мгле
Смотрит пристально берёзка,
Чуть качаясь на скале.
Так ей хочется «Счастливо!»
Прошептать судам вослед.
Но в просторе молчаливом
Кораблей всё нет и нет.

«Северная берёза» потом вошла в юбилейный сборник «На страже Родины любимой». Как сообщает В.Сафонов в повести памяти «Николай Рубцов», по свидетельству одной из женщин украинского городка Черновцы «Северную берёзу» пел под гитару какой-то бывший моряк (19). Есть информация, что эту песню исполнял один из хоров морского флота.

Долго Николай Рубцов переживал несостоявшуюся любовь с Таей Смирновой. В искреннем не отработанном ритмически и стилистически стихотворении «Желание», опубликованном 22 августа 1958 года в мурманской газете «Комсомолец Заполярья», Рубцов пишет (12):

Мне очень больно,
но обиды нет,
Я унывать себе и не велю.
Нарву цветов и подарю букет
Той девушке,
которую люблю.

Позднее содержание этого стихотворения было переработано, стало народной песней «Букет», опубликовано в 1965г. Переживая неразделённость любви, неоднократно Николай перечёркивал текст «Букета» в выпущенных сборниках «Лирика» при дарении.

В 1957, 1958 и 1959 годах продолжались ядерные испытания, в которых участвовали корабли Северного флота, в том числе для визуальных исследований (службой дальномерщиков) и в оцеплении для предупреждения заходов иностранных любознательных военно-морских кораблей для разведки.

Для понимания остроты ситуации с ядерными испытаниями привожу фрагменты стихов Рубцова. Из стихотворения «В походе», которое опубликовано 26 июня 1958 г. в газете «На страже Заполярья» (12, Зинченко, т.1, стр. 314)

В походе мужают люди,
Суровы их лица страстные....
Зрочками стволов орудия
Уставились в даль ненастную.

Из стихотворения «Первый поход», которое создано, вероятно, в 1956 году, опубликовано в газете «Комсомолец Заполярья» 5 июля 1959 г. (Зинченко, т.1, стр 311)

Казался сон короче
вспышки залповой
И обострённость чувств такой была,
Что резкие звонки тревог внезапных
В ушах гремели, как колокола.

В апреле 1958 года матрос Рубцов получил отпуск сроком на 51 сутки. 14 июня 1958 года согласно приказа Рубцов числится прибывшим в свою часть из отпуска. Автор считает, что этот внеочередной отпуск был предоставлен Рубцову для радиационно-медицинского обследования и профилактического лечения.

По сообщению Маргариты Власовой, она познакомилась с моряком Колей Рубцовым в мае 1958 года в Ленинграде. Они гуляли по городу, Коля читал ей стихи. Обменялись адресами. В то время моряк Рубцов был свободен: вышла замуж Тая Смирнова, отправил весной 1957 года ответ – «ядовитое» письмо забеременевшей Т.Агафоновой на предложение взять её замуж.

Выясняется, что Николай Рубцов весной 1958 года в период внеочередного отпуска находился в Ленинграде или подъехал в

город. Семнадцатилетняя девушка Коле, свободному от «невест», понравилась. После этой разовой встречи Рубцов написал стихотворение «Ветер с Невы», которое было опубликовано 5 октября 1958 года в газете «Комсомолец Заполярья», Мурманск:

Я помню холодный ветер с Невы
И грустный наклон твоей головы,
Я помню умчавший тебя трамвай,
В который вошла ты, сказав: «Прощай!»

Свидание в прошлом теперь... Но ты
Всёходишь хозяйкой в мои мечты.
Любовь, а не брызги речной синевы
Принёс мне холодный ветер с Невы!

Попытка некоторых пропагандисток приписать стихотворение «Желание» Маргарите Власовой недостоверна, так как поэт писал по конкретной ситуации, велосипеда в Ленинграде у Рубцова не было и нарвать цветы за время встречи было непросто.

По поводу премии, полученной Рубцовым впервые в жизни за поэтическое творчество. Рассмотрим посыл в статье Л.Вересова: «Конечно, гонорар в 400 рублей за стихи начинающим поэтам газета не могла выплачивать». Премию (а не гонорар) выделяла не газета, а Политуправление Северного флота. Через газету, как организатора конкурса, шла выплата лауреатам. Автор уверен, что Рубцов получил денежное вознаграждение, тем более, что прошла публикация о лауреатах. Это была ведомственная премия в честь 25-летия Северного флота (30). Интерес представляет дата начала службы Рубцова на Северном флоте, что ранее не было опубликовано. Ряд документов, собранных по указанию начальника Генерального штаба МО России Ю.Н.Балуевского, открывают новые факты биографии Рубцова во время службы на флоте.

В стихотворении «В горной долине» (опубликовано 29 мая 1966 года на Алтае) Рубцов вскользь говорит:

Я видел суровые страны,
Я видел крушение и смерть,
Слагал я стихи и романы...

Не знал я, где эти тюльпаны,
Давно бы решил посмотреть!

В морских стихах-песнях «Ты с кораблём прощалась», «Грусть» и «Любовь», в картине «Утро на море» Рубцов уже поднялся до высокого уровня поэтического мастерства с точки зрения техники стихосложения. А по духовному воздействию на читателя или слушателя ему уже не было равных среди поэтов Северного флота. В песне «Грусть» Рубцов говорит:

Любимый край мой, нежный и весёлый,
Мне не забыть у дальних берегов
Среди полей задумчивые сёла,
Костры в лугах и песни пастухов.
Мне не забыть друзей и нашу школу
И как в тиши июльских вечеров
Мы заводили в парке радиолу
И после танцевали «Вальс цветов».

Летом 1959 года, перед демобилизацией Рубцов публикует множество стихотворений в мурманских газетах «Комсомолец Заполярья», «Советский флот», «Рыбный Мурман».

В стихотворении «Юность», опубликованном в газете «На страже Заполярья» 2 августа 1959 года, Рубцов сказал:

А потом – за гранитную кромкой
Волны бурные. Северный порт.
– Здравствуй, море, – сказал я негромко,
И по трапу поднялся на борт.
Здесь, где руки мозолят тросы,
Шторм свирепствует, жизни грозя,
Я увидел, что слово «матросы»
Не напрасно звучит, как «друзья».

За такими обыденными стихами стоит напряжённая работа на корабле, а главное приобретение настоящих друзей. Не в пустопорожней интеллигентской болтовне, а в экстремальных морских условиях рождаются подлинные истины и понимание

жизни. Море, тоска по родным местам и любовь – главные темы целого цикла стихотворений Рубцова за период службы на флоте.

Для того, чтобы полнее представить жизнь будущего поэта на Северном флоте, автор книги предлагает фрагмент из своей пьесы «Николай Рубцов» (32), написанной по мотивам «Повести памяти» В.Сафонова (19). Журналисты газеты «На страже Заполярья» Станислав Панкратов, Валентин Сафонов, Владимир Соломатин, Юрий Кушак, живут в отдельной комнате на Гаджиева, 9. Их периодически, в увольнительных посещает Николай Рубцов.

Николай Рубцов. А я всё меряю по Есенину. У него неудержимо буйный (в русском духе) образ жестокой тоски по степному раздолью, по свободе. В стихах должно быть «удесятерённое чувство жизни», как сказал Блок. Тогда они действенны. В большинстве стихов наших, флотских, как ты, Валя, называешь пиитов (да и не только наших), как раз не достаёт этого. Какие-то скучные схематические стишки.

Валентин С. К сожалению, ты во многом прав. Придётся нам переходить на прозу, очерки, критику и тому подобное творчество.

Станислав П. Да, Колька, с твоим уровнем понимания природы и жизни сложно будет соревноваться!

Владимир С. Придётся нам стихи забросить, если лучше не получится.

Станислав П. Скоро разъедемся, ребята. Выгонят нас всё-таки отсюда, из газеты. Задержались мы на Севере.

Валентин С. А ты куда, Коля, проездной будешь выписывать?

Николай Рубцов. Ещё не надумал. Может в Вологду, в деревню подамся, а может в Ленинград. Там у меня брат на заводе работает. Приютит на первый случай. Четыре года старшина голову ломал, как меня одеть, обусть и накормить. Теперь самому ломать придётся. Да не о том печаль! Ждал я этого дня, понимаете? Долго ждал. Думал, радостно будет. А вот грызёт душу тоска. С чего бы? (обращается к Валентину С.) Ты-то долго на Севере задержишься?

Валентин С. Не знаю точно. Учиться нам надо.

Николай Рубцов. Надо, ещё как надо! Сразу не получится. Четыре года я на эсминце отмотал. Я из-за службы десятилетку ещё не имею, два курса лесотехнического техникума закончил, всё в море ходил, а горно-химический техникум сразу забросил. И вот думаю, к какому берегу волна меня прибьёт?

Владимир С. Не пропадём! Ну что, давай споём нашу родную? Все поют «Любимый город», Рубцов подыгрывает на гармошке.

Приближаясь к демобилизации, Николай Рубцов уже знает, что надо «...иметь большую цель», как об этом пишет В.Сафонов в «Повести памяти» (19). Но чтобы решить дальние задачи, надо сначала решить жилищные и личные проблемы.

Согласно карточке регистрации передвижений членов ВЛКСМ в воинской части 62656 Николай Рубцов принят на учёт 16 марта 1956 года, то есть почти через полгода после прихода на флот. Он снялся с учёта в военной части 22 октября 1959 года.

Как известно от В.Сафонова, Рубцов собирался выписать билет до Вологды или в Ленинград (в то время бесплатный в любую точку СССР). По сообщению Т.Агафоновой (11), Рубцов приезжал к ней в деревню, в Космово, когда она была в отъезде с мужем. Т.Агафонова хочет показать влюблённость поэта. Но когда и зачем приезжать Рубцову к замужней женщине? Информация, что Рубцов заезжал в 1958-1963 г.г. (как это было написано на памятной доске в Космово) недостоверна. В 1958 г. Рубцов был на флоте. В конце октября 1959 года Рубцов приехал в Невскую Дубровку к брату, который там работал на комбинате и жил на Советской, д.1. Уже 1 ноября 1959 года газета «Трудовая слава», Всеволожск Ленинградская область публикует стихотворение Рубцова «Быстрее мечты» (12). Представим фрагмент:

Не знаю, сон или не сон...
К звезде далёкой устремлён,
С Земли, быстрее, чем ураган,
Помчал меня ракетоплан.

.....
Ошеломлённо сторонясь,
Мне уступали путь миры.
Хотелось крикнуть им, что я
Посланец русских нив и рек,
Влюблённый в труд, в свои края,
Земной, советский человек!

Итак, Николай у брата и решает жизненные проблемы: устройство на работу и учёбу, публикации в газетах.

**Глава 5. Ленинградский период. «Не простой,
возвышенный, в седле бы...»**
(ноябрь 1959 г...август 1962 г.)

Кировский (Путиловский) завод, литобъединения, работа и стихи. Между городом и деревней, цель жизни определена – поэзия. Сборник «Волны и скалы». В Москву и вперёд в Николу!

30 ноября 1959 г. Николай Рубцов оформляется на Кировский завод, а конкретно в ЖКО (жилищно-коммунальный отдел) кочегаром, затем переводится в виде повышения по службе на должность слесаря. Вопрос о зарплате на жизнь и крыше над головой временно решён. Живёт Николай на Севастопольской, д.5, в общежитии Кировского завода. Посещает занятия заводского литобъединения.

13 марта 1960 года в газете «Трудовая слава», Всеволожск, Ленинградская обл. было впервые опубликовано юмористическое для читателей стихотворение «В кочегарке». При приёме на «ответственную» работу кочегаром произошёл примечательный диалог с «начальником»:

Бросил лом, платком утёрся.
На меня глаза скосил:
– А тельняшка, что, для форсу? –
Иронически спросил.
Я смеюсь: – По мне, для носки
Лучше вещи нету, факт!
– Флотский, значит?
– Значит флотский.
– Что ж, неплохо, коли так!
Кочегаром, думать надо,
Ладным будешь, – произнёс.
И лопату, как награду,
Мне вручил: – Бери, матрос!..

Осенью 1960 года Николай Рубцов поступает в Ленинграде в 9-й класс школы № 120 рабочей молодёжи. Ему нужны законченное среднее образование и аттестат зрелости на будущее.

«Школьные» темы преломляются в стихах Рубцова со свойственным ему юмором. Из стихотворения «Ненастье»:

И вот я сижу
 и зубрю дарвинизм,
И вот, в результате зубрёжки –
Внимательно
 ем
 молодой организм
какой-то копчёной рыбежки..

Особенно популярно было в литературной среде стихотворение «Утро перед экзаменом», где Рубцов зарифмовал ряд математических символов:

Вдоль залива,
 словно знак вопроса,
дёргаясь спиной и головой,
пьяное подобие матроса
двигалось
 по ломаной кривой.
Спотыкаясь даже на цветочках –
Боже! Тоже пьяная...
В дугу! –
Чья-то равнобедренная дочка
Двигалась, как радиус в кругу...
Я подумал: это так ничтожно,
что о них нужна, конечно, речь,
но всегда ничтожествами можно,
если надо, просто пренебречь!

Это не «любовое» юмористическое стихосложение, заложен скрытый смысл. Слушатель и читатель интуитивно это ощущают.

В Ленинграде Рубцов общается с «диссидентствующими» Э.Шнейдерманом, К.Кузьминским и др. Критический негативный взгляд этих литераторов на жизнь временами передаётся Рубцову.

С мая 1961 года Николай работает в горячем цехе завода шихтовщиком. Осенью 1961 года выходит заводской сборник

«Первая плавка», в котором представлены 5 стихотворений Рубцова, в том числе «В кочегарке», «Желание», «Помню как тропкой, едва заметной...».

Интерес представляет факт появления Рубцова на водных просторах Вологодчины и на Сухоне не на рыболовном судне, а на речном. К лету 1960 года Рубцов не отработал ещё на заводе 11 месяцев и ему не могли дать летне-осенний отпуск. В 1960 году Николай оформлялся в 9-й класс вечерней школы. Логически вытекает, что Рубцов взял летом-осенью 1961 года оплачиваемый государством отпуск за почти двухлетний период. В то время отпуск для рабочего составлял 18 рабочих (включая субботу) дней в год, а на вредном производстве (в литейном цехе) 24 рабочих дня. То есть Рубцов получил с учётом воскресных дней отпускные за полтора месяца.

От автора (расчёты по статистике 1961 года). При той неплохой зарплате (не менее 100 рублей в месяц) и отпускных (с частью зарплаты) порядка 250 рублей Рубцов мог бы спокойно поехать на юг. Билет до Симферополя из Ленинграда стоил 18-20 руб, 2-3 рубля – проезд до приморского города, проживание на частном секторе – 1 руб. в сутки, продукты 2-3 рубля в сутки (батон – 15 коп., 1 кг колбасы – 1,5 руб, молоко – 15 коп за 1 литр, помидоры – 10 коп за 1 кг, дыня – 10 коп за 1 кг, картофель – 10 коп за 1 кг, бутылка вина – до 2 руб.). В целом затраты на 3 недели отдыха со стоимостью проезда составили бы порядка 150-170 рублей.

О встречах с Рубцовым есть воспоминания эмигранта М.Юппа, который «в ранние шестидесятые» годы работал коком в Северо-Западном речном пароходстве в подразделении «Служба несамостоятельного флота» (33). М.Юпп пишет: «Однажды самоходная баржа причалила в ожидании погрузки у городка Сясьстрой, что на реке Свири. Рядом стояло ещё одно судёнышко. Когда наша команда вышла на палубу во главе с капитаном, то нас радостно приветствовала команда соседнего кораблика. Оказалось, что эта команда соревновалась с нашей командой, и как вскорости выяснилось, – не только трудовыми подвигами. Тут же объединёнными усилиями появились бутылки со спиртом, который в те годы продавался без ограничения на русском Севере, ну и закуска там всякая». Во время застолья Рубцов и Юпп прочитали стихи. М.Юпп пишет далее: «Мои авангардные опусы матросы,

разумеется, не поняли, а тот парень подошёл ко мне и запросто представился – Коля Рубцов. Мы смылись от пьяных команд ко мне в кубрик, где он сказал: «Знаешь, а ты поэт, только городской чересчур». И мы стали читать друг другу стихи».

М.Юпп сообщает о второй встрече с Колей Рубцовым на пристани у городка Тотьма (33). Во время перерыва в танцах в местном клубе речников Рубцов читал стихи. После танцев на берегу реки Рубцов и М.Юпп читали стихи двум поклонницам до утра. Юпп отмечает: «Девицы только охали и ахали. Было видно, что Колины стихи им нравятся больше моих. Это и понятно, ведь в моих стихах всё рычало и скрежетало, да и к тому же хлестало джазовыми ритмами. Рубцовские стихи, тихие и задушевные, брали за душу». Это признание дорогого стоит от стихотворца, уехавшего в США. Далее М.Юпп очень критически отзывается об уровне поэзии Бродского: «Слишком много шума без ничего...»

После этого речного плавания морская тематика трудов и отдыха вновь приходит к поэту и выливается позднее в юмористических и бытовых стихах, датированных январём и мартом 1962 г. И этот временной период, трудовой отпуск не пропадает даром для творчества Рубцова.

В Ленинграде Николай Рубцов посещает иногда городское литобъединение «Нарвская застава», которое базировалось в Доме культуры им. Горького. Как пишет руководитель этого объединения И.Михайлов, здесь велись занятия по теории и истории поэзии, «немало известных поэтов начинало здесь свой творческий путь...» (11). А как сообщает вологодский по происхождению московский поэт Ст.Шиллов, который приходил несколько раз в это объединение в конце 50-х - начале 60-х годов 20-го века в Ленинграде, занятия были довольно однообразны и уровень поэзии невысок. Косвенно это подтверждает и Б.Тайгин, когда характеризует «Вечер молодых поэтов Ленинграда» в Доме писателя им. Маяковского» от 24 января 1962 года:

«До него (Николая Рубцова) уже побывали на сцене, читая свои стихи, другие поэты. В подавляющем большинстве, их стихи были буднично-обычные, серые, пустые, а некоторые и откровенно-бездарные...» (34). «Николай Рубцов на сцену вышел в заношенном пиджаке и мятых рабочих брюках, в шарфе, обмотанном вокруг шеи поверх пиджака. Это невольно обратило

на себя внимание. Аудитория как бы весело насторожилась, ожидая чего-то необычного, хотя здесь ещё не знали ни Рубцова, ни его стихов» (11).

Николай Рубцов читал юмористические, преимущественно, стихи. Это была сама зарифмованная и поданная в неожиданных образах жизнь, сказания о работе на траулерах, в кочегарке, о неудачной любви, но уже преодоленной тоски о возлюбленной. Вот фрагмент из стихотворения «На берегу» (январь 1962 г.):

Иду и вижу –
 мать моя родная! –
 для моряков, вернувшихся с морей,
 избушка
 под названием «пивная»
 стоит без стёкол в окнах,
 без дверей!
 Где трезвый тост
 за промысел успешный?
 Где трезвый дух общественной пивной?..
 Я первый раз
 зашёл сюда,
 безгрешный,
 и покачал кудрявой головой.
 И вдруг матросы
 в сумраке кутёжном,
 Как тигры в клетке,
 чувствуя момент,
 Зашевелились глухо и тревожно:
 – Тебе чего не нравится,
 студент?!

И всё-таки это были талантливые стихи начинающего свой творческий путь поэта. Стихи были приняты залом. Из зала кричат: «Вот даёт! Читай ещё, парень!» (34). А Николай Рубцов, вероятно, уже тогда, на вечере в январе 1962 г. начинает понимать различие между запросами толпы и подлинной народной поэзией.

С начала 1962 года Рубцов довольно настойчиво и без огласки шёл к своей цели: поступить в литературный институт.

Как сообщает Игорь Михайлов (11), Николай Рубцов выставил в литобъединении «Нарвская застава» на обсуждение свои стихи. Шесть стихотворений получили отрицательную оценку редактора: «На родине», «Фиалки», «Соловьи», «Видения в долине», «Левитан», «Старый конь». Положительная оценка дана стихам: «Вредная – неверная», «В океане», «Я весь в мазуте». Характерно, что стихотворение «Вредная – неверная» содержит односторонние претензии автора к возлюбленной, что очень часто нравится «пострадавшим» от неразделённой любви.

Будь, что будет!
 Если я узнаю,
Что не нравлюсь, – сунусь ли в петлю?
Я нередко землю проклинаяю,
Проклиная, всё-таки люблю!
.....
Вредная,
 Неверная,
 Наверно.
Нервная, наверно... Ну и что ж?
Мне не жаль,
Но жаль невероятно,
Что меня, наверное, не ждёшь! (35)

И вот это одобренное в литобъединении «Нарвская застава» стихотворение Николай Рубцов не включает в свой первый сборник «Волны и скалы»! Значит, Рубцов не хотел тогда связывать свою неудачную любовь хотя бы с мнимым проклятием земле (стихотворение было написано по свежим следам расставания с возлюбленной).

И.Михайлов пишет далее о своём отношении к представленным Рубцовым стихотворениям (11):

«Может быть, иногда чрезмерно суровы и требовательны к молодому поэту были его друзья, но отчётливо видишь, что в своих оценках они редко ошибались. Нельзя не согласиться, что «Фиалки» мелки по теме, что «Видения в долине» длинноваты, вторичны, грешат красотами («сапфирный свет на звёздных берегах», «безмолвных звёзд сапфирное движенье»). «Старого

коня» и «Левитана» критиковали за, возможно, неуместную в стихах такого рода игру слов: «Хоть волки есть на волоке, и волок тот полог, едва он сани к Вологде по волоку волок» или «звон заокольный и окольный у окон, около колонн».

Разберёмся с этой критикой. «Фиалки» никак не могут страдать мелкотемьем. Может быть, критику обращение – «дайте хлеба, мне хлеба! Замолчи радиола!..» – кажется мелкой темой, а для мальчишки Рубцова и для многих других полуголодных ребят и взрослых тогда и сейчас – это вопрос жизни или смерти. На рынке сирота Коля обращается к окружающим:

О, купите фуфайку!
Я отдам за червонец!

Не захотели или не сумели увидеть колокольную Русь в «Нарвской заставе» при обсуждении. Почему, интересно, не оценили такую чистую строфу из стихотворения «Левитан»?

И колокольцем каждым в душу –
Любого русского спроси! –
Звонит, как в колокол,
– не глуше, –
звон левитановской Руси!

И старинный русский город Вологду не увидели будущие поэты в стихотворении «Старый конь».

А в ключевом стихотворении «Видения в долине», которое потом было переработано в «Видения на холме», Рубцов сказал:

Россия, Русь – куда я ни взгляну!
За все твои страдания и битвы –
Люблю твою, Россия, старину,
Твои огни, погосты и молитвы...
.....
Они несут на флагах чёрный крест!
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России...

Какая же здесь вторичность темы? Здесь полная прозорливость Николая Рубцова, что и должно быть свойственно настоящему поэту. А были отмечены мелкие словесные погрешности (которые легко решаются подбором более точных эпитетов и т.д., что потом и сделал Рубцов). Как же эти оценки совпадают с будущими оценками, которые давали в «Юности» Рубцову в 1964 году в Москве, когда и брали для публикации «старые» (эстрадные по сути) стихи Рубцова!

А участникам ЛИТО в Ленинграде нравились стихи типа «В океане», «Я весь в мазуте...». Конечно, когда Рубцов заявлял:

Я весь в мазуте,
 весь в тавоте,
 зато работаю в тралфлоте!...

то поневоле рассмеёшься. Получается, что рабочий поэт находится весь «в добре» и почему-то доволен. И не каждый ведь поймёт, что автор, сирота по жизни радуется возможности не умереть с голоду, вкалывать и получать вознаграждение за свой труд.

Свои стихи Рубцов выставил на обсуждение, вероятно, в апреле 1962 года, так как «Элегия» («Стукнул по карману – не звенит...»), «Фиалки», «Я весь в мазуте, весь в тавоте...». «Портовая ночь», «Бывало, вырядимся с шиком...», «Мы будем свободны, как птицы...» датированы в сборнике «Волны и скалы» мартом 1962 года.

По свидетельству И. Михайлова стихи Н. Рубцова не брали в журнал «Смена» (11). А стихи пересекшейся потом по жизни с Рубцовым небезызвестной девятнадцатилетней студентки Л. Дербиной в то время были опубликованы в «Смене» уже в 1957 году по чьей-то рекомендации.

К 1962 году Николай Рубцов уже потерял свою юношескую шевелюру, как выясняется вследствие облучения в морском оцеплении зоны ядерных взрывов в районе «Новой земли». А Николаю всего 26 лет, ему ещё надо создавать семью при имеющейся внешности. Однако, другие достоинства поэта: природный ум, глубокие знания, мягкая улыбка, доброе отношение к друзьям и неприятие несправедливости – создают характерный портрет Рубцова, который не все смогли понять и оценить.

В мае-июне 1962 г. Рубцов сдаёт экзамены и в возрасте 26 лет получает аттестат зрелости. Большинство сверстников Рубцова в 17-19 лет уже имели за спиной десятилетку или техникум, а многие в 22-25 лет – высшее учебное заведение. Таковы результаты жизни сиротой и борьбы за выживание.

В мае 1962 года Николай Рубцов направляет в литературный институт им. Горького письмо следующего содержания: «Дорогие товарищи! Я посылаю на Ваш суд, на творческий конкурс стихи очень разные: весёлые и грустные, с непосредственным выражением и с формалистическим уклоном (последние считаю сам лишь учебными, экспериментальными, но не отказываюсь от них, ибо и они от всей души, от жизни). Буду рад, если Вы найдёте в них поэзию и допустите меня к приёмным экзаменам...».

Стихи Николая Рубцова высоко оценили поэты Е.Долматовский, И.Бауков и Н.Анциферов (12). Рубцов получает известие, что он прошёл творческий конкурс и допущен к экзаменам в Литературный институт.

6 мая 1962 года во Дворце культуры им. Горького состоялся вечер молодых рабочих поэтов, в котором в качестве гостя участвовал Николай Рубцов. На этом вечере участник литобъединения «Нарвская застава» Борис Тайгин познакомился с рабочим-поэтом. 1 июня Николай Рубцов зачитал у Б.Тайгина на магнитофон 10 своих стихов. С 1 июня по 13 июля 1962 г. Тайгин срочно готовит для Рубцова самиздатовский поэтический сборник. А затем после правок поэта вновь перепечатывает тексты. Рубцов включает в книжку 38 стихотворений и формирует 8 тематических разделов. Книжка под названием «Волны и скалы» содержит такие стихотворения-песни, как «Элегия», «Фиалки», «Старый конь», «Лесной хуторок» («Добрый Филя»).

Сборник «Волны и скалы» свидетельствует о том, что Николай Рубцов в своём мировоззрении ещё находится на перепутье. С одной стороны стихотворения мистического направления «Видения в долине», «Поэт», «Сказка-сказочка», с другой – патриотические «Левитан», «Лесной хуторок», «Берёзы», с третьей – почти атеистические «На родине», «Волны и скалы», с четвёртой – чисто бытовые стихи «Морские выходки», «Праздник в посёлке», «На берегу», а с пятой стороны – юмористические «Утро перед экзаменом», «Я весь в мазуте, весь в тавоте...».

Особняком стоит философское «Поэт», созданное перед окончательным оформлением сборника и посвящённое Глебу Горбовскому. В этом произведении впервые явно проявляется у Рубцова мистическое восприятие наблюдаемых явлений:

Трущобный двор.

Фигура на углу.

Мерещится, что это Достоевский.

И ходит холод ветреный и резкий.

И стены погружаются во мглу.

Гранитным громом грянуло с небес!

Весь небосвод в сверкании и блеске!

И видел я, как вздрогнул Достоевский,

Как тяжело ссутулился, исчез.

Не может быть,

что это был не он!

Как без него представить эти тени,

И странный свет,

и грязные ступени,

и гром, и стены с четырёх сторон?!

Я продолжаю верить в этот бред,

когда в своё притонное жилище

по коридору,

в страшной темнотище,

отдав поклон,

ведёт меня поэт...

Это не сделанные стихи, это явление – предупреждение поэту перед отъездом из Ленинграда, перед вступлением на опасную дорогу духовно-народной поэзии, перед переменами в жизни!

Много странного увидел Рубцов в поэтической среде в квартире персонажа (Глеба Горбовского):

В моей судьбе творились чудеса!

Но я клянусь

любою клятвой мира,

что и твоя освищенная лира

ещё свои поднимет паруса!

В конце стихотворения Рубцов жонглирует жаргонным глаголом «торчит». В строках «торчит» сосед, разбуженные тётки, слова, бутылка водки, таинственный рассвет.

Хулиганит немного Рубцов, чувствуя свои поэтические силы. Не любил поэт заумных декадентов, которых встречал в комнате у Глеба Горбовского на поэтических и графоманских сходках. И приходил однажды с братом Альбертом и играли они на гармошке в местном сквере народные мелодии, что никак не вязалось с городским менталитетом поэтов-интеллигентов.

Многое видел Рубцов в те уже далёкие 60-е годы 20-го века. В стихотворении «Лесной хуторок» (позднее названо «Добрый Филя») поэт рассуждает о жизни доброго философа-селянина:

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!
Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
– Филя! Что молчаливый?
– А о чём говорить?

В предисловии «От автора» Рубцов сказал, что «сборник «Волны и скалы» – начало». Предвидя оценки так называемых критиков, Николай Рубцов пишет:

«И пусть не суются сюда со своими мнениями унылые и сытые «поэтические рыла», которыми кишат литературные дворы и задворки.

Без них во всём разберёмся.

В жизни и поэзии – не переносу спокойно любую фальшь, если её почувствую».

Открыто сообщает Николай Рубцов своё отношение к фальши, с которой ему не раз придётся сталкиваться по жизни.

Стихотворение «Волны и скалы», которое позже потеряло своё название и известно как «Эх, коня да удаль азиата...», является простой зарисовкой взаимоотношений с какой-то городской подругой. Николай Рубцов всё-таки ощущает себя в этом большом городе непростым всадником и говорит:

Не простой,
 возвышенный, в седле бы –
прискакал к тебе,
 в конце концов.

Очень многие флотские и ранние стихи Николай Рубцов не включил в сборник. Среди них такие как «Северная берёза», «Первый снег», «Весна на море», «Родное море», «Деревенские ночи», «Осень. Летит по дорогам...» и др. Возможно не хотелось ему показаться сентиментальным и простоватым. Ещё «шестидесятничество», царствовавшее в Ленинграде, давало о себе знать, закрывало пути к темам разрушаемой русской духовности и тревоги за условия жизни русских людей.

13 июля 1962 г. готовы 6 экземпляров самиздатовского сборника «Волны и скалы» и Рубцов направляет экземпляр в литинститут им. А.М.Горького (11). В этот же день Николай начитывает на магнитофон стихи «Поэт» и «Разлад». Он берёт отпуск на Кировском заводе и едет в родные вологодские края.

17 июля 1962 года Коля в Вологде, посещает больного отца. Отец написал письмо Галине (дочери), Коля сделал приписку: «Галя, дорогая, здравствуй! Как давно я тебя не видел! Встречу ли ещё тебя! Сейчас я у отца и у Жени (вторая жена отца). Проездом. Еду в отпуск в Тотьюму. До свидания, Галя, дорогая. Целую. Коля. г.Вологда. Ж/д (железнодорожная – прим. автора) больница» (36).

18 июля 1962 г. проездом в Никольское заезжает в Космово. По сообщению Т.Агафоновой, она была с мужем в отъезде. Рассматривать сведения о беседах Н.Рубцова с её мамой и сестрой нет никакого смысла. Создавать из события заезда-невстречи фантазии на тему односторонней любви некорректно в силу известного письма Рубцова 1957 года беременной Татьяне. Нет сведений, что Рубцов оставался тогда в Космово. Ночным рейсом Рубцов едет в Усть-Толшму, а 19 июля 1962 года – в Никольское. Из-за недостоверной (мягко говоря – прим. автора) информации Т.Агафоновой исследователи биографии Н.Рубцова были введены в заблуждение. Не зная ситуации о беременности Т.Агафоновой вне брака (что открылось только сейчас, 21), была выдвинута версия, что Рубцов в 1958 году и после октября 1959 года мог поехать в Космово для прояснения отношений.

Глава 6. Литературный институт, очное отделение. «И всё на правильном таком пути...» (сент.1962 г...июнь 1964 г.)

Литературный институт, общежитие, рождение дочери в Николе, в ЦДЛ, на пути к первым студенческим публикациям.

«К общежитию подходили двое. И что-то в походке невысокого, одетого в белую рубашку с короткими рукавами парня, показалось мне странно знакомым.

– Скажите, – окликнул он, – где тут...

И в ту же минуту лицо его дрогнуло, изменилось. И, наверно, изменилось моё лицо.

Такой неожиданно радостной была наша встреча.

– Коль, Колька, -- укорил я, – зачем же ты усы-то сбрил?

– А-а, усы... – махнул он рукой. – Тут вон на голове волос совсем, считай, не осталось. Очень я это переживаю...

Итак, мы обнялись у дверей общежития.

– А я предвидел, что на крыльце тебя встречу. Ехал в троллейбусе и знал: сейчас увидимся, – сказал Рубцов.

Это было на него похоже – вот так убеждённо на полном серьёзе, говорить о том, во что за минуту до того и сам не верил. Или о чём не подозревал. Хотя...Он же знал, что я учусь в литературном...» (19).

Так о встрече с Рубцовым после трёхлетней разлуки пишет его флотский друг Валентин Сафонов. Вездесущий преподаватель физкультуры Иван Кириллович Чирков, самостоятельный фотокорреспондент литинститута отснял несколько раз друзей во время встречи. В.Сафонов повел Николая в «общагу».

«И пока Рубцов таскал матрасы и простыни, я этажом выше собирал на стол, застеленный газетами, нехитрую снедь.

– Ну вы живёте тут! – восхитился он, предварительно постучав в мою дверь. Тоже, между прочим, деталь: даже в нашей бесшабашной литинститутской вольнице Коля никогда не входил в чужую комнату без стука. И тем отличался от многих других... (вот результат детдомовского воспитания! – прим. автора). А восхищение его, с которым переступил он порог, было, так сказать, восхищением вообще: Рубцова поразили порядки, царившие в стенах общежития (не нравы, а именно порядки. О нравах речь

вперед). Просторная комната на двоих, холлы с телевизорами, кухни и подсобки на каждом этаже, душ...

– Буржуями живёте, всё равно как в доме отдыха! – повторял он, пристраиваясь к столу...»

В.Сафонов в «Повести памяти» пишет о том, что первая книга Рубцова «Волны и скалы» «ходила из рук в руки по общежитию, читалась нарасхват». По технике стихосложения, по образности, по умению нестандартно отразить замеченную тему из жизни Рубцов уже был самобытным поэтом. А В.Сафонов считает так:

«...Николай Михайлович пришёл в институт не подготовишкой, а мастером, способным создавать зрелые, поражающие воображение стихи. Иные из тех, кто тщится сейчас выдавать себя за его учителей или доброжелателей, отлично понимали это. И завидовали его таланту. Порой зло завидовали и всячески старались принизить и унижить Рубцова, оскорбить насмешкой, завертеть, закружить в пьяном круговороте, выставить беспомощного – случилось и такое – за дверь, на позорище...

Я не оправдываю Колю, не леплю из него ангела. Есть и его доля вины в том, что помимо нашей общежитейской нечистой братии постоянно крутились вокруг него приблатнённые типы, наезжавшие из «Питера»...(19,11)

Уже пошлостью стали рассказы о том, что Коля Рубцов, то ли оригинал, то ли юродивый, все четыре времени года – осенью и зимой, весной и летом – ходил в валеных сапогах, в опояске из вервья.

Ходил в валенках, но зимой! И правильно делал. Во-первых, потому что практично, а во-вторых, и это главное, жалел свои больные ноги...О верёвке – ложь!

Пальтишко на нём, верно, было не из модных. И пиджаки-рубачи не всегда только что из магазина. Но вот чего не отнимешь у Рубцова – опрятности. Не терпел «пузырей» на штанинах, тщательно и подолгу стирал всякое случайное пятно на одежде...» (19,11)

А что же, во-первых, поэту носить с собой в рюкзаках все виды одежды? И, во-вторых, на какие средства студент Рубцов мог покупать «приличную» одежду в Москве?

Всякого рода городские «интеллигенты», в том числе из некоторых литературных редакций, конечно, не понимали жизненных

проблем поэта. А ему приходилось путешествовать в любое время года из Москвы до села Никольского и обратно (например, 25 км от парома) или по случайным и непредсказуемым дорогам Вологодской области. Об этом Рубцов сказал:

Я уплыву на парохоме,
Потом поеду на подводе,
Потом ещё на чём-то, вроде,
Потом верхом, потом пешком
Пройду по волоку с мешком –
И буду жить в своём народе!

Это была не бравада бездомного поэта. Когда один из студентов услышал этот экспромт, то усомнился в правде содержания. На что Рубцов ответил: – Но я же не знаю, какая оказия мне там подвернётся.

В начале сентября 1962 г. студентов первого курса послали на уборку урожая в колхоз под Загорском. О чтении стихов во время слякотной сентябрьской погоды вспоминает однокурсник Н.Рубцова Эдуард Крылов (11):

«В тот день, как и предыдущие, поэты читали свои стихи. Рубцов подошёл к нашей группе, лёг, облокотясь на тюфяк, послушал немного, а потом очень искренне сказал:

- Разве это стихи?
- Читай свои, – предложил кто-то.

Он сел и монотонным голосом стал читать «Фиалки». Но с каждой новой строкой голос становился звонче, выразительнее, пока не превратился в то, что называют «криком души».

Впечатление было очень сильным. В то время кумирами читающей публики были Евтушенко, Вознесенский... В Рубцове сразу почувствовали нечто совсем другое. Парадоксально, но «необычная» поэзия под «Евтушенко» звучала уже слишком обычно, а «обычная» поэзия Рубцова прозвучала необычно.

Рубцову ничего не было сказано, но стихов больше не читали.

Позже на курсе выделились три явных лидера – Николай Рубцов, Александр Черевченко, Павел Мелехин. Прозаики сразу и безоговорочно признали первым Николая Рубцова, поэты либо вовсе не признавали его, либо признавали с большими оговорками

и отводили ему скромное место. Самыми же преданными его почитателями были люди нелитературных кругов. Все они, кому я читал стихи Рубцова, просили переписать их и познакомить с автором».

В марте 2010 года автору удалось выйти на переписку с А.Черевченко, который сослался на свои статьи «Друзья давно минувших дней», которые практически неизвестны рубцоведам (37). Привожу часть колоритной информации А.Черевченко.

«В начале сентября 1962 года студентов первого курса Литинститута, отправили убирать картошку в один из подмосковных колхозов. То ли в Мытищинский, то ли в Загорский район, теперь уже не припомнить. Поселили нас на полевом стане в полуразвалившемся коровнике с дырявой крышей. Сентябрь выдался на редкость дождливым и холодным, суглинок на картофельном поле превратился в непролазное болото, а уборка клубней – в настоящую каторгу. Девчат, а их у нас на курсе было раз-два и обчёлся, мы от полевых работ освободили, они числились кашеварами. Впрочем, никакой каши мы за весь этот месяц так и не попробовали, весь наш рацион составляла картошка, которую мы добывали из раскисшего под дождями суглинка.

Дважды в неделю к нам на телеге приезжал с центральной усадьбы колхоза полупьяный бригадир – привозил хлеб и проводил собрания, на которых, похлопывая себя кнутовищем по кирзовым голенищам, долго и косноязычно выкрикивал идиотские лозунги о повышении производительности труда, всенародной битве за высокий урожай и почему-то за не менее высокие надои. В один из таких приездов совершенно озверевшие от голода и холода будущие классики русской литературы взяли его за грудки и потребовали, чтобы нам доставили сюда мяса. Иначе в следующий раз мы съедим и его, и лошадь, впряженную в телегу. Угроза возымела действие: буквально на следующий день бригадир вновь прикатил к нам на своей телеге, к которой был привязан совсем ещё молодой, невероятно тощий бычок. Казалось, что этого теленка специально с месяц морили голодом, прежде чем отдать на съедение студентам.

– Вы хотели мяса, ... вашу мать, так получайте и жрите! – Матерно выругавшись, бригадир отвязал от телеги жертвенного телёнка, хлестнул лошаденку кнутом и исчез за пеленой дождя.

Кстати, больше мы этого «бугра» у нас на полевом стане не видели. Вероятно, он и впрямь решил, что мы съедем его вместе с лошадьёю.

Наши девчонки стали кормить телёнка остатками соломы, завалившимися по углам коровника, он тарасил на них свои доверчивые глазища и благодарно мычал. Бычку было невдомёк, что жить ему осталось считанные часы. Между тем в мужской среде служителей муз шёл нешуточный спор о том, кто возьмёт на себя забойную миссию. Телёнку хотелось жить, нам хотелось есть. Это вечное противоречие живой природы, благодаря которому она, собственно, и существует, казалось нам неразрешимым. Никто не хотел убивать. Но ночью, когда весь сельхозлитературный отряд спал мёртвым сном, теленка не стало. Трое молодцов с нашего курса были деревенскими парнями, в том числе и Коля Рубцов. На следующее утро у нас в меню впервые появилось жаркое, телёнок был съеден в один присест...

Вспоминает Михаил Шаповалов (11):

«В местном клубе мы дали литературный вечер... Собирались старики с детворой. Молодёжи было мало. Читали стихи. Принимали каждого радушно, однако самый большой успех выпал на долю Рубцова. Стоя на краю сцены, он читал громко, уверенно и, отвергая жестом руки заслуженные аплодисменты, переходил от хохла о флотской жизни к любовной лирике, к стихам о Вологодчине».

А Шаповалов, когда дошла до него очередь, решил не читать свои стихи, а прочитал С.Есенина. Довольно часто после ознакомления со стихами Рубцова поэты уходили из этого жанра, косвенно признавая поэтическую силу товарища.

Вспоминает А.Черевченко (37):

«Вообще-то я не знаю, что бы делали мы тоскливыми осенними вечерами, если бы не Коля. Поэтические баталии, состязания в гениальности всем нам порядком надоели. При тусклом свете керосиновой лампы читать книги было просто невозможно. Скука! И тогда Рубцов брал гармошку и начинал петь песни собственного сочинения, вологодские частушки, вгонявшие девчат в краску своею забористостью, наигрывал известные ему вальсы, фокстроты и танго – такие у нас там были песенно-танцевальные вечера...

К концу третьей недели нашего прозябания на полевом стане

Дожди вдруг прекратились, резко потеплело, началось знаменитое подмосковное «бабье лето». Буквально за три дня мы выпотрошили до последнего клубня картофельные грядки, спеша вернуться в институт, в который так стремились и о котором так мечтали. И тут нас всех ждал сюрприз. Во-первых, всю бригаду вместе с мешками клубней привезли на грузовых машинах на центральную усадьбу колхоза. Там, на сельской площади, были накрыты длинные сколоченные из досок столы, ломившиеся от деревенских яств и вполне конкретных бутылок. Председатель колхоза в краткой речи, почему-то вновь сбиваясь на высокие напевы, поблагодарил нас за ударный труд в тяжёлых климатических условиях и пригласил отведать, что Бог послал.

В процессе пиршества выяснилось, что праздник этот был устроен вовсе не в нашу честь: колхоз занял первое место в районном соревновании по надоям молока. ОН специализировался на молочном животноводстве, а картофель тут выращивали на корм свиньям. Тем не менее, все мы были несказанно счастливы, когда председатель объявил, что каждый из студентов в качестве поощрения за ударный труд получает по 50-килограммовому мешку картошки и килограмму свиного сала. Честно говоря, такого гонорара никто из нас ещё не получал. Он позволил нам достаточно сытно прожить до октябрьских праздников....»

21 сентября Николай Рубцов в письме к Э.Шнейдерману в Ленинград пишет, что «только что вернулся в Москву из колхоза, где мы работали на картошке» (12).

О поэтических сборах в общежитии Э.Крылов сообщает (11): «В первые дни учёбы мы часто собирались в одной из комнат общежития и нередко ночь напролёт читали по кругу свои стихи. Мнения при этом, как правило, не высказывались, за грудки друг друга никто не брал, рубашек не рвали – всё это будет позже. А пока поэты только знакомились, соразмеряли свой бесспорный талант с другими сомнительными талантами, вынырнувшими неизвестно откуда, пытались определить своё место в поэтической иерархии будущего курса, семинара.

... Вошли Рубцов и Макаров, чтение было прервано. Рубцов прошёл к кровати, где уже сидели человек пять, ребята подвинулись...

Стали читать дальше. Рубцов слушал, крутил головой,

хмурился, иногда усмеялся, но не открыто, а только намёком, даже не в половину, а в четверть жеста... Стихи ему явно не нравились. Дошла очередь до Сергея Макарова. Он прочитал стихотворение «Павел Васильев». Рубцов был доволен, в полужестах его сквозило – знай наших. Кто-то завёл нудную поэму. Рубцов поскуцел, опустил голову на руки. Кончилась поэма, и в полной тишине прозвучал голос Рубцова: «Бездарно всё».

Возник ропот. Кто-то крикнул:

– Ты не выступай, а прочти стихи. Тогда посмотрим.

Рубцов встал:

– Не буду читать, не хочу. Пойдём, Сережа.

И они ушли».

В общежитии литературного института Николай Рубцов завоевал признание своими первыми песнями и игрой на гармонии. Особенно популярна была заливчатская по молодости песня «Жалоба алкоголика» с такими констатациями:

Скот размножается,
Пшеница мелется,
И всё на правильном таком пути.
Так, замети меня, метель-метелица,
Ох, замети меня, ох, замети.

Этот текст из самиздатовского сборника «Волны и скалы» осенью 1962 года поют под гармошку Николай Рубцов, студенты и гости общежития. Мощный хор весёлых поэтов и прозаиков разносил подтекст новой песни, которая по содержанию, ну никак, не соответствовала идеологическим установкам. Но это была «детская болезнь» поэзии Рубцова. Впереди были его главные стихи-песни, был полный поворот к малой и большой Родине, было прозрение в оценке прошедших и происходящих событий.

В аттестате зрелости по немецкому языку у Рубцова стоит тройка. О переходе Рубцова в институте на французский язык в связи с французской поэзией Н. Попов сообщает следующее (38):

«Бывший матрос рыболовного траулера, который наверняка заходил в иноземные порты, Коля знал несколько английских слов. Это его явно не устраивало. И в институте Коля решил полностью освоить английский. Но почему-то не удалось. Тогда он

попробовал приобщиться к немецкому. Тоже получилась осечка. А учебная часть прижимала за прогулы. Пришлось Коле заниматься французским. Он тоже оказался не легче, хотя милейшая Любовь Васильевна Леднева всеми способами пыталась приобщить нас к языку, на котором писали Вийон, Ростан, Верлен, Рембо, Бодлер, Аполлинер!

- Да-да-да... – охотно соглашался Коля. – Это прекрасные поэты!
- Мне никогда не стать таким хотя бы потому, что ведь не могу же я превратиться во француза. Я – русский... Им и останусь. Так зачем же зря гробить время?
- Почему ж это зря? Вдруг вы попадёте в Париж! – соблазняла Любовь Васильевна. – Идёте, значит, вы по Монмартру, а навстречу – самая красивая девушка! Вы её, естественно, под ручку...

Подмигнув, Любовь Васильевна шмыгнула от удовольствия и с пафосом произнесла на французском что-то завлекательное.

– Париж... Самая красивая девушка... – с улыбкой протянул Коля.

– Ну и придумаете ж вы... Да разве такое возможно? Нет... Никогда! Траулеры в Париж не заходят».

Эта шутка показывает, как далеко чувствовал себя поэт от границы, если туда можно было бы попасть, только завербовавшись на рыболовное судно...

«Тогда неутомимая Любовь Васильевна применила последнее средство: прочитала «Осеннюю песню» Верлена и её перевод, сделанный Брюсовым.

- Как это бесконечно далеко... – огорчился Коля.
- Вот и приблизьте! Вы же – поэт! – подхлестнула его Любовь Васильевна.

Это всё-таки задело Колю за живое. Он записал предельно точный подстрочник, с задумчивым прищуром внимательно прослушал подлинную ритмику стиха и обещал на следующее занятие принести перевод...»

Николай Рубцов написал свою «Осеннюю песню», которая отличается от идеи Верлена. Рубцов сказал надвигающейся стихии, что он «добрый неплохой человек» и не стал уподоблять себя гонимому безсловесному листку. Поэт Б.Чулков пишет (11):

«Любил Рубцов стихи и гениального французского поэта Франсуа Вийона, и задушевнейших поэтов Франции 19-го века – Верлена и Бодлера. Сам он рассказывал, что преподавательница французского устраивала у них нечто вроде конкурса на перевод «Осенней песни» Верлена, которая в подстрочном изложении выглядит примерно так:

Долгие рыдания скрипок осени ранят
мне сердце однозвучной тоской.
Совсем задыхаясь и побледнев, когда
бьют часы, я вспоминаю о былых годах
и я плачу.
И я выхожу на злой ветер, что несёт
меня и туда и сюда, подобно листку,
который мёртв.

Николай Рубцов подобрал на гармошке мелодию и «Осенняя песня» стала сначала студенческой, потом архангельской и вологодской, а потом и народной песней. Эту песню пели в общежитии все те, кто увидел себя и свою судьбу в городе, на тревожной земле:

Ну так что же? Пускай
Рассыпаются листья!
Пусть на город нагрянет
Затаившийся снег!
На тревожной земле
В этом городе мгlistом
Я по-прежнему добрый,
Неплохой человек.

Как вспоминает Э.Крылов, Рубцов показал «Осеннюю песню» преподавателю по стилистике, которому стихотворение понравились, но он решительно возражал против «эх» в строчке «По канаве помчался, эх, осенний поток...» А Рубцов высказался по этому поводу: «Как он не понимает, как не понимает, что в этом «эх» – всё: и движение, и настроение. К чёрту стилистику, если она мешает мне выразить то, что я хочу...» (11)

Продолжим колоритный рассказ А.Черевченко (37):

«Общежитие Литературного института им. Горького, расположенное на ул. Добролюбова, в приснопамятные 60-е годы, представляло собой Российскую империю в миниатюре, поскольку населяли её представители самых разных республик, краёв и областей. На семи этажах этого здания звучал «всяк сущий в ней язык», но преобладал, конечно, русский, служивший связующим звеном в этом разноплемённом полчище начинающих поэтов, прозаиков, драматургов и критиков, прибывших завоёвывать Москву. Очень скоро все они разбились на группы – иные по принципу землячеств, но большинство по приверженности к тому или иному литературному течению. Это лишь в официальной пропаганде советская литература той поры представляла собой некий монолит, сцементированный социалистическим реализмом. На самом же деле соцреализм был не более чем прокрустовым ложем, инструментом подавления литературного инакомыслия., как, впрочем, и сама коммунистическая идеология. Что-то крепко подгнило в этом королевстве. И смрад этой гнили не могли развеять ни ветры космических странствий, ни принудительная вентиляция, запущенная мощными генераторами КГБ.

У нас тоже стихийно образовалась группа провинциальных поэтов, жаждущих овладеть опытом запрещённых в то время цензурой предшественников, их поэтическим мастерством. На нашем курсе было всего два бывших моряка – Коля Рубцов и я., ясное дело, что мы поселились в одной комнате. Соседство вскоре переросло в дружбу, затем к нам прибавилась целая когорта единомышленников. Лидером, безусловно, стал Анатолий Передреев, уроженец города Грозного, прошедший перед Литинститутом суровую школу строительства Братской ГЭС. Братскую ГЭС прошёл и его закадычный друг Стас Куняев, возглавлявший в то время отдел поэзии журнала «Знамя», здание которого примыкало к Литинституту.

Местные красотки называли улицу Добролюбова, где находилось общежитие нашего Литинститута, «Бульваром молодых дарований». «Молодые дарования» создавали множество проблем Тимирязевскому райотделу милиции, расположенному напротив, на другой стороне улицы Руставели. Тем, более, что первый этаж общаги занимала милиция – вербота, приехавшая в Москву из

Провинции. Эти молодые люди лихо участвовали в наших гульбищах, систематически прогуливали государеву службу из-за похмелья. Случались и более серьёзные варианты. Однажды к нам в общагу забрёл начальник уголовного розыска этой ментовки, капитан Берг. И выбрался только через неделю, своей высокой лишённый должности...»

29 сентября 1962 г. в Вологде умирает Михаил Андрианович. На похороны отца Николай не попадает. В Вологде Рубцов едет в октябре. Имеется фотография на могиле отца, где Николай Рубцов стоит вместе с тётёй Соней и молодой вдовой Женей. Из Вологды Николай поехал в Ленинград. В Невской Дубровке навещает семью брата. Однако Альберт ранее неожиданно уехал неизвестно куда, на похоронах отца не был.

25 октября 1962 г. Николай Рубцов приезжает в Ораниенбаум (под Ленинградом) к Генриетте Михайловне на день рождения. Узнаёт, что у него будет ребёнок. Утром Гета проводила Николая на электричку. По его совету, отработав перед увольнением месяц, Гета возвращается в Николу. А Николай Рубцов едет в Москву, в литинститут, где ему придётся писать объяснения по длительному отсутствию на занятиях.

Нужно отметить, что в эти 60-е годы 20-го века в среде городской интеллигенции доминировали «шестидесятники», которые, казалось бы, боролись за идеи справедливости, против партократии, против спецпайков, против спецдач и других привилегий. В этом движении в Ленинграде бессознательно участвовал и Николай Рубцов. В середине 60-х годов движение расколосось. Патриотически настроенная интеллигенция поняла, что ведётся сознательная борьба против традиционной культуры России и русского народа, справедливого в принципе общественного строя. А «демократически» настроенная, самолюбивая, вечно неудовлетворённая часть интеллигенции, используя промахи карьеристов в партии, вела их критику. Затем сама переродилась в прослойку, которая рванулась к власти, к деньгам, к загранкомандировкам. И получилось так, что наивных и честных партработников заменили хитрые приспособленцы. Николай Рубцов старался разобраться в сущности происходящих общественных явлений.

Жить на одну стипендию Николаю Рубцову было крайне сложно,

тем более в общежитии такого богомного института, как литературный. Поэтому студенты всегда «стреляли» друг у друга по рублю, по трёшке, по пятёрке до следующей стипендии или какого-либо заработка. Так что, относить явление одалживания некоторыми «свидетелями» на одного полуголодного и желающего развеяться Николая Рубцова недостоверно и незтично.

Автор этой книги проходил эту жизненную школу в другом институте и часто в общежитии (жил на одну стипендию и случайные заработки почти пять лет). И когда некоторые «свидетели» сообщают, что Рубцов просил займы рубли, то пусть вспомнят, а сколько раз они занимали деньги. А деньги, взятые займы, студенты всегда отдавали, так как должник рисковал своей репутацией, что было дороже любых денег в те времена.

Вспоминает А.Черевченко (37):

«Однажды перед зимними каникулами, в декабре 1962 года Коля Рубцов, не сказав ни слова, исчез на несколько дней и вернулся в приподнятом настроении – таинственный и загадочный.

– Ты знаешь, Сань, есть возможность неплохо заработать. Я тут познакомился с одной телевизионной барышней, и она заказала нам детскую новогоднюю сказку. В стихах. Самому мне не справиться – никогда не писал сказок. Поможешь? Обещают приличный гонорар... Я тоже никогда не писал сказок – ни в стихах, ни в прозе. Но перспектива получить «приличный гонорар» не оставила меня равнодушным к этому предложению. Безденежье крепко взяло за глотку, на каникулы ехать было не на что, да и жрать хотелось. Я согласился.

Заказанную телевидением сказку мы сочинили за сутки. Это было, конечно, откровенное графоманство, но сценарий наш был принят (Коля отвез его на телевидение сам), и вот как-то утром, перед самым Новым, 1963 годом мы устроились в телевизионном холле перед телевизором «Темп», чтобы увидеть воплощение нашего коллективного творчества на экране. Лучше бы мы этого не делали, после просмотра мы с Николаем несколько дней не могли посмотреть друг другу в глаза. И слава Богу, что общага была совершенно пуста – все студенты разъехались по домам на каникулы и никто не увидел этого позорища. Но когда студеным январским утром Рубцов растолкал меня и сказал, что пора ехать за гонораром, весь стыд выветрился из меня мгновенно...

Окошки касс, в которых выдавали гонорар, выходили во двор телецентра. У каждой из них в терпеливом ожидании выстроилось человек по пятьдесят. Москва была погружена в морозный туман, термометр зашкаливал за 25 градусов ниже нуля...

– Как ты думаешь, сколько нам заплатят? – спросил я друга.

– Ну, уж не меньше, чем по сотне, – уверенно заявил он. – Все-таки сказка в стихах!

Нам заплатили 75 рублей. На двоих. Но всё-таки это были деньги! На них можно было и куклу купить, и шапку, и на родину Николая сгонять – в общем вагоне. Однако, разбогатев, мы, прежде всего, решили хоть раз по-человечески пообедать и двинулись на Белорусский вокзал, в ресторан, славившийся тогда относительной дешевизной блюд и приличной кухней. Заказали, как помню, по полной тарелке суточных шей, гречки с котлетами, селёдки с лучком и бутылку «Московской». Для двух полунищих поэтов это был не обед, а царское пиршество».

В январе 1963 г. Николай Рубцов пишет в ректорат:

«Ректору Литературного института им.Горького
тов.Серёгину И.Н.

от студента первого курса осн. отд. Рубцова Н.М.

Заявление

Я не допущен к сдаче экзаменов, т. к. не сдавал зачёты. Зачёты я не сдавал потому, что в это время выполнял заказ Центральной студии телевидения...Писал сценарий для передачи, которая состоится 9 января с.г.

Прошу Вас допустить меня к экзаменам и сдаче зачётов в период экзаменационной сессии.

7/1 – 63 г.

Резолюция: «В учебную часть. Установить срок сдачи зачётов 15 января. Разрешаю сдавать очередные экзамены». (11)

Ещё раз обратимся к воспоминаниям А.Червченко (37):

«Кажется, это было вечером, в начале декабря 1962 года...Я сидел над письмом к родителям, где стараясь сохранить достоинство, выклянчивал очередную «десятку». Коля Рубцов только что закончил перепечатку рукописи своей первой книги стихов и раскладывал страницы по разделам, то и дело поглядывая на круглый обеденный стол, где в гордом одиночестве лежала наша сигарета типа «Памир». Я вообще старался на неё не смотреть –

курить хотелось смертельно. Закончив работу, Николай аккуратно сложил три экземпляра рукописи в папки, спрятал их в ящик письменного стола. Затем достал из верхнего ящика лезвие безопасной бритвы «Нева» и бережно разрезал сигарету на две половины.

– Покурим? – спросил он, зажигая спичку. Мы молча прикурили от огонька и жадно затянулись крепчайшим дымком дешёвой сигареты. По мере того, как сгорала сигарета, в душе моей нарастало отчаяние: от стипендии (22,5 рубля в месяц) не осталось ни копейки. Мы уже третий день не посещали лекции, потому что не было денег на троллейбус.

.... – Сань, а Сань, – сказал Рубцов. Ты можешь мне ответить на вопрос: на кой хрен тебе два пиджака?

У меня действительно было два пиджака, которые я, впрочем, почти никогда не носил, предпочитая свитер с протёртыми до дыр локтями. И никогда не задумывался, зачем мне пиджаки вообще...

– Считаю твоё молчание знаком согласия, – подытожил Коля, надел своё безразмерное пальто, закинул за шею непомерно длинный шарф, взял под мышку один из моих пиджаков и исчез. Не знаю, за сколько «толкнул» мой клифтик Коля, но вскоре он появился с таинственной улыбкой на лице.

О Николае Рубцове написана и опубликована прорва былей и небылиц, многие из них я читал и всегда задавался вопросом: зачем всё это? Одни пытались представить его ангелом во плоти, другие – демоном в изгнании, третьи просто хотели нажиться на необычайном таланте и трагической судьбе поэта, выразителя чаяний «гонимого народа»... Я не претендую на истину в последней инстанции, но осмелюсь утверждать, что в 1962-63 годах – самых плодотворных для поэта в его зрелые годы – знал его лучше, чем кто бы то ни было. Весь этот год мы прожили с ним бок о бок в одной комнате, делили хлеб, вино и табак, при мне были написаны и на мне, в первую очередь, испробованы лучшие стихи Николая Рубцова, составляющие ныне золотой фонд русской лирики.

Мы стали соседями по комнате в литературной общаге, прежде всего, потому, что на нашем курсе было всего два моряка: Коля служил на Северном флоте, я – на Черноморском. Рубцов был старше меня на семь лет, но и я в свои 20 был вполне самостоятельным человеком, не нуждавшимся, как некоторые, в

Опеке, и это тоже привлекло ко мне Николая. К моему тогдашнему ученическому творчеству он относился с известной долей скепсиса, но искренне радовался каждой удачной строке. Сам того тогда не сознавая, я прошёл у Николая Рубцова серьёзную и бескорыстную школу поэтического мастерства.

....Самый сложный вопрос кем же был Николай Рубцов на самом деле? Люди, знавшие его близко, отдавали себе отчёт в том, что Коля – неплохой актёр. Он очень быстро и безошибочно оценивал любую ситуацию и умел извлечь из неё для себя хотя бы минимальную выгоду. Например, подольстить какому-нибудь студенту из числа бесчисленных кавказских джигитов, населявших нашу общагу, и в итоге пировать до утра за их столом, куда «белые люди» доступа не имели...

Что же касалось выживания физического, то с голоду мы не помирали, да и много ли нам надо было? Жареная килька в соседнем гастрономе на «Бульваре молодых дарований» стоила всего-то 10 копеек за килограмм, конфеты-«подушечки» к чаю – 80 копеек кило, большой серый батон хлеба – 12 копеек. С куревом было труднее, но как-то обходились. «Кентов» и «Мальборо» тогда в продаже не было, а пачка «Памира» стоила 10 копеек. Впрочем, у Николая в жизни были времена и похуже».

Э.Крылов, который какое-то время жил с Н.Рубцовым в одной комнате, вспоминает (11): «...И я никак не мог понять, когда же он (Рубцов) их (стихи) пишет. Во всяком случае, ни разу не видел его «сочиняющим» стихи. Днём у него явно не было для этого времени, вечерами мы шли к кому-нибудь в гости или к нам кто-нибудь приходил. Ложились всегда поздно, и утром я видел его обычно ещё спящим...

Но однажды я проснулся очень рано, в пятом часу, и вышел в коридор. Рубцов, в пальто с поднятым воротником, совершенно ушедший в себя, мерил шагами коридор. Он не сразу заметил меня, а, увидев, остановил:

– Вот, послушай строчки.

И прочитал почти законченное стихотворение, которое позже стало называться «Плыть, плыть...»

Над стихами он работал всегда и везде, но лучшие его часы – это глубокая ночь и самое раннее утро. Потом он снова ложился спать. Не помню, у кого написано о Есенине, что тот в самом тяжёлом

состоянии мог заснуть за столом на пятнадцать-двадцать минут и проснуться совершенно трезвым. Точно так же мог и Рубцов...»

В обыденном представлении поэт, поймав вдохновение, садится за стол и рифмует, и рифмует, то есть «созидает». А Николай Рубцов сочинял сначала в голове строки, строфы, потом уже записывал их. Иногда и корректировал отдельные слова, усиливая или конкретизируя смысл строки и строфы. Имеются ряд вариантов у многих стихотворений Рубцова, но последний вариант всегда не просто наилучший, а самый достоверный, задушевный, смысловой и воспринимаемый читателем.

Как сообщает М.Шаповалов, руководитель семинара Н.Н. (имеется в виду Сидоренко, – прим. автора) вначале не понял направление поэзии Н.Рубцова, в которой мало было оптимизма, а больше было скрытого смысла. В то время в стране гремели поэты, прославляющие стройки. Да и поэзия Н.Н.Сидоренко не блистала особой оригинальностью.

М.Шаповалов отмечает: «2 раза видел я Рубцова с книгой в руках. Потому и помню: книгами этими были Библия и Пушкин. ...Я почувствовал: он любит русскую классическую литературу, а в XX веке ему особенно близки Блок и Есенин» (11). Это важные свидетельства, которые позволяют понять ориентацию Рубцова в процессе литературного образования.

Как свидетельствует Николай Попов, зимой на 1-м курсе у Рубцова был целый баул со стихами, который он отдал при отъезде на хранение Попову в общежитии литературного института. Свой рассказ Н.Попов подтвердил 19 апреля 2002 г. на встрече в Рубцовском центре (СЗАО г.Москвы). Он так сообщает о своём невольном знакомстве со стихами Рубцова (38):

«Вскоре я полез в шкаф за веником, намереваясь подмести комнату. Веник был задвинут баулом к самой стенке. Достать его мешала низкая полка. За прошивную сыромятную ручку я поднял увесистый баул. Крышка тотчас отскочила. И на пол вывалился ворох листов, испещрённых стихами.

Ни я, прозаик, ни мой сосед, поэт, не имели столько рукописей. Даже вместе. Мы ахнули от изумления. Потом я начал собирать листы. Вдруг появилось неодолимое желание познакомиться с написанным – ведь это надо же такую уйму накатать! Я запер дверь и прямо на пол опрастал баул. Сидя у фантастического

сугроба, мы читали, читали... До последнего листа, который тихо лёг на место». О порядочности «друзей» пусть судит читатель.

19 января 1963 г. Николай Рубцов получил стипендию 22 рубля 50 копеек, из которой удержано 1 руб. 50 коп. После сдачи зимней сессии, на каникулы Рубцов уезжает в Никольское, пишет новые стихи. В феврале 1963 г., по воспоминаниям Г.М.Меньшиковой, Николай Рубцов читал ей «Зимнюю песню», которую исполнял потом на гармошке (11, 39). Эта песня уже стала поистине народной, а начинается она так:

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звёздами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.
Светятся, тихие, светятся, чудные,
Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы печали мои?

В том же феврале Рубцов читал Генриетте стихотворение «Чудный месяц плывёт над рекою...», в котором нарисованы сказочные картины:

И откуда берётся такое,
Что на ветках мерцает роса,
И над родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса!
Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Всё звенят и звенят бубенцы...

Встречи с зимними пейзажами родного села после 12-летнего перерыва, вечерние прогулки с Гетой, яркие звёзды над Никольском, морозная тишина лесов и полей, белый контур речки Толшма, петляющей под селом, создают новые глубокие впечатления у Рубцова. С большим опозданием он возвращается в Москву, в литинститут и опять вынужден оправдываться.

*«Ректору Литературного института им. Горького
тов. Сергееву от студента 1 курса Рубцова Н.*

Объяснительная записка

После каникул я не в срок приступил к занятиям. Объясняю, почему это произошло.

Каникулы я проводил в отдалённой деревне Вологодской области. Было очень трудно выехать оттуда вовремя, т.к. транспорт там ходит очень редко.

Причину прошу считать уважительной.

25/ II – 63 г.

Н.Рубцов».

Резолюция: «В учебную часть, Принять к сведению объяснения т. Рубцова»(12, 11).

После поступления в литинститут перед Николаем Рубцовым были разные пути и были разные примеры самовыражения в поэзии. Хорошо пишет об этом писатель В.Сафонов: «Из ничего ничего не бывает. Поколение военных поэтов и прозаиков входило в литературу в гимнастёрках, с опытом Великой Отечественной войны за плечами. Следом за ними выплеснулись на эстрадные подмостки сверстники Евтушенко и Вознесенского. Мы были их моложе на каких-нибудь пять-шесть лет, но мы были другими. Не писали автобиографий, биографий искусственно не лепили, жили естественной жизнью. И духовно нам был ближе негромкий опыт именно писателей военного поколения, нежели шумное лицедейство наших старших сверстников. Наверно, потому как раз помнили мы и жестокую боль войны, что сами помногу лет носили бушлаты и бескозырки» (19).

Следует отметить, справедливости ради, что из упомянутого старшего поколения остались верны народным традициям поэты Е.Исаев, Н.Старшинов, А.Фатьянов, а некоторые современники В.Сафонова и Н.Рубцова («борцы за свободу») изменили правде жизни, гласным и негласным заповедям Добра и Справедливости, стали лакировщиками, приспособленцами и карьеристами.

20 апреля 1963 г. у Геты родилась дочь. Николай послал в Никольское телеграмму: «Назови Леной Очень рад Коля». А жизнь в общежитии и в институте продолжается.

2 мая 1963 г. в общежитии появляется 25-летняя незамужняя цветущая дипломированная библиотечарша Людмила Дербина.

Известно, что она искала в общежитии поэта Г., который постарался исчезнуть с её поля зрения. Л.Дербина участвует в одном из поэтических застолий, где знакомится со студентами-поэтами и с Николаем Рубцовым. В одних воспоминаниях она сообщает, что Рубцов не произвёл на неё никакого впечатления (поэт имел неказистый вид, был невысокого роста и плоховато одет в то время). В других – что они веселились в студенческой компании и Рубцов ей показывал свои фотографии (фантазии, которые не проверить, - прим. автора).

В мае-июне 1963 г. Николай Рубцов сдаёт зачёты и экзамены на весеннюю сессию. Вспоминает Н. Попов (38):

«Во время экзамена по языкознанию, который принимала преподаватель Нина Петровна Утехина произошёл интересный диалог с Рубцовым:

– Вы хоть держали учебники?

– А как же, – возразил Коля. – Разумеется.

– Тогда всё проще. Чикабаву читали?

Коля сосредоточенно вспоминал...

– А Розенталя?

– И кто только русским языком не занимался... – вздохнул Коля, сокрушённо покачивая лысеющей головой.

Уронив папироску на кофточку, Нина Петровна всколыхнулась от смеха. Потом с удовольствием вывела Коле соответствующую оценку. Я искренне завидовал ему, ибо сдал на тройку этот постылый предмет с третьего захода».

О характере Николая Рубцова бытуют самые разные мнения. Вот что пишет Э.Крылов (11):

«В компаниях он мог быть самым разным. То центром всеобщего внимания, то глубоким и тонким собеседником, то безудержным весельчаком, то молчаливым наблюдателем, то совершенно незаметным «неучастником». Он был всяким, но никогда не был ни вздорным, ни злым...К поэзии своих друзей – Анатолия Передреева, Станислава Куняева, Владимира Соколова, Глеба Горбовского – был снисходительным, ценя больше дружбу самих людей, чем их творчество. А вот другим не прощал ни малейшей слабости.

Философствовать, в отличие от всех нас, он любил, но если уж «заводился», то спорил страстно...»

«О Рубцове порою говорят и даже пишут как о человеке характера тяжёлого, вздорного, неуравновешенного, чуть ли не злого. Ссылаются при этом на различные эксцессы. Да, эксцессы были. Вспомню некоторые из них. К его близкому другу, поэту А.П. (вероятно Анатолий Передреев – прим. автора), пришла девушка. Самого А.П. не было, его ждали с минуту на минуту, а пока мы, несколько человек, вполне безобидно коротали время. Один из малознакомых нам гостей вдруг начал говорить двусмысленности, а затем сделал нечто вроде попытки облапить девушку. Николай молча встал и двинул парня так, что тот рухнул на кровать, сломав пополам гитару».

Вот такие были моральные правила поведения в те «тоталитарные» времена, о которых некоторые продвинутые «демократы» (телеведущие или радиоговорящие) пишут как о временах отсутствия цивилизованной секс-культуры. Этим особам нравится, вероятно, самим всех «лапать», но они почему-то против, когда «лапают» или используют их жён или взрослых дочерей по демократическому сексуальному направлению. Великая это черта характера – богоизбранность оракула или эстрадного трепача, «просвещающего», как им кажется, необразованную публику. Об одном забывают эти «пророки»: проповедуемое Зло всегда оборачивается когда-нибудь против «пророка» или его близких.

В течение зимней сессии (февраль, март, апрель, май) Н.Рубцов получает стипендию по 22 руб в месяц. 25 июня 1963 г. он получил 62 руб 50 коп. – стипендию за три летних месяца с учётом удержаний (11). Сразу Николай Рубцов едет в Никольское, где его ждут Гета и дочь Лена.

Во время летних каникул, в июне 1963 г. Николай Рубцов пишет стихотворение «Тихая моя Родина», которое означало принципиально новый поворот в творчестве поэта. 3 июля 1963 г. Рубцов в письме к поэту Б.Слуцкому в этом стихотворении (первый вариант) говорит:

Тихая моя Родина!
Вербы, луна, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
.....

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя Родина,
Я ничего не забыл.

.....
С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

В том же письме Б.Слуцкому от 3 июля 1963 г. Рубцов описывает свою жизнь такими фразами:

«Помните, Вы были в Лит. институте на семинаре у Н.Сидоренко? Это письмо пишет Вам один из участников этого семинара – Рубцов Николай.

У меня к Вам (снова прошу извинить меня) просьба.

Дело в том, что я заехал глубоко в Вологодскую область, в классическую, так сказать, русскую деревню. Все, как дикие, смотрят на меня, на городского, расспрашивают. Я здесь пишу стихи и даже рассказы (Некоторые стихи посылаю Вам, – может быть, прочитаете?).

Но у меня полное материальное банкротство. Мне даже не на что выплыть отсюда на пароходе и потом уехать на поезде...Я думаю, что Вы не сочтёте это письмо дерзким, фамильярным. Пишу так по необходимости.

Мне нужно бы в долг рублей 20. В сентябре, примерно, я их верну Вам.

Борис Абрамович! А какие здесь хорошие люди! Может быть, я идеализирую. Природа здесь тоже особенно хорошая. И тишина хорошая (ближайшая пристань за 25 км отсюда)...».

И в этом письме Рубцов посылает также стихи-песни «Зимним вечером», «А, между прочим, осень на дворе...», «Элегию». Какая же безысходность была у Николая Рубцова, если ему приходится обращаться к практически незнакомому поэтическому мэтру с просьбой о 20 рублях? И представляет Рубцов стихи, чтобы было видно, под что Б.А.Слуцкий может выслать 20 рублей бедному поэту. И сколько деликатности демонстрирует Рубцов! Не прислал, однако, Б.А.Слуцкий Рубцову

никаких денег.

В июле 1963 г. Николай создал в с. Никольском необычную песню «В горнице», содержание которой озадачило и поставило в тупик многих известных литературоведов и писателей.

О бытовых ситуациях в эти годы пишет Н.Г.Курочкина:

«Коля с 1 кл. по 7 кл. и в тотемском лестехникуме учился с моей старшей сестрой Тamarой. Старший брат Валентин, когда приезжал в отпуск был на свадьбе у Николая, а Рубцов был на свадьбе у меня.

В 1963-64 г. г. много раз мы ходили с концертами в д. Починок, Любаново, Левино, Суровцево, Воротишну. Рубцов не только играл на гармошке, сам выступал в сценках. Но самое интересное было после концерта, когда зрители становились артистами. По их заявкам Николай играл, пел, а иногда и плясал. Очень у него хорошо получался особенно матросский танец. Иногда зрители приходили «наряженными» в клуб. Коля всё дивился, как много может сохранить сундук «бабки»: и домотканые сарафаны и лапти.

Когда шли ночью домой, он не переставал смеяться с нами, припевая: «Виновата сама, виновата во всём...». Про нехватку денег он обычно говорил: «Стукнул по карману – не звенит, стукнул по другому – не слышать...в безоблачную высь улетают мысли отдохнуть». (имеются неточности текста, – прим. автора).

Когда летом ходила с ним на болото, он мне показывал все покосы, где они с ребятами работали, живя в детдоме. За Левакиной показал на место бывшего хутора и сказал: «Вот бы здесь построить домик в три окна. За домом берёзы, а под окном смородина, рябина, черёмуха. Пиши, сколько душе угодно, никто не помешает».

Всё лето и часть сентября Николай ходит за грибами и клюквой. Делает заготовки на зиму, на продажу и для выезда в Москву.

В сентябре 1963 г. с опозданием возвращается в литинститут. За пропуск занятий приказом по институту снимается со стипендии.

Вспоминает писатель Валентин Солоухин, осенью 1963 г. председатель студкома института:

«Кто-то из старшекурсников подвёл ко мне шуплого, тёмноглазого паренька: «Это Николай Рубцов. Надо поддержать, на одну стипендию живёт...» Стипендия у нас в то время была 22 рубля.

- Пишите заявление...
- А как? – дёрнул он плечами и смущённо улыбнулся.
- На студком: прошу...
- В прозе или стихах? – перебил он меня.
- Валяй гекзамером, – принял я шутку.

Вечером в общежитие он принёс мне заявление на целую страницу, написанное действительно гекзамером. У меня в комнате как раз находился П.Мелехин, который положил на стол заявление в одну строчку: «Прошу оказать материальную помощь в сумме 25 рублей». Покосившись на заявление Рубцова, он сказал:

– За тридцать строк и 20 рублей – бездарь!...

Коля тут же взял лист чистой бумаги и написал: «Нуждаюсь в 35 рублях». Положил на стол и, забрав первое заявление, ушёл.

- С нашего курса, – сказал Мелехин.

В.Солоухин вспоминает и такой случай с Н.Рубцовым:

«...не было у Рубцова привычки закрывать комнату на ключ. Во время заезда заочников многие этим пользовались. Николай заявляется с лекций, а в комнате дым столбом – идёт поэтический диспут. Был такой случай, когда непрошенные гости выставили его за дверь. Коля пришёл ко мне за помощью. Компания подобралась из дюжих парней, и нам стоило приложить немало усилий, прежде чем мы восстановили «статус» законного владельца.

Признав хозяина, заочники собрались уходить, и вдруг Рубцов предложил всем остаться. Чтение стихов продолжалось. Николай выслушал присутствующих и в наступившей тишине прочёл свои. За короткое время среди незнакомых людей он был уже свой в «доску». Вначале в случайных компаниях Рубцов чаще читал стихи из флотского цикла, правда, после первого случая я ещё два раза присутствовал за время сессии заочников, когда он читал».

«Общежитие бурлило, на каждом курсе свои лидеры, для утверждения достаточно было нескольких приличных стихотворений, иногда щедрого угощения. Возгласы «талантливо!», «гениально» сыпались как из рога изобилия. Рубцов осматривался, вслушивался, посмеивался. Мерзликин, Лысцов, Передрев, Примеров – эти стояли не на пустом месте. О каждом из них у Николая своё мнение...»

У В.Солоухина был общественный магнитофон и Н.Рубцов хотел, но не успел записать две песни под гитару: «В горнице» и

«Сумасшедшие листья» (это «Осенняя песня» – прим. автора).

Иван Гришин сообщает о встречах с Н.Рубцовым (40):

«Впервые я увидел его в коридоре общежития Литинститута. Небольшого роста, тихий, с грустными глазами... А потом встретились на кухне – он стоял возле газовой плиты в ожидании, когда закипит вода в чайнике. Поговорили о разных мелочах.

– Ты у кого в семинаре? – неожиданно спросил Рубцов.

– У Ошанина.

Помолчал. Ничего не сказал. И уже при следующей встрече:

– Я знаю, ты из деревни. Своё не растеряй, закрой глаза на всякие модные веяния в поэзии.

Своё! Для Рубцова это было самое главное – свой мир, своя тема, своя родина... Кажется, ещё Сергей Есенин сказал, что не получится истинного поэта из того, кто не нашёл родины. Рубцову не было необходимости искать её...».

И.Гришин пишет также:

«О людях, которые его окружали, он судил с присущей ему прямоотой, подчас резко, категорично, но всегда тянулся к ним, не столько нуждаясь в их поддержке, сколько из-за неизбежного желания прикоснуться своей одинокой душой к чужой радости, а может, и боли...»

И.Гришин сообщает, как однажды Рубцов, выслушав звонкие стихи одного поэта о России, сказал: «Бойко, только – «не изнутри»... И только позже для присутствующих дошло: прислушиваться к голосу собственной совести – вот что значит писать «изнутри». Пишет И.Гришин и о том, как Рубцов дарил на бульваре в Москве осенние кленовые листья прохожим.

Свидетельство М.Шаповалова о первоначально негативном отношении к стихам Н.Рубцова на литературных семинарах подтверждают архивные материалы 1962-1964 г.г. по Рубцову в литинституте, которые держал в руках Н.Коняев (27).

29 октября 1963 г. состоялось обсуждение стихов Рубцова на семинаре. Представлена подборка из 10 стихотворений: «А между прочим, осень на дворе...», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...», «На перевозе», «Ночь на перевозе», «Полночное пение», «В лесу под соснами», «Тихая моя родина...», «Над вечным покоем», «Я забыл, как лошадь запрягают...», «Ворона» (27).

Стихи подверглись критике. Газимбек Багандов сказал: «Вот стихотворение «Ворона». Для чего написано это стихотворение, о чём оно – я не понял. «Ворона» ничего людям не даёт... Почти всегда мысль, тогда, когда она должна завершиться выводом, уходит в сторону, затихает... «Я буду скакать...» – хорошее стихотворение, где тоже не всё ясно для меня, но ряд строчек, общая мысль – понятны. Очень жаль, что не все стихи сделаны до конца».

Арсений Рябкин о стихах Рубцова:

« – Меня удивляет, что тема «деревня», «родина» очень гнетуще написана... Ряд слов и образов не из того «словаря».

Руководитель семинара Н.Н.Сидоренко похвалил Рубцова, но отметил:

«Надо, чтобы поэт ставил перед собой большие задачи с каждым стихотворением. Надо, чтобы грусть становилась просветлённой. Вскрывать закономерности времени. Облик Родины всё-таки меняется, это должно стать предлогом для больших обобщений, а не просто констатация фактов, пусть в своей окраске впечатлений. В поэзии должна быть перспективность... Поэзия должна утверждать. Пусть с Вами произойдёт второе рождение!»

Надо сказать, что Рубцов всё-таки прислушивался к критическим мнениям и подправлял свои стихи. А тот же Г.Багандов обратился в следующем году именно к Рубцову для подстрочного перевода своих стихов с даргинского на русский.

По поводу сплетен о выпивках И.Гришин пишет (40):

«Бытует мнение, что Рубцов много пил. Было – сам видел. Пил, но не пьянел, а ещё глубже уходил в себя, в своё, я бы сказал подсознание, откуда разряжался опять-таки горькой шуткой, которая доходила далеко не до всех».

Поразительно то, что свидетели пишут, именно, о Рубцове. Вроде как посторонние наблюдатели. А эти свидетели, что делали в это же время? Трезвели, что ли? В застольях студенты читали свои самые сокровенные стихи. Ведь в России действует поговорка: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

В ноябре 1963 г. Рубцов буквально на перекладных едет из Москвы в Ницолу к дочери и Гете и на пешем безлюдном пути ближе к ночи увидел спасительный свет избы и остановился у одной старой русской женщины для ночёвки. Вспоминает

Г.М.Меньшикова: «Однажды он приехал к нам в ноябре месяце. В чемодане его была кукла. Он ехал железной дорогой Вологда – Вохта, потом рабочим поездом до Гремячего, затем двадцать километров на лошади. А потом шёл до деревни Починок пешком и грелся на печке у Марии Ивановны Богдановой. Она его отогрела, дала валенки, потом ей их высылали. Вот после этого было написано стихотворение «Русский огонёк» (39).

Множество случайных и неслучайных встреч было у Рубцова в течение жизни. У многих других поэтов также бывает много подобных встреч. Но только Рубцов смог глубоко понять существо русского понимания истории и взаимоотношений людей. «За всё Добро расплатимся Добром, за всю Любовь расплатимся Любовью...». Так сказал на все времена только Рубцов.

Николай Рубцов получает базовое литературное образование на первых двух курсах института, занимается в семинаре у поэта Н.Н.Сидоренко. Как уже отмечалось, обманчиво простая поэзия Рубцова не сразу находит понимание у руководителя и студентов семинара, учитывая ту социально-политическую ситуацию, когда в стране процветала поэзия лакировки окружающей среды. И в течение учёбы на очном отделении поэту приходилось очень несладко. То, что проходило для богемных походов других студентов, не проходило в критических жизненных ситуациях для Рубцова. Уж очень не соответствовал внешний бедный вид и независимое поведение Рубцова образу студента престижного института.

В ноябре 1963 г. вновь издан приказ по институту со снятием Рубцова со стипендии за пропуск занятий и за выпивки. Значит, были докладные на Рубцова.

А затем 3 декабря 1963 г. происходит инцидент в Центральном доме литераторов (ЦДЛ). В одном из залов ЦДЛ заседали работники народного образования, а оратор с трибуны вещал, как следует преподавать литературу в школе. В списке рекомендуемых поэтов не был назван Есенин. – А где Есенин? – крикнул Рубцов оратору. – Ты почему о Есенине умолчал? И тогда на Николая налетел администратор ЦДЛ и стал вытаскивать его из зала. Завязалась драка. И на Рубцова составили протокол. А на сигнал надо реагировать. Сразу же 4 декабря 1963 года родился приказ проректора литературного института А.Мигунова: «3 декабря

с.г. студент 2-го курса Рубцов Н.М. совершил в Центральном Доме Литераторов хулиганский поступок, порочащий весь коллектив студентов Литературного института. Учитывая то, что недавно общественность института осудила недостойное поведение Рубцова Н.М., а он не сделал для себя никаких выводов, исключить его из института за хулиганство с немедленным выселением из общежития. Проректор литературного института А.Мигунов» (11).

Это означало выбрасывание Рубцова на улицу. Однако за товарища вступились студенты, поэт А.Яшин (из Вологодчины), вышел из больницы ректор института И.Н.Серёгин. Представить, где жил Николай Рубцов с 4 по 25 декабря 1963 года сложно. Ведь Рубцов оказался бездомным, в положении бомжа. В те времена можно было переспать на любом московском вокзале. Но где взять деньги на проживание? Ведь стипендии за ноябрь студента лишили. А кроме литературного никакого другого заработка у Рубцова не было.

20 декабря 1963 года состоялся товарищеский суд, который «решил войти в ректорат с предложением о восстановлении т. Рубцова в правах студента и о наложении на него за совершённый поступок строгого административного взыскания с последним предупреждением» (11). По заявлению поэта от 21 декабря на имя Серёгина и в связи с решением товарищеского суда, 25 декабря 1963 года появился приказ № 216, подписанный ректором И.Н.Серёгиным:

«В связи с выявленными на суде смягчающими вину обстоятельствами и учитывая раскаяние тов. Рубцова Н.М., восстановить его в числе студентов 2 курса. Объявить ему строгий выговор с предупреждением об отчислении из института в случае нового нарушения моральных норм и общественно-трудовой дисциплины» (11). И.Н.Серёгин спас от исключения из литературы не только Н.М.Рубцова.

Незаядлый поэт А.Черевченко бросил институт, уехал в Харьков. Но его разыскал посланец ректора. Он передал А.Черевченко записку неизлечимо больного И.Н.Серёгина: «Саша! Напиши заявление о переводе на заочное. Через неделю я ложусь в больницу и оттуда меня уже не выпустят» (11). Были и есть нормальные русские руководители, которые думали о будущих поэтах, о тех, кто сумеет пробудить Совесть в человеке.

Как в своё время С.Есенин, бежавший в Ленинград после приводов в милицию, Н.Рубцов побаивался представителей власти, следящих за настроением сограждан. М. Шаповалов сообщает о таком случае (41):

«Студент Р. (по ряду сведений А.Ревуцкий, - прим. автора), прозванный за мужественную осанку и зычный голос «полковником», однажды разыграл Рубцова. Тот читал стихи в какой-то компании. Только он кончил, «полковник» ему и говорит:

– Так-так, гражданин Рубцов. По-вашему выходит, колхозы наши живут плохо, народ нищенствует. Что же получается, а?!

И грозно смотрит на Рубцова. Вдруг тот побледнел, пытается отшутиться, отвечает.

– Да что ты, Толя, нельзя же так буквально. Ведь стихи...

Но Р. вошёл в роль. Суровая непроницаемая маска на лице. Стукнул тяжёлым боксёрским кулаком по столу:

– Молчать!.. Я давно слежу за вашим, так сказать, творчеством. Должен признаться: сочинения ваши наводят на серьёзные размышления...

Рубцов не выдержал, пулей вылетел за дверь. Благо, был в шапке и пальто, – на улицу. Поймал такси, и – на вокзал. С первым же поездом уехал в Питер.

Р. стыдили. Он оправдывался: «Я же в шутку. Другие поняли. Не знал я, что он слабонервный».

На месте Рубцова будешь слабонервным. Если тебя неоднократно лишали стипендии, дважды исключали с очного отделения института, едва не посадили в тюрьму за случаи в ЦДЛ, побежишь, куда глаза глядят. Хорошо, что отстояли студенты и известные поэты. А у Рубцова опять продолжается полуголодная жизнь в общежитии, посещение занятий в институте и неформальное «творческое» обсуждение стихов.

И всё-таки представить Николая Рубцова таким злостным хулиганом просто невозможно. Он был воспитан в традициях Добра и Справедливости и в детдоме, и в техникумах, и на тралфлоте, и во время службы на Северном флоте, и в период работы на знаменитом Кировском заводе. Что-то за все эти годы у Николая Рубцова не было никаких серьёзных нарушений. Более того, в период службы на флоте у него были одни поощрения и повышения по службе. А вот попытки поэта внести понятия

Справедливости в общественную среду в Москве, особенно, в литературных кругах оборачивались чередой выговоров и собеседований. Элитарная среда литературных ефрейторов и подполковников, околотитулярных адъютантов и генералов не желала пропускать Николая Рубцова в большую литературу, интуитивно ощущая несовместимость мировоззрений.

Рубцов готовит подборки стихов, носит их по редакциям для публикации и получения гонорара. Но, как отмечал поэт, редактор читает подборку, смеётся, переписывает стихи для себя и своих домашних, но печатать отказывается. Не «та» тенденция была в поэзии Рубцова, а фактически была боязнь редактора (в то время цензора публикаций) потерять «тёплое» место.

После зимней сессии 1964 г. в литинституте на зимние каникулы Николай Рубцов едет в Никольское через Вологду и Тотьму.

14 января 1964 г. С.Багров публикует в тотемской газете «Ленинское знамя» рецензию на подборку стихов Рубцова. Представлены 2 стихотворения поэта, в том числе на актуальную для читателей рыболовную тематику:

Я весь в мазуте,
 весь в тавоте,
Зато работаю в тралфлоте!
...Печально пела радиола,
Звала к любви, в закат, в уют –
На камни пламенного мола
Матросы вышли из кают.
Они с родными целовались,
Вздувал рубахи мокрый норд,
Суда гудели, надрывались,
Матросов требуя на борт...
.....
Я, юный сын
 морских факторий,
Хочу, чтоб вечно шторм звучал,
Чтоб для отважных – вечно море,
А для уставших –
 свой причал.

Надо бы разъяснить для непосвящённых, что «мазут» - жидкое топливо для судна, а «тавот» - вязкая смазка деталей и узлов механизмов судна. И то, и другое «украшают» обычно лица и руки слесарей-механиков.

Пишет односельчанин поэта В.Аносков: «...Следующая наша встреча произошла зимой 1964 года в селе Никольском. Будучи студентом, я приехал на каникулы. А Коля учился в литинституте и, кажется, тоже был на каникулах. И опять в долгие зимние вечера мы часто собирались у нас на квартире, спорили о поэзии, так как многие из нас, сильных парней, не понимали стихов, и Коля пытался увлечь нас, привить любовь к стихам, причём своих стихов он почти не читал, а чаще всего брал гармонь или гитару и под её аккомпанемент свои стихи преображал в песню...

И ещё мне часто вспоминается наша совместная поездка из Никольского в Вологду через Тотьму. Я думаю, что в Тотьме он задумал написать стихотворение о своей деревне... Свои черновые наброски стихотворения «Родная деревня» он читал мне и тотьмичу Сергею Багрову... в феврале 1964 года. В Вологде остановились у моей тётки, которая жила на улице Кузнецкой, дом 8-а ...Подходя к дому тётки, Коля вдруг сказал: «Постой, постой здесь недалеко живёт Ольга Фокина. Мне обязательно нужно с ней встретиться». На следующий день мы пробыли целый вечер у О.Фокиной. Они вспоминали общих знакомых, говорили о поэзии, о своих творческих планах, об учёбе в литинституте».

В конце 1963г. Николай Рубцов познакомился с литератором, земляком из Тотьмы Ф.Ф.Кузнецовым, который организовал в феврале 1964 г. выступление неизвестного тогда Рубцова по радио со стихами. Ф.Ф.Кузнецов рекомендовал также стихи Н.Рубцова для журнала «Юность», где были, однако, отобраны для публикации не лучшие, в основном, ранние стихи Рубцова («Загородил мою дорогу...», «Я весь в мазуте, весь в тавоте...», «Я забыл, как лошадь запрягают...»). Стихи опубликованы в № 6 за 1964 год. В письме А.Яшину от 22 августа 1964 г. Н.Рубцов пишет: «Подборка в «Юности» никуда не годится. Я не согласился бы печатать её, если б в это лето мне не очень потребовались деньги. Да ещё отредактировали кое-какие места...В результате и рифма стала безвкусной, и слово «надрывались» потеряло ударное значение...». Следует обратить внимание, насколько Н.Рубцов

критически относится к публикациям, особенно к редакторским правкам. Другой бы поэт носился с номерами журналов среди литераторов, друзей и знакомых, редакторов других журналов.

Из этой подборки выделяется стихотворение «Улетели листья»:

Улетели листья с тополей –
Повторилась в мире неизбежность.
Не жалея ты листья, не жалея,
А жалея любовь мою и нежность!
Пусть деревья голые стоят,
Не кляни ты шумные метели!
Разве в этом кто-то виноват,
Что с деревьев листья улетели?

Тема расставания с текущим временем, с любимой женщиной представлена на подсознательном уровне восприятия прошедшего осеннего листопада. Этот текст стал известной песней.

В.Солоухин сообщает, как Рубцов готовил к изданию стихи (11): «Я отдал ему машинку. Через несколько минут он уже стучал, работал всю ночь. Печатал он медленно, с большими паузами, как он потом сказал, почти каждое стихотворение правил «на ходу». Только утром на какое-то время стук затих, а как только проснулось общежитие, машинка застучала снова.

В тот день на лекциях Рубцова не было, не было его и на следующий. Я как раз получил небольшой гонорар из орловской молодёжной газеты. Вернувшись из магазина, услышал знакомый стук и заглянул в комнату Николая...

С машинкой он принёс отпечатанную рукопись и попросил меня посмотреть. В то время я рецензировал в отделе поэзии в журнале «Молодая гвардия». Отобрав 12 стихотворений, я попросил разрешения показать их в журнале. Рубцов согласился... Позже в одном из номеров журнала в разделе «Товарищ» были напечатаны два стихотворения Рубцова... В день выплаты гонорара в широко распахнутые двери явился Николай:

– Пошли обедать, пошли в ресторан? Я получил приличную сумму...

Он стоял в распахнутом поношенном пальто, стоптанных туфлях.

– Хочешь сделать мне приятное? – перебил я его. – Купи хотя бы обувь...

– Да-а, – сощурился он, – уже падают люстры!

Рубцов использовал «мадам уже падают листья» от Вертинского.

За покупками он ездил в «Детский мир». На полученный молодоговардейский гонорар приобрёл себе валенки, куклу и очень красивый флакон душистого «снадобья» для восстановления волос.

– Дорого? – спросил я, взяв в руки флакон.

– Дешевле шапки. Отрастёт шевелюра – поймёшь выгоду».

Отпечатанную на машинке Солоухина небольшую рукопись Рубцов направил в Северо-Западное издательство, в Архангельск.

В начале 1964 года Николай Рубцов встретился с известным литератором Владимиром Максимовым, который вошёл к тому времени в редколлегию журнала «Октябрь» В.Максимов эмигрировал и с 70-х по 90-е годы 20-го века работал редактором парижского русского журнала «Континент».

Рассказывает алтайский литератор Б.Укачин (12):

«В один из выходных дней мы с Николаем Рубцовым перешагнули низкие пороги максимовской квартиры всё в тех же Сокольниках. Владимир Емельянович нас встретил хорошо... Николай Рубцов, чуть-чуть прикрыв ресницами карие глаза, читал ему свои стихи. А Владимир Максимов, ладонь правой руки положив на правую щёку, с добрым вниманием слушал стихи для него нового поэта – гостя, повторяя после каждого прочитанного: «Хорошо, молодец!..Я их отнесу в «Октябрь», пусть попробуют отказать, не печатать!..» Максимов тут же отобрал несколько стихотворений Николая Рубцова для «своего» журнала: «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...», «Видения на холме», «Тихая моя родина» и ряд других. Все они в том же году появились на страницах «Октября» («Тихая моя родина» была опубликована в журнале позднее, в № 10, 1965 г. – прим. автора).

Известный литератор В.Кожин рассказывал, как он однажды, прихватив с собою гитару, пришел к своему другу Д.Старикову, который работал в журнале «Октябрь». Прочитал стихи молодых поэтов и напел ряд стихов Рубцова. И это подействовало (11).

Кто протезировал Н.Рубцова в журнале «Октябрь»? В.Максимов или В.Кожин, сейчас трудно определить. Но в №8 за 1964 год опубликованы «Я буду скакать по холмам задремавшей

отчизны...», «Видения на холме», «Звезда полей», «Хозяйка».

Приведём фрагменты стихотворения «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...», которое Рубцов читал в общежитии:

.....
О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильня птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, всё понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля – останься моё божество!

Какой огромный шаг в направлении духовно-философского отражения окружающего мира и событий сделал Николай Рубцов за период с сентября 1962 г. по июнь 1964 г.!

По свидетельству современников Рубцов носил в кармане пиджака малоформатный сборник Тютчева (вероятно, издание 1962 года). При изучении в литинституте поэзии 19-го века Николай Рубцов открывает для себя Тютчева, как поэта и как русского человека и дипломата, который блестяще знал французский и немецкий языки. Вот что пишет Анатолий Чечетин, который учился в те годы в литинституте (11):

«Коля не был литератором-книгочеем, его невозможно было увидеть с книжкой-бестселлером в руках...Он, как и жизнь, литературу брал сердцем, душой, находил то, что ему нужно было в данный конкретный момент. И находил каким-то природённым избирательным чувством. И Тютчева, и многих других авторов, о которых мы в ту пору не вспоминали да и не ведали, Рубцов открыл для себя не в последние годы жизни, как это предположил один из исследователей его творчества. Задолго до того, ещё на первом курсе института, он говорил мне о Тютчеве как о самом почитаемом и дорогом поэте».

Рубцов, видимо, ещё в 1963 году пишет стихотворение «Приезд Тютчева», которое сразу вошло затем в первый сборник Рубцова «Лирика» (1965 г.) и в сборник «Звезда полей». Вот фрагмент из упомянутого стихотворения:

Он шляпу снял, чтоб поклониться
Старинным русским каланчам...
А после дамы всей столицы
О нём шептались по ночам.
И офицеры в пыльных бурках
Потом судили меж равнин
О том, как в залах Петербурга
Блистал приезжий дворянин.

Вспоминает Василий Макеев (30):

«Кроме Пушкина, вровень с Тютчевым не ставил никого, даже любимого Есенина, справедливо считая, что на уровне Есенина можно всё-таки написать несколько стихотворений, а Тютчев недосыгаем навеки». И далее В.Макеев пишет о словах Рубцова: «Конечно, Есенин из меня не получится. И Баратынский тоже. А вот стать бы таким поэтом, как Никитин, как Плещеев! Ведь хорошие поэты, правда? Русские поэты, правда?». Скромно высказывается Рубцов о своём творчестве.

А.Чечетин пишет в воспоминаниях (11):

«Однажды утром я зашёл к нему в комнату, когда он ещё лежал в постели, время от времени тяжело вздыхая.

– Что, тебе плохо? – спросил я.

– Да, нехорошо.

Я открыл форточку.

– Нет, не поможет... Душно мне... В атмосфере в этой душно! – сказал он, будто простонал, одновременно словно пытаясь вместе с рубашкой разорвать себе грудь.

Я искренне считал тогда, что так строго он судит чужие стихи только из-за того, что однажды постановил себе быть предельно честным, бескомпромиссным в литературе, и это было для меня примером и уроком на всю дальнейшую жизнь. А теперь ясно другое – он судил коллег на уровне своего мастерства, своего таланта, а это было слишком высоко и непонятно для многих окружающих его людей. Но справедливости ради надо обязательно сказать, что Коля часто сдерживал свои категорические суждения, с трудом заставлял себя больше молчать, чем говорить.

И ведь только теперь, читая и перечитывая вновь его стихи, понимаешь, до каких глубин духовного прозрения поднимался

он уже тогда, когда вместе с нами или один бродил «вдоль улиц шумных», с какого неба озарения он снизошел к нам в прозу жизни, в суету так называемых «проблем».

Далее в разделе воспоминаний «Анциферов» А.Чечетин пишет:

«Мою фразу о том, что поэты друг с другом, как правило, не дружили, не надо понимать буквально... Что же касается Коли, то в разные годы учёбы были, разумеется, у него друзья и среди поэтов. Это его земляк В.Коротаев, однокашник А.Передреев, всячески поддерживающие его А.Яшин, Е.Исаев и многие другие.

Но крепче всех, какими-то особыми нитями души, он был связан с тёзкой поэтом Николаем Анциферовым. Лысенкий, полноватый, невысокого роста, с нездоровым румянцем на пухлых щеках, Коля Анциферов уже окончил институт, имел довольно широкую известность и внешне, в наших глазах, походил на мэтра. Он был одним из немногих людей, встречаясь с которыми, Коля, в каком бы состоянии духа ни был, сразу же шёл навстречу, сияя лицом, открыто радуясь, внутренне оживляясь...

Во время застолья оба Коли сидели рядом, на одной кровати, живо участвуя в застолье, а затем увлеклись беседой и общались уже только друг с другом, прерываемые взрывом веселья, песнями или торжественными тостами.

Я был близко от них и слышал почти весь разговор. Сейчас совершенно не важно, о чём конкретно говорилось, но главное – я понял это тогда, – они оказались близки друг другу душой, понимали один другого с полуслова...

...Анциферов, рассказывая в хороших стихах о своём босоногом детстве, впервые поведал тогда о многих и многих из тех, кто не воевал (эта пора пришлась нам на детство), но не доживёт потом, несмотря на хорошую теперешнюю жизнь, и до пятидесяти лет. Он читал негромко, хорошо видя рассказываемое...

Рубцов очень горячо и искренне аплодировал, радуясь за друга-поэта, тепло пожал ему руку, что-то сказал хорошее, весь светился от восторга, словно это и его праздник».

О неформальном поэтическом турнире между Анциферовым и Рубцовым в общежитии рассказал писатель В.Сафонов (19). Оба поэта читали множество стихов, проверяя поэтическую силу друг друга. Анциферов умер в 1964 году. В стихотворении «Памяти Анциферова» Рубцов, как обычно, точно расставляет акценты:

Среди болтунов и чудил
Шумел над вином наклоняясь,
И тихо потом уходил,
Как будто за всё извиняясь.

.....
Он нас на земле посетил,
Как чей-то привет и улыбка.

12 апреля 1964 г. Николай Рубцов посылает своему руководителю семинара Н.Н.Сидоренко такую телеграмму (12):

ДОРОГОЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ХРИСТОС
ВОСКРЕСЕ – РУБЦОВ –

Когда знакомишься с информацией (стихами, письмами и др.), исходящей от имени Н.М.Рубцова, приходишь к мысли, что у Поэта всегда за очевидным фактом имеется в виду другая более глубокая информация. И она раскрывается не сразу, а только по мере философского и исторического понимания развития событий в мире и России. Вот и телеграмма руководителю семинара Н.Н.Сидоренко «ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ» – кажется обычное в настоящее время поздравление. Но, во-первых, для того времени насаждаемого атеизма, сопровождавшегося разрушением храмов, это был ВЫЗОВ официальной материалистической идеологии. Во-вторых, это было открытое поздравление руководителя (скорее всего члена КПСС) с русским православным праздником. Но, в-третьих, (это мнение автора) воскрес Рубцов как русский человек, пришедший к православию, и в лице Рубцова явился Философ с проповедями Добра, Любви и Справедливости.

В статье «Детдом на берегу» А.Мартюков пишет:

«Трудно человеку из семьи понять законы детдомовской общины. Они естественны и обязательны. Дети, родственные по судьбе, крепче сплачиваются. Злоба и ложь отвергаются. Предательство, как и всюду, вне закона».

И детдомовский Николай Рубцов систематически попадает в буфетах ЦДЛ в протокольные истории. В апреле 1964 года ему приписывают оскорбление писателя Трегуба.

В апреле 1964 г. проездом из Вельска Архангельской области в

Москве останавливается Л.Дербина. Она звонит в общежитие и назначает Рубцову встречу. И вот здесь она уже в своих описаниях создаёт негативный образ поэта. Сообщает, что Рубцов явился с огромным «фингалом» под глазом, в старом пальто и в пыльном берете. И другими мазками Дербина нарисовала прямо натурального бомжа. Почему же она не ушла сразу? А стала слушать стихи Рубцова в скверике. Она, в это время 26-летняя незамужняя «красавица», приглашает «бомжа» Рубцова в гостиницу на «домашнее пиво». Зачем ей нужно такое приключение? Ясно, что замуж за такого незавидного мужчину или на интим, будь он хоть трижды С.Есенин, она не пойдёт. Что она и показала своим поведением в номере гостиницы. Во время этих «посиделок» Дербина выбегала неоднократно в коридор, явно кто-то должен был придти. После этой встречи она уезжает в Воронеж и там выходит замуж. За того, кого выбрала.

Был ли этот звонок Рубцову случайным? Зачем такой цветущей начитанной, знающей себе цену, даме звонить в общежитие и встречаться с неброским на вид деревенским поэтом? Ведь уже в то время Л.Дербина тусовалась среди известных московских поэтов-шестидесятников и даже участвовала в Политехническом музее в августе 1962 г. в съёмках фильма о них (27).

И каким образом обыкновенная библиотекарьша Дербина сняла отдельный номер в столичной гостинице? В те времена, чтобы получить номер, нужно было быть важным общественным, партийным или хозяйственным деятелем, или иметь «блат», или иметь очень большие деньги (что тогда далеко не всегда «срабатывало»)

И вот она поит пивом «несчастливого» Рубцова. Зачем такой подвиг? Или узнать его планы, или всё же тогда «заглянуть» в творческую лабораторию талантливого поэта? Ведь Рубцов уже выступал со стихами по всесоюзному радио в феврале! Она признаётся, что выделила Рубцова из множества других. Уже тогда, тусуясь в Москве, она искала через поэтов будущий путь в Союз писателей СССР. Отсюда одна из причин её заезда к Рубцову в Вологду в июне 1969 г. А свою заветную мечту она пытается реализовать до сих пор. Но об этом – ближе к окончанию книги.

С февраля и вплоть до июня 1964 года Рубцов периодически встречается с литераторами В.Кожинным, Ф.Кузнецовым,

А.Передреевым, Ст.Куняевым, В.Соколовым, Н.Анциферовым. Под впечатлением стихотворения «Звезда полей» Вл.Соколова Николай Рубцов в то время задумал и написал свою «Звезду полей». Бродят слухи, что Рубцов в одном из застолий «купил» у поэта Вл.Соколова за бутылку моральное право использовать «Звезду полей» для будущего сборника. Во всяком случае, В.Н.Соколов не протестовал.

В мае 1964 года Станислав Куняев подарил Николаю Рубцову дореволюционное (1899 г.) издание стихов Ф.И.Тютчева. На этой книге имеется дарственная надпись: «Дорогому Коле от Гали и Стасика 6 мая 1964 г.». После гибели Н.М.Рубцова эта книга вернулась к Ст.Куняеву, который передал её дому-музею в селе Никольском.

Об оценке Рубцовым поэтов сообщает Гришин (40):

«Николай Рубцов сидит в беседке возле дома Герцена. В руках – нераскрытый учебник по марксистско-ленинской философии: перед сдачей экзамена, видно, решил отдохнуть, расслабиться.

Присаживаюсь рядом.

- Как ты относишься к Евтушенко? – неожиданно спросил Николай.
- Нормально.
- А читал его стихи в последнем «Дне поэзии»?
- Читал. Звонящие стихи, – полушутя-полусерьёзно подчеркнул я.
- Вот именно! – Рубцов снял с головы берет, энергично помахал им над собой и, изображая свист ветра – «у-у-у», заговорил едко, напористо, что бывало с ним нечасто: – Звонящие, свистящие, шумящие...
- Есть такое понятие – верховой ветер. Подвывает где-то там, вверху, а землю не освежит, травинки в засуху не колыхнёт, только собравшуюся тучку разгонит... Так и нынешняя поэзия: уши закладывает от её крика, а на душе пусто.

Николай неуловимым движением сунул в рот помятую «беломорину», прикурил, и этого времени ему оказалось достаточно, чтобы перенестись мыслями в другое столетие.

– Не говорю уже о Пушкине... Возьмём Тютчева и Фета. Мы о них чуть ли не с презрением – поэты чистого искусства... Чистого в смысле настоящего, без всяких примесей – согласен. Потому что

чистыми глазами глядели на мир и в стихах себя не выпячивали, а жизнь через себя показывали. А, да что там!... – Рубцов встал, бросил окурочок в стоявшую рядом урну. – Пойду философию сдавать.

Ещё и ещё раз припоминая те мгновения, мысленно кричу ему вслед: «Зачем тебе этот экзамен? Ведь ты в себе самом носишь мир, который превыше всяких философий».

Уже тогда, к июню 1964 г., когда Рубцов говорил «Я» получалось из этого личного «Я» русское родное «Мы»

А 12 июня 1964 года был «организован» новый инцидент в ресторане ЦДЛ. Трое друзей отмечали сдачу Рубцовым экзамена по советской литературе в весенней экзаменационной сессии.

Обстоятельства этого «дела» со стороны администраций были представлены в документах 3,4,5 и 6 главы 17 книги «Тайна гибели Николая Рубцова» (2-е издание, 2004г.). Комментарии к этим документам:

В сущности, конфликт состоял в том, что три приятеля хотели после 23 часов вечера (времени закрытия новых заказов) взять ещё бутылку вина, тем более, что на другой элитный стол официантка Кондакова в нарушение установленных правил подала дополнительно графин с водкой. А другим клиентам («плебейм») официантка отказала. Что и возмутило трёх приятелей и их спровоцировали на ответные действия. Это только и надо было администрации. Была вызвана милиция. И хотя по счёту было «заплочено», расплачиваться пришлось Николаю Рубцову. Судя по письму Рубцова из Никольского к Ст.Куняеву от 18 ноября 1964 г., за столом в этот вечер сидели Анатолий Передреев, Игорь Шкляревский и Станислав Куняев.

Ясно, что та местная кампания служащих ЦДЛ организовала преследование поэта. Во-первых, контролёр Прилуцкая узнала в ресторане именно Рубцова (какой-то студент узнаваем на уровне маститого писателя в ресторане! – прим. автора). Во-вторых, именно Рубцов был задержан уже на выходе, в вестибюле (когда «инцидент в основном был улажен», по признанию Сорочинского). В-третьих, именно у Рубцова отобрали студенческий билет и на него были написаны все докладные. В-четвертых, из ресторана все посетители выходят нетрезвые (туда же не чай ходят пить). В-пятых, именно в этот вечер в ЦДЛ

произошёл более «крупный» случай. Один из поэтов (головой!) разбил в туалете ЦДЛ писсуар. В-шестых, таких случаев в те времена в ресторанах с маститыми и «немаститыми» посетителями было множество (залы ломились от публики, денег у большинства горожан было достаточно и попасть в ресторан было трудновато, что знает автор не понаслышке).

А суть дела состояла в том, что не был забыт инцидент с Рубцовым от 3 декабря 1963 г. в ЦДЛ, о чём уже рассказано выше. Интересно, что докладные от метрдотеля, ст. контролёра и помощника директора ЦДЛ по случаю от 12 июня 1964 г. были составлены только через 4 дня после происшествия. В докладной от 16 июня сообщается, что все задержанные посетители были студенты литинститута. Уже 17 июня директор ЦДЛ пишет письмо ректору литературного института А.Мигунову с приложением студенческого билета Рубцова. В общем, «проучили» тогдашние работники ЦДЛ непокорного поэта. Правда в результате попали сами на страницы литературной Истории.

Автор этой книги не стал бы бросать сразу очень большой камень в А.Мигунова, который заменил И.Н.Серегина на посту ректора, за его приказ об исключении Н.Рубцова с дневного отделения литинститута. И вот почему. К 22 июня 1964 г. А.Мигунов имел официальное письмо от директора ЦДЛ Филиппова Б.М. с приложенным студенческим билетом Н.Рубцова. И, тем не менее, ректор или кто-то из администрации действовал довольно последовательно в интересах опального студента. Рубцову позволили сдать все оставшиеся экзамены. Затем Рубцов приказом от 22 июня был переведён на третий курс. В принципе, А.Мигунов мог просто исключить Рубцова из института в связи с организованными «телегами» (так обзывали докладные жертвы обстоятельств). Затем, 23 июня 1964 г. Николай Рубцов написал заявление о переводе на заочное отделение сроком на год. 24 июня А.Мигунов получил письмо от какого-то всесильного консультанта секретариата правления СП СССР тов. Соколова Б.Н. Но приказ от 22 июня о переводе на третий курс уже зафиксирован в документах. 25 июня ректор А.Мигунов наложил на объяснительной записке Рубцова резолюцию «...отчислить из числа студентов очного отделения». О заочном отделении – ни слова.

Мог ли А.Мигунов тогда принять другое решение? Ответ ясен!

Иначе его самого отчислили бы с должности за непринятие соответствующих воспитательных мер. Более того, в письме от 26 июня в адрес тов. Соколова Б.Н. ректор А.Мигунов оставляет Н.Рубцову возможность быть принятым на заочное отделение литинститута. То есть по документам видно, что приказа о полном формальном исключении Рубцова из института нет.

А спас Н.Рубцова вновь А.Яшин, он не дал раздуть дело. Но поэт опять лишился права проживания в общежитии, то есть крыши над головой. И всё-таки А.Мигунов дал возможность сработать фактору времени: надо было, чтобы этот случай с талантливым поэтом потерял актуальность. Заочное отделение – это был единственный для Рубцова выход из того положения.

С 12 июня 1964 года Рубцов жил в общежитии в тягостной обстановке ожидания наказания за организованную против него провокацию. Во-первых, он не знал, чем всё это кончится. Во-вторых, он лишился трёхмесячной стипендии перед отъездом в Николу. Хорошо, что можно получить гонорар за публикации в «Юности», «Молодой гвардии» и позже в «Октябре». О встречах с Николаем Рубцовым в это время, перед отъездом вспоминает Э.Крылов (11):

«Все разъехались на каникулы, и только мы с Рубцовым оставались в общежитии. Мне ехать было некуда, а его что-то задерживало (проблема исключения из института и перевода на заочное – прим. автора). Но вот собрался и он в свою Николу. Я зашёл к нему в комнату. На полу лежал раскрытый чемодан. Сам он сидел на корточках и запускал жёлтого цыплёнка, который как-то боком прыгал на металлических лапках и старательно клевал пол. Рубцов залиvisto смеялся, хлопал руками по полу, как бы отгоняя цыплёнка, а меня даже не заметил. Я постоял, потом, увидев в чемодане поверх белья странную книжицу, взял её в руки и тихо вышел. Книжица оказалась отпечатанной на машинке и называлась «Волны и скалы». Я прочитал её всю и, каюсь, мне захотелось её присвоить... Но потом мне стало совестно (всё-таки книжка вроде – не рукопись, да и как бы я стал смотреть ему в глаза), и я снова зашёл к нему. К моему удивлению, он всё ещё запускал цыплёнка, забыв обо всём на свете. Я окликнул его.

– Вот посмотри. Хорош, правда? Дочке везу, – и он опять пустил цыплёнка прыгать по полу.

Я попросил у него книжку.

– Извини, не могу. Это единственный экземпляр. Всего их было шесть.

И он рассказал мне историю появления этой книжки.

Мы стали прощаться, и он попросил меня обменяться шарфами. Я принёс ему шарф в чёрно-белую клетку, получив взамен его тёмно-бордовый».

Из сообщения Э.Крылова видно, что Рубцов не рассказывал о своей ситуации с исключением. Он едет в село, где его ждут дочь Лена и Гета. И только позднее в пронзительной по жизненной ситуации «Прощальной песне» Николай Рубцов говорит Гете:

Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиною, куда не пойду,
Чей-то злой, настигающий топот
Всё мне слышится словно в бреду.

Не могли, да и не хотели приспособленцы и завистники оставить в покое Николая Рубцова, который искал в жизни справедливость.

А.Червченко сообщает о направлениях в поэзии в 60-е годы 20-го века (37):

«Мой любимый сатирик, непревзойдённый мастер сарказма Михаил Задорнов с полным основанием считает нынешнюю песенно – музыкальную «попсу» социальным злом, чем-то вроде стихийного бедствия. И не устаёт высмеивать её в своих выступлениях.

В 60-е – 70-е годы эта «попса» пребывала ещё в зачаточном состоянии, зато махровым цветом цвела «попса» литературная, в основном, поэтическая, хотя и в прозе её хватало. «Вождём»¹¹ поэтической «попсы» был, безусловно, талантливый, но весьма предприимчивый поэт Евгений Евтушенко. Не отставали от него не менее одарённые Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина. Их имена были у всех на устах. Они породили сотни эпигонов по всей огромной стране. Эстрадная поэзия, бесспорно, была порождением времени, возросла и окрепла на дрожжах хрущёвской «оттепели», её первейшей задачей было поддерживать у народа, одичавшего под гнётом сталинско-бериевской диктатуры, иллюзию свободы и демократии.

Поэтическая «попса» собирала на своих выступлениях десятки тысяч людей, целые стадионы. То, что раньше шёпотом обсуждалось «либеральной» интеллигенцией на кухнях, вдруг стало общедоступной темой, квинтэссенцией этих поэтических карнавалов.

Не исключено, что возникшая стихийно, поэтическая «попса» со временем стала инструментом двух противоборствующих сил – КГБ и ЦРУ – на острие «холодной войны». Обе эти организации были кровно заинтересованы в их процветании. На родине, в официальной печати, её лидеры то и дело подвергались суровой критике, но ни один из них не стал «невыездным», их стихи охотно печатали журналы и газеты, как в России, так и за рубежом., книги выходили невиданными доселе тиражами, гонорары затмевали даже заработки высокопоставленных чиновников. В то же время эта «попса» плодила т.н. «диссидентов», оппонентов советскому режиму.

Ясное дело: на этом фоне поэты не менее талантливые, но исповедовавшие традиции русской классической лирики – Александр Межиров, Владимир Соколов, Станислав Куняев, Анатолий Передреев, Николай Тряпкин, Анатолий Жигулин и многие другие, внешне выглядели куда бледнее, поэтическая «попса», как продукт духовного потребления, в то время пользовалась неизмеримо более высоким спросом. Поэтический цех России был расколот на два абсолютно несовместимых участка.

Руководитель поэтического семинара Н.Н.Сидоренко работал в те годы редактором в издательстве «Советский писатель». Он помог Рубцову на самом первом этапе выпуска сборника «Звезда полей». «Дом учителя был открытым для студентов: пили чай в семейном кругу, читали стихи, спорили. Анна Георгиевна, жена преподавателя, помогла Рубцову выбрать куклу для его дочери Лены» (Зинченко В.Д.,12).

После окончания 2-го курса Н.Н.Сидоренко среди всех студентов выделил именно Рубцова:

«Если бы спросили меня: на кого больше всех надежд, ответу: на Рубцова. Он – художник по организации его натуры, поэт по призванию».

Глава 7. Непредсказуемые дороги: Никольское – Тотьма – Вологда – Москва – Бабаево – Череповец.
(июнь 1964 г...апрель 1966 г.)

Родное село Никольское – источник космического понимания окружающего мира, лето и осень 1964 г. – полный поворот к русской народной поэзии, семинар в Вологде, заочное отделение литинститута, подготовка сборников и снова провокации.

Сразу после 23 июня 1964 г. (заявления о переводе на заочное отделение) Николай Рубцов едет в Никольское к Лене и Гете. По пути через Тотьму встречается, по-видимому, с С.Багровым и договаривается о публикациях. В селе сразу начинает писать одно за другим стихи. И работает на сенокосе.

Уже 10 июля Николай Рубцов посылает письмо руководителю семинара Н.Н.Сидоренко с тремя стихотворениями, среди них «Ива» и «Когда душе моей сойдёт успокоенье...». Сообщает:

«Я получил письмо из Архангельска. Стихи «Русский огонёк», «По холмам задремавшей...» и ещё многие стихи, которые дали бы лицо книжке, мне предлагают обязательно убрать из рукописи. Даже стихотворение «В горнице моей светло» почему-то выбрасывают...» Объём книжки был установлен в 1 п. л. Далее в письме Рубцов высказывается о литературных руководителях:

«Вообще, зачем это сидят там, в институте, некоторые «главные» люди, которые совершенно не любят поэзию, а, значит, не понимают и не любят поэтов. С ними даже как-то странно говорить о стихах (это в Литературном-то институте!). Они всё время говорили со мной, например, только о том, почему я выпил, почему меня вывели откуда-то, почему и т.п., как будто это главное в моей жизни. Они ничего не понимают, а я всё объяснял, объяснял, объяснял...Заявление на заочное я подал и просил в заявлении, чтоб меня оставили в Вашем семинаре.

Лето проведу, наверное, здесь. А там видно будет! Что бог даст».

Газета «Вологодский комсомолец» публикует 12 июля 1964 г. только что написанное стихотворение Рубцова «На сенокосе». Поэт слушает молчание женщин и разговоры мужиков, а за его пересказом обыденного события в душу вселяется тревога о происходящем и будущем. И так будет всегда по прочтении

стихов Рубцова. И нет прямого ответа на скрытые подспудно вопросы.

Они толкуют
О политике,
О новостях, о том, о сём,
Не критикуют
Ради критики,
А мудро судят обо всём.

И слышен смех
В тени под ветками,
И песни русские слышны,
Всё чаще новые
Советские,
Всё реже – грустной старины...

Поэт вроде как сообщает читателю, что там поделявают сельчане во время отдыха на сенокосе. И опять виден подтекст: наверху – своё, а «внизу» – народное («мудро судят обо всём»).

15 июля Рубцов пишет поэту В.Ф.Бокову:

«Стихи пишутся вроде бы легко. За несколько дней написал около двадцати стихотворений...

Люди здесь, в селе, умные, оригинальные, большинство с великолепным чувством юмора, так что, играя просто в карты, например, можно до смерти нахохотаться! Разные люди, добрые и скупые, мрачные и весёлые, но все интересные почему-то».

Рубцов просит в этом письме пристроить некоторые стихи для публикации. Это практически – его единственный вид заработка.

Поэт направляет письмо в Северо-западное книжное издательство по согласованию содержания рукописи сборника «Лирика». Из первого варианта Рубцов убрал почти половину стихов в связи с критическими замечаниями редакции и просит оставить в рукописи «По вечерам» и «Жара». Скорее всего, письмо было отправлено из Никольского в июле 1964 г., поскольку стихотворение «В святой обители природы...», которое было снято редакцией, написано в селе и упоминается впервые среди новых стихов в письме от 15 августа 1964 г. к Н.Н.Сидоренко.

Сокращение объёма рукописи было определено редакцией похоже из соображений, что поэт-то начинающий и его надо учить поэзии и «правильному» отражению жизни. А Рубцов вынужден согласиться, так как ему необходимо выпустить первый авторский сборник, получить средства для физического выживания.

Вспоминает Феликс Феодосьевич Кузнецов:

«Когда летом 1964 года я гостил в Тотьме у отца, Рубцов, приехав из Николы, разыскал меня. Сидя в открытом кафе на берегу Сухоны, напротив того места, где стоит сейчас памятник Рубцову, попивая плодово-ягодное вино местного разлива, мы обсудили с ним много проблем и, в частности, главную – как ему восстановиться в литературном институте, откуда он был исключён...». В ходе разговора Рубцов спросил о Т.А.Чухиной. Выяснилось, что Тамара Александровна Чухина, секретарь Тотемского райкома партии, запретила печатать стихи Рубцова в газете «Ленинское знамя» по «морально-этическим основаниям» (сигналам из сельсовета; и в те времена не перевелись ещё доносчики, – прим. автора). Ф.Кузнецов встретился на другой день с Т.А.Чухиной (в своё время своей одноклассницей), показал московский журнал (скорее всего «Юность», № 6, 1964 г. и/или «Молодую гвардию», № 6, 1964 г.) со стихами Н.Рубцова и запрет был снят.

Летом 1964 года Сергей Багров приезжает к Николаю Рубцову в село. С удивлением узнаёт, что Рубцов «пишет» стихи сначала в голове и только потом уже записывает их на бумагу. Друзья купаются в Толшме. С.Багров фотографирует Николая и кто-то фотографирует их обоих на берегу речки. Воспоминания С.Багрова об этой поездке изложены в приложении № 4 (16).

В письме от 27 июля Николай приглашает Сергея Багрова в Николу. Тот приезжает на мотоцикле. А это 73 км до переправы Усть-Толшма и порядка 25 км по старой накатанной живописной дороге до села. Николай передаёт С.Багрову стихи для публикации. Сразу после отъезда товарища прошёл дождь и Рубцов направился в лес за рыжиками. Грибов в лесу не оказалось. Но зато поэт нашёл там одно из лучших своих стихотворений-песен «Сапоги мои скрип да скрип...», которое сразу послал С.Багрову.

Вспоминает Н.Курочкина: «А стихи у него получались, как бы сами собой. Пошли мы раз в Сиперово и он, собирая грибы

сочинил: «Сапоги мои скрип, да скрип...», а потом появились стихи в печати».

15 августа 1964 года при содействии С.Багрова тотемская газета «Ленинское Знамя» печатает стихи Рубцова «Сапоги мои скрип да скрип...», «Жара», «Гроза», «Родная деревня».

В письме, отправленном, вероятно, в двадцатых числах августа Сергею Багрову, Николай Рубцов сообщает, что видел свои стихи в «Ленинском знамени». А также пишет:

«В Николе решил прожить вплоть до сентября, т. к. в лесу посело много брусники. Да и рыжики, должно быть, скоро пойдут.

По-прежнему, пишу иногда стихи. Написал после тебя ещё 6 стихотворений. Несколько из них посылаю тебе, просто так, почитать...»

Николай Рубцов не просит пристроить эти стихи. Видно, что ему неудобно опять обращаться к другу. А Багров обеспечивает уже 29 августа публикацию стихотворений «Природа» и «Цветы».

15 августа 1964 г. Рубцов сообщает Н.Н.Сидоренко, что написал уже более 30 стихотворений. И посылает для журнала «Огонёк» стихи «В святой обители природы...», «По вечерам», «Осеннее». Просит предложить для публикации из старых стихов: «Тихая моя родина», «На родину» и «На перевозе».

18 августа 1964 г. Николай Рубцов сочиняет стихотворение «Душа хранит», которое содержит такие ностальгические строки:

О, вид смиренный и родной!
Берёзы, ивы по буграм
И, отражённый глубиной,
Как сон столетий, Божий храм.

О, Русь – великий звездочёт!
Как звёзд не свергнуть с высоты,
Так век неслышно протечёт,
Не тронув этой красоты.

И это было сказано во времена тотальной борьбы с православием на Руси. Ещё в начале 60-х годов борец с инакомыслием генсек Хрущёв организовал кампанию разрушения православных церквей.

22 августа Николай Рубцов пишет А.Яшину о селе Никольском, о «современной» поэзии, сообщает, что «здесь за полтора месяца написал около сорока стихотворений» (12). 23-м августа датирован машинописный вариант знаменитой песни «Журавли».

Между тем, с 1-го сентября 1964 года начались занятия в литинституте. А Николая Рубцова нет. Узнав об обстоятельствах дела, руководитель творческого семинара Н.Н.Сидоренко пишет А.А.Мигунову:

«Уважаемый Алексей Андреевич!

Совсем недавно узнал я о том, что студент Н.Рубцов исключён из института, меж тем как на последнем заседании, где стоял о нём вопрос, было решено повременить до окончания экзаменов: если Рубцов сдаст экзамены успешно, он останется в составе наших студентов, хотя, возможно, ему придётся перейти на заочное отделение. О своём переводе на заочное отделение он сам просил в заявлении перед отъездом на каникулы.

И вдруг исключение, хотя экзамены сданы успешно. То ли не соблюдено наше общее решение, то ли что-то случилось позднее, чего я не знаю.

За это лето Н.Рубцов выступал со стихами на страницах журналов «Молодая гвардия», «Юность», «Октябрь». Его стихи были замечены в литературной среде, оценены положительно. Сборник стихов Рубцова включён в план Северо-Западного издательства.

За время каникул Н.Рубцов написал много новых стихов, часть их у меня имеется. Это – хорошие стихи.

Завершение литературного образования нужно Рубцову, как воздух. Пусть он будет заочником, но пусть продолжает учиться, пусть находится под нашим руководством и наблюдением.

Если имеется хоть какая-нибудь возможность для восстановления Н.Рубцова в институте, она должна быть использована нами. Прошу очень Вас рассмотреть этот вопрос возможно скорее и объективнее.

10 сентября 1964

Руководитель семинара Н.Н.Сидоренко».

Очевидно, после этого заявления руководитель семинара послал письмо Н.Рубцову.

23 сентября 1964 года Николай Рубцов пишет Н.Н.Сидоренко:

«Не понимаю, что значат Ваши слова: «Я подал заявление о вашем восстановлении...» Разве меня исключали из института? Если так, то это для меня новость, мне никто об этом не сообщал. Предлагали только перейти на заочное. А если меня исключили, так Вы не беспокойтесь обо мне. Бог с ним! Уеду куда-нибудь на Дальний Восток или на Кавказ. Буду там, на Кавказе, например, карабкаться по горным кручам. Плохо, что ли?...

Здесь стихов у меня уже больше пятидесяти, это в основном июльские и августовские, в сентябре почти ничего не написал. Ну, в общем, рукопись ещё одной книжки есть. Куда бы её только сдать?...

Горький юмор сквозит в словах поэта о намерениях карабкаться по горным кручам. В этом же письме Рубцов посылает стихи: «Венера», «Уединившись за оконцем...», «Мне лошадь встретила в кустах...» «Захлебнулось поле да болото...».

В стихотворении «Уединившись за оконцем...» (первый вариант) поэт напоминает о связи времён:

Уединившись за оконцем,
Я с головой ушёл в труды!
В окно закатывалось солнце,
И влагой веяли пруды.

И вдруг являлся образ предка
С холмов, забывших свой предел,
Где он с торжественностью редкой
В колокола, крестясь, гремел!

Вторая строфа была затем исключена поэтом или редакторами перед публикацией. Нельзя было показывать доброжелательность к православному предку, видна тяжеловесность слова «гремел».

В стихотворении «Мне лошадь встретила в кустах» вновь проявилось мистическое мировоззрение поэта:

Зачем она в такой глуши
Явилась мне в такую пору?
Мы были две живых души,
Но неспособных к разговору!

.....
Мы жутко так не до конца,
Переглянулись по два раза!

25 сентября 1964 г. Рубцов пишет А.Яшину:

«Потому нахожусь именно здесь, что здесь мне легче дышится, легче пишется, легче ходить по земле. Много раз ходил на болото. Километров за шесть отсюда, есть огромное, на десятки километров во все стороны, унылое, но ягодное болото. Ходил туда до тех пор, пока не увидел там змею, которая на меня ужасно прошипела. Я понял это как предупреждение. Мол, довольно! И больше за клюквой не пойду. Да и птицы в последний раз на болоте кружились надо мной какие-то зловещие, большие, кружились очень низко над моей одинокой головой и что-то кричали».

Эта мистическая картина не случайно запала в душу Рубцова, она отразилась позднее в «Осенних этюдах», посланных А.Яшину

В том же письме А.Яшину Рубцов продолжает:

«Вообще, я ещё должен заехать в Москву, в этот институт – улей, который теперь тише, наверное, шумит, т.к. поразлетелись из него многие старые пчёлы, а новые не прибывают. Далеко не всё нравится, и не все в литинститутском быту, но очень хочется посмотреть на некоторых хороших наших поэтов, послушать их...»

Поеду отсюда числа 27-го сего месяца. Как раз будет лотерейный розыгрыш, я выиграю "Москвич", вот в нём и поеду. Между прочим, за это лето научился я играть в лотерею: два раза подряд выиграл по рублю. А то ли ещё будет...»

А заявление Н.Н.Сидоренко ректору пролежало более трёх недель без движения. По всей видимости, получив письмо от Рубцова от 23 сентября, руководитель семинара обратился за результатом. И тогда 3 октября А.А.Мигунов написал резолюцию: «В приказ. Восстановить в числе студентов III курса заочного отделения». Однако работники канцелярии не издали или, скорее всего, не успели издать приказ о восстановлении Н.М.Рубцова на заочном отделении. Так как произошла очередная история, смахивающая на новую провокацию. И было это как раз, в начале октября 1964 года. Вот что пишет по этому поводу Станислав Куняев, в то время зав. отделом поэзии журнала «Знамя» (42):

«На моей памяти Борис Слуцкий ещё раз принял участие в судьбе

Николая Рубцова. Однажды в Центральном Доме литераторов встретились Николай Рубцов, Игорь Шкляревский и я. Рубцов после скромного застолья стал читать нам стихи, и вдруг его грубой репликой прервала одна окололитературная девица, сидевшая по соседству за столиком с поэтом Владимиром Моисеевичем Луговым. Рубцов был уже нетрезв и потому резок:

– А эта б... чего вмешивается в наш разговор! – произнёс он на весь пёстрый зал. Франтоватый вылощенный Луговой суетливо вскочил со стула и неожиданно для всех нас попытался защитить честь своей подруги какой-то полупощёчиной Рубцову. Сразу же завязалась потасовка, в которую влез находившийся в зале администратор Дома литераторов. Рубцов замахнулся на администратора стулом, но на руках у него повисла официантка Таня, кто-то помог мне вытащить из зала Лугового вместе с его дамой, кто-то из сотрудников бросился к телефону вызывать милицию, что и оказалось самым скверным в тот вечер: не успели мы одеться и слинять, как к дверям нашего дворца подкатил «воронок»... Протокол, свидетели, короче говоря, всё, что положено в этих случаях, произошло, а недели через две Коля показал мне повестку с вызовом в суд. (Значит, это событие произошло в период с 3 по 10 октября, так как Рубцов приехал в Москву в конце сентября, уехал из Москвы в 20-х числах октября, а уже 27 октября был в Николе, – прим. автора). Я позвонил Александру Яшину, Борису Слуцкому, рассказал им, как всё произошло, и в день суда мы встретились в казённых коридорах. Александр Яшин взял с собой на помощь известную поэтессу и ещё красивую женщину Веронику Тушнову... Николай Рубцов, кажется, что в валенках, в замурзанной ушанке и стареньком пальто, битый час сидел в тёмном коридоре, пока мы вчетвером уговаривали судью простить, замять и отпустить. Уговорили. Яшин, Тушнова и Слуцкий распрощались с нами на Садовом кольце возле суда, а мы с Колей пошли в соседнюю забегаловку-стекляшку отметить его освобождение, поскольку вход в Центральный Дом литераторов был закрыт ему надолго».

Судя по имеющейся информации, Ст.Куняев не дал развиваться драке между Рубцовым и Луговым. Вместо словесного разрешения конфликта Луговой полез в драку, а его подруга выступила с самого начала в роли провокаторши. В этом конфликте силы по

иерархии были неравны: с одной стороны, известный поэт Луговой, с другой стороны, опальный студент и не известный пока поэт Н.Рубцов. Плюс свидетели, выступавшие на стороне Лугового во время провокации.

Об этом событии Николай Рубцов пишет 18 ноября 1964 г. Ст. Куняеву (12):

«Вспоминаю иногда последний вечер в ЦДЛ. Ты, Стасик, вёл себя прекрасно. Я – не очень. Но иначе повести себя не мог и переживал, конечно, это.

Ты знаешь, что я всячески старался избежать шума, как страшно и неудобно мне перед некоторыми хорошими людьми за мои прежние скандальные истории. Да и самому мне это всё надоело до крайней степени. Хорошо, я думаю, что я «завёлся» тогда не до конца, а сдержался, надеясь на молниеносный нокаут Игоря, на который, говорят, он способен. Пусть не было нокаута, но если бы я тогда ввязался сам, всё – я уверен – закончилось милицией и шумом, подобным тому, который уже был и о котором ты знаешь! Вступившись за Толю, я знал, что за себя уже не вступлюсь, что с Луговым (вот ещё поганка!) надо будет мне толковать в другом месте и до сих пор считаю, что это необходимо сделать. Слишком уж он легкомысленный, как я понял, и самоуверенный.

Между прочим, Стасик, я написал тебе ещё к празднику, но оно осталось не отправленным – и слава богу! В нём нет ни слова в связи с этой глупой историей, а мне хотелось бы кое-что узнать у тебя: что было потом в институте? Я сразу же уехал и не знаю, исключили меня опять из института, или, может быть, нет. И не знаю, чем это кончилось для Передреева Толи. Ведь вроде бы звонили по этому делу нашему начальству и, конечно, всю вину взвалили на нас, пустозвоны несчастные. А чем кончилось это дело для Игоря? О нём и спрашивать-то неудобно, т.к. он абсолютно здесь чист, но откуда им, трёкалам, знать подробности (да и желают ли они этого) о нём и о нас».

На обратном пути из Москвы в 20-х числах октября 1964 года Рубцов едет в Архангельск решить судьбу своей первой рукописи. Вспоминает Б.Пономарёв (публикация В.Белкова, 43):

«Осенью 1964 года Рубцов приехал в Архангельск. Как сейчас помню первую встречу с поэтом в Северо-Западном издательстве, директором которого я был в то время. В кабинет вошёл молодой

человек с худощавым болезненно-серым лицом, молча опустился на диван, в смущении потирая руки время от времени, глуховато покашливая. Мы, издательские работники, расспросили Николая о его жизни и поняли, что он оказался в стеснённом положении. В издательстве находилась рукопись стихов Рубцова и с автором был заключён договор и выдан ему аванс».

Конечно, этот рассказ приукрашен, так как к директору зашёл проситель – в то время простой поэт-студент. И позднее из сборника редакторы издательства вырезали стихи как хотели.

В октябре в общегитии Рубцов встречался с осетинским поэтом Хазби и взял подстрочники стихов. Надо зарабатывать путём перевода русскоязычных текстов на художественный русский язык.

И опять дорога в Николу. От Вологды до Тотьмы пароходом, встреча с Багровым. Отдан чемодан на временное хранение, так как тащится с ним по старой дороге 25 км нереально.

30 октября 1964 г. Н.Рубцов пишет С.Багрову из Никольского:

«Я уже три дня в Николе. Один день был на Устье в дороге. Пришлось топать пешком... Не знаю, как бы я тащился по такой грязи, столько километров... с чемоданом! Хорошо, что ты любезно оставил его у себя...

Серёжа, я здесь оказался совсем в «трубе». На Устье у меня потерялись или изъялись кем-то последние гроши (полученный аванс – прим. автора). Сильно неудобно поэтому перед людьми в этой избе, тем более, что скоро праздник. Может быть, поскольку я уже подготовил материал, Каленистов (редактор тотемской газеты, – прим. автора) может послать мне десятку?.. А вообще надо бы обязательно хоть немного поддержать эту мою избушку.

Праздник я проведу здесь, а потом уеду куда-нибудь. Плохо, что здесь в Николе, не найдёшь никакой литературной работёнки – ни постоянной, ни временной, а без работы жить невозможно».

Опять Николай Рубцов в сложнейшей жизненной ситуации. По рекомендации Багрова Рубцов работает корреспондентом в газете «Ленинское знамя» (вне штата). В начале ноября пишет С.Багрову:

«...Я живу же по-прежнему, среди зимней, рано темнеющей, теперь скучной никольской природы. Нехотя пишу прозу, иногда стихи.

Жаль, что Гета (из Николы) без твоего ведома взяла у тебя дома мой чемодан. Она бы этого не сделала, если бы не спешила на

грузовик, в котором отправлялась из Тотьмы. Между прочим, я просил её, чтоб она только подстрочники стихов Хазби взяла из чемодана, но она без тебя всё равно ничего бы не нашла, поэтому унесла их вместе с чемоданом...

Что буду делать дальше я ещё не знаю...Хочу всё-таки до того, как поеду отсюда, что-нибудь закончить, хотя бы несколько глав повести, которую я задумал. А ещё пришла в голову дурацкая мысль написать кое-какие свои соображения о поэзии в литературной форме и дать им заголовок «Письмо к другу...»

И вот Рубцов делает переводы Хазби Дзаболаты (Дзаболов) и Газим-Бег Багандова, получает вознаграждение. Первые три «переводных» стихотворения Дзаболова были опубликованы в журнале «Советская Осетия», № 24, декабрь 1964 г.

Рубцов в дальнейшем отказывается от этого прибыльного вида заработка. Не хочет растрачивать свои поэтические образы, рифмы и ритмы. Перед ним – необъятная русская тема. Но стабильного заработка нет. В семье не складывается взаимопонимание.

Своё понимание поэзии Николай Рубцов изложил в письме к А.Яшину от 3 ноября 1964 г.(12):

«...в Ваших словах о моих летних стихах есть, конечно, правда, и мне, честное слово, было полезно узнать Ваше мнение. Для меня как раз было главное не то, что Вы можете куда-либо рекомендовать стихи (говорю абсолютно честно), а главным было знать Ваше мнение о них. Бросаясь, как говорится, в какую-либо крайность в своих писаниях, всегда хочется знать, что же скажут о стихах люди, имеющие в этом деле настоящий толк.

Только я вот в чём убеждён, Александр Яковлевич (разрешите мне поделиться своим, может быть нелепым, убеждением): **поэзия не от нас зависит, а мы зависим от неё...**»

Такие вот народные философские находки в письмах Рубцов сразу или чуть позже переводит в стихотворную форму. Поэт констатирует:

Стихи из дома гонят нас.
Как будто вьюга воеет, воеет.
.....
Вот так поэзия, она
Звенит – её не остановишь!

А замолчит – напрасно стонешь!
Она незрима и вольна.

Прославит нас или унизит,
Но всё равно возьмёт своё!
И не она от нас зависит,
А мы зависим от неё...

Стихотворение «Стихи» было включено поэтом в сборник «Лирика» (1965 г.), затем в сборники «Душа хранит» (1969 г.) и «Сосен шум» (1970 г.). Введено в подборку «Стихи» (1967 г.). Можно сказать, что поэт обозначил непредсказуемость процесса создания стихотворения, как и неукротимость и независимость природного явления. Это философия дороги и зависимости наших желаний от внешних условий.

Не очень весёлыми осенне-зимними вечерами Николай Рубцов направляет друзьям-товарищам и по насущным делам письма. 18 ноября 1964 года поэт спрашивает Ст.Куняева:

«Хотелось бы мне узнать, решена ли судьба (пусть частично) тех моих стихов. Мне надо знать об этом, потому что, пока не узнаю, я не могу распоряжаться ими, как хочу. Ты сам это понимаешь. Да и кое-какие из них я, кажется, немного улучшил, а некоторые вообще зачеркнул (в голове своей), а это тоже имеет значение, если стихи всё-таки пройдут. Поэтому, Стасик, ты сообщи мне всё об этом...».

Уже после 18 ноября Николай Рубцов едет в Вологду. Поэт Борис Чулков по просьбе А.Романова приютил тогда Рубцова. В обширной библиотеке хозяина Рубцов знакомится ближе с творчеством французских поэтов. Вот что пишет Б.Чулков (11):

«Рубцов очень много читал – особенно в первое время, к его услугам были все мои книги. Надо ли говорить, что – сам поэт до мозга костей – читал он почти исключительно одних поэтов. Из прозаиков неизменно выделял и поминал лишь только Гоголя, столько же прозаика, сколько и своеобразнейшего поэта в прозе.

А в бескрайнем море русской поэзии, что же в первую очередь привлекало Рубцова? Конечно же, без памяти был он влюблён и в Пушкина, и в Лермонтова, и в Блока, и в Есенина, учился у них (достаточно здесь назвать рубцовское стихотворение «Кружусь ли я в Москве бурливой...») – вариацию на тему пушкинского «Брожу

ли я вдоль улиц шумных...»), но сердцу не прикажешь – и вот Рубцова больше манят к себе Тютчев, Фет, Полонский, Майков, Апухтин...

И особенно, конечно же, много мы говорили о Тютчеве. Как восторгался Рубцов знаменитым триединством Тютчева: «блистает, блещет и блестит!» Многие стихи поэта озарены тютчевским светом, но не меньше, чем светом, – и сумерками, и осенью Тютчева...

Книга Тютчева (стихи и статьи в дореволюционном издании) и была ли не единственной личной книгой Рубцова. Сейчас уже ходят легенды, что он, ложась спать, клал её под подушку. Я могу лишь сказать, что, во всяком случае, остальными книгами, которые ему попадались, Николай не дорожил и, бывало, оставлял где угодно. Книге же Тютчева такая судьба не угрожала».

В конце ноября Николай Рубцов участвует в поэтическом семинаре, который вели руководитель вологодской писательской организации поэт С.Викулов, а также поэты А.Романов и В.Коротаев. Вот как об этом пишет в то время молодой поэт Сергей Чухин (11):

«И вот на этот семинар был приглашён никому из нас тогда неизвестный поэт Николай Рубцов. Он пришёл в отделение Союза за несколько минут до начала обсуждения рукописей: невысокого роста и неопределённого возраста лысеющий человек в валенках, взгляд настроженный, даже угрюмый; сел позади всех.

В обсуждении наших стихов он участия не принимал, но по ключим репликам чувствовалось, что они ему не по вкусу...

Наконец дошла очередь обсуждать рукопись Рубцова. Он вышел к столу, коротко рассказал о себе и прочёл несколько стихотворений. Среди них помню ставшие ныне хрестоматийными «Видение на холме» и «Родная деревня». Читал негромко, но энергично, изредка жестикулируя правой рукой, а левую сунув за борт пиджака.

Старшим товарищам стихи, видимо, понравились, они почувствовали, что на семинар пришёл поэт со своим мироощущением, своей темой. Но, к сожалению, не обошлось и без дежурных учительных фраз: поближе к современности, к злобе дня...

С каждым подобным замечанием Рубцов всё более мрачнел, реплики его становились вызывающими. А тут я ещё подлил масла

в огонь. Как же? Для меня чуть ли не единственным мерилom современной поэзии был тогда Р.Рождественский, а тут – на тебе! – деревня Никола, начальная школа... Да и безоглядная, горячая молодость внутренне протестовала против сдержанной (рассудочной) формы. Сказано это было прямо и пылко. Рубцов вскипел и во время обеденного перерыва, прихватив с собою поэта О.Кванина, ушёл с семинара».

Несколько позднее руководители семинара и Рубцов установили нормальные взаимоотношения (у Рубцова были уже опубликованы подборки в журналах «Октябрь», «Юность» и «Молодая гвардия», чего не знали многие участники семинара, – прим. автора). О последующем литературном признании поэта говорит благодарное письмо С.Викулову из Никольского в декабре 1964 года. Николай Рубцов «был уже доволен тем, что получу командировку». Это была конкретная поддержка для вынужденно блуждающего поэта. Рубцов сообщает следующее:

«Все последние дни занимаюсь тем, что пишу повесть (впервые взялся за прозу), а также стихи, вернее, не пишу, а складываю в голове. Вообще я никогда не использую ручку и чернила и не имею их. Даже не все чистовики отпечатываю на машинке – так что умру, наверное, с целым сборником, да и с большим, стихов, «напечатанных» или «записанных» только в моей беспорядочной голове. Но это между прочим. Пустяки.

Извините, что посылаю вторые экземпляры стихов: первых не осталось, а сейчас машинку дали только на несколько минут.

Всего Вам доброго».

В декабре 1964 года Рубцов оригинально и непринуждённо стихами отвечает Ст.Куняеву из Никольского (12).

19 декабря 1964 г. в письме к Н.Н.Сидоренко из Никольского Рубцов интересуется, что нового в семинаре и институте. И снова между делом сообщает о своём понимании существа поэзии: **«Много ли стихов написано натурально, т.е. как на душе, жизненно, а не сочинено, хотя бы и по все^м правилам техники?»** Рубцов сообщает о том, что кроме стихов начал писать повесть и что никаких заданий из института ему не послали. В связи с этим Н.Рубцов пишет в литературный институт и спрашивает об оформлении приказа о восстановлении. И ссылается на договорённость по этому поводу с ректором и кафедрой творчества.

Однако секретариат молчит. До некоторой степени это объяснимо. Дело в том, что любой заочник должен был давать справку о месте работы для оформления приказа. В письме Рубцов сообщает: «После того, как я уехал из Москвы, из института, где я был (в октябре) по делу своего восстановления на заочном отделении, – я уже больше не работал зав. клубом в с. Никольском, т.к. за длительное отсутствие «потерял» эту должность. С ноября работаю в здешней районной газете. Об этом и посылаю Вам справку» (12). На запрос автора этой книги из Никольского сообщили, что нет сведений о работе Рубцова зав. клубом. Между тем, известно, что Рубцов неоднократно участвовал в клубной самодеятельности и в выступлениях по местным деревням.

Первая рукопись «Звезды полей» была направлена Рубцовым в издательство «Советский писатель» почтой из Николы, скорее всего глубокой осенью 1964 года и в «разномастном» виде.

Хочется обратить внимание на бытовую сторону подготовки стихов для публикаций. У поэта не было постоянно пишущей машинки. Напомню, что в те 60-е годы 20-го века печатная техника была только в учреждениях и у маститых писателей. Печатную машинку в Никольском можно было выпросить в сельсовете (может быть, на почте) и временно. Но ещё надо было иметь пачки бумаги и копирки для печати. Это тоже по просьбе. Кроме того, надо иметь почтовые конверты. Поэтому поэт месяцами носил стихи в голове, пока не оказывался в подходящем месте.

В декабре 1964 г. Рубцов спрашивает из Никольского поэта Е.А.Исаева (зав. отделом издательства «Советский писатель») о судьбе своей рукописи «Звезда полей». В титульном стихотворении сборника поэт видит в родном селе такую зимнюю картину:

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полыню.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою.

Последующие три строфы «Звезды полей» Николай Рубцов существенно переделал при окончательной сдаче сборника в печать.

В декабре 1964 года Н. Рубцов пишет С.Багрову (12):

«Вчера, сразу же после нашего разговора по телефону, взялся за новогоднее стихотворение и написал его. По-моему, получилось неплохо, потому посылаю его тебе...» Рубцов написал стихотворение «Мороз» – начальный вариант песни «Январское».

Под непрерывными ударами судьбы поэт мог бы ожесточиться. Однако, он пишет светлыми красками. Стихотворение «Мороз» было опубликовано 1 января 1965 г. в газете «Ленинское знамя». Рубцов пишет как о живом и добром русском Морозе, который, устраивая чудеса, идёт «снежком поскрипывая весело», «и всё подмигивает звёздами». Несмотря на все неприятности 1964 года, верит Николай Рубцов, что всё сложится у него хорошо.

Между тем, в том же письме С.Багрову поэт сообщает (12):

«Жизнь моя идёт без всяких изменений и, кажется, остановилась даже... Получил письмо от брата из Ленинграда. Он зовёт меня в гости, но я всё никак не могу сдвинуться с места ни в какую сторону. Выйду иногда на улицу – увижу снег, безлюдье, мороз, и ко всему опять становлюсь безразличным и не знаю, что мне делать...»

Хорошо то, что пишется. Но ужасно то, что так тяжело печатать стихи: слишком много тратится на это времени...».

С.Багров в это трудное время поддерживал Николая Рубцова материально, обеспечивая публикации в тотемской газете.

Из письма видно, что братья Николай и Альберт переписывались. А Николай и не мог доехать до брата, т.к. денег не было не то что на дорогу, но даже на пропитание.

Все письма Рубцова в период с лета до конца 1964 года – это исповеди бытового плана и россыпи мыслей и афоризмов народной философии, которую подарил нам Поэт. Ничто не устарело.

Надо решать литинститутские проблемы. На новый год Рубцов едет в Москву. 31 декабря 1964 года он приходит на квартиру В.Кожина. Но поэта не пустили в квартиру.

Вспоминает В. Кожин (11): «Я приехал чуть ли не без четверти двенадцать и застал Николая на улице у подъезда. Помню, меня страшно возмутило нарушение обычая, который я всегда считал священным: за новогодний стол необходимо посадить всякого, любого гостя. Я вбежал в квартиру, чтобы поздравить с Новым годом мать, и вернулся на улицу.»

Что было делать? У нас имелось с собой вино и какая-то снедь, но всё же встреча Нового года на улице представлялась крайне неудобной. Оставалось минут десять до полуночи...И вдруг мы увидели одинокую машину, идущую в сторону Савёловского вокзала, за которым не так уже далеко находится общежитие Литературного института. Мы бросились наперерез ей. Полный непобедимого молодого обаяния, Анатолий Передреев сумел уговорить водителя, и тот на предельной скорости домчал нас до «общаги»... Утром мы с Анатолием Передреевым даже спустились к общежитскому автомату и позвонили моему отцу, чтобы как-то «отомстить» ему этим нашим торжеством.

– Ты даже представить себе не можешь, кого ты не пустил на свой порог, – отвечал я. – Всё равно, что Есенина не пустил...

И это тогда, 1 января 1965 года, уже было полной правдой».

Потрясающая каждого читателя и слушателя «Прощальная песня» (первый вариант) написана, по-видимому, в конце осени 1964 года, потому что в тексте обозначено «будет льдом покрываться река...». Николай глубоко переживает жизненную ситуацию расставания с женой и дочерью, он же понимает, что дочь остаётся сиротой при живом отце и обращается к Генриетте:

Мы с тобою как разные птицы!
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть никогда не смогу.

Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю
И пошлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.

Чтобы девочка, куклу качая,
Никогда не сидела одна.
– Мама, мамочка! Кукла какая!
И мигает, и плачет она...

В справке библиографического отдела издательства «Советский писатель» стоит дата регистрации этой песни 5 апреля 1965 г. (12).

И всё-таки Николай Рубцов оставляет надежду на будущее: «может быть я смогу возвратиться».

15 января 1965 года Рубцов был восстановлен в литинституте (на заочном отделении). Возвратившись в Ни́колу, Рубцов пишет Глебу Горбовскому. Приводим фрагмент из письма:

«Дорогой, дорогой Глеб!

Сижу сейчас, закутавшись в пальто и спрятав ноги в огромные рваные старые валенки, в одной из самых старых и самых почерневших избышек селения Никольского...

Я пропадаю здесь целый месяц. Особенного желания коротать здесь зиму у меня нет, т.к. мне и окружающим меня людям поневоле приходится вмешиваться в жизнь друг друга и мешать друг другу, иначе говоря, нет и здесь у меня уединения и покоя, и почти исчезли и здесь классические русские люди, смотреть на которых и слушать которых – одни радость и успокоение. Особенно раздражает меня самое грустное на свете – сочетание старинного невежества с современной безбожностью, давно уже распространившееся здесь.

Но вот что: в институте меня в течение года три раза исключали за неумеренную, так сказать, жизнь и три раза восстанавливали (за что я благодарен, конечно, не администрации, а некоторым хорошим людям, в том числе и нашим хорошим (есть там разные) – институтским ребятам). И после этой, можно сказать, «сумасшедшей мути», после этой напряжённой жизни, ей-богу, хорошо некоторое время побыть мне здесь, в этой скромной обстановке и среди этих хороших и плохих, но скромных, ни в чём не виноватых и не замешанных пока ни в чём людей.

В Вологде ко мне отнеслись хорошо. Читал я там, когда приехал, стихи на собрании писателей, и, можно точно сказать, стихи на них подействовали. Вообще, в Вологде мне всегда бывает и хорошо, и ужасно грустно и тревожно. Хорошо оттого, что связан я с ней своим детством, грустно и тревожно, что и отец, и мать умерли у меня в Вологде. Так что Вологда – земля для меня священная, и на ней с особенной силой чувствую я себя и живым и смертным...»

Это послание из Вечности адресат прочитал через 25 лет, в 1990 году. И после многих лет трезвости сел за рюмку (Коняев, 27).

О понимании Рубцовым сущности поэзии говорит его письмо

как литконсультанта начинающему автору. В издании «Николай Рубцов» (12, Terra, 2000, т.3, стр. 298, 411) это письмо датировано 12 января 1964 года.

О дате этого письма имеется сообщение С.Лагерева, которое опубликовано на сайте «Душа хранит» 16 ноября 2010 г. Автор разбираемого стихотворения И.И.Козлов адресовал его Рубцову для получения рецензии. Стихотворение посвящено космическому полёту на трёхместном корабле «Восход», которое состоялось в октябре 1964 года. Поэтому дата письма Н.М.Рубцова от 12 января 1964 года недостоверна. Кто совершил ошибку: Вик. Кортаев или редакторы газеты «Вологодский комсомолец» неясно.

Привожу некоторые принципиальные высказывания Рубцова:

«Тема вашего стихотворения – полёт в космос – была уже использована во множестве стихотворений разных авторов, т. е. эта тема, как говорится, общая и старая...

Вашего оригинального настроения в стихотворении – нет.

Вашего оригинального мировоззрения в стихотворении тоже нет...

Когда я говорю Вам, что тема Вашего стихотворения старая и общая, это ещё не значит, что я вообще против старых тем. Тема любви и смерти, радости, страданий – тоже темы старые и очень старые, но я абсолютно за них и более всего за них!

Потому я полностью за них, что это темы не просто старые (вернее, ранние), а это темы вечные, не умирающие. Все темы души – это вечные темы, и они никогда не стареют, они вечно свежи и общеинтересны...(подчёркнуто автором книги)

Поэзия идёт от сердца, от души, только от них, а не от ума (умных людей много, а вот поэтов очень мало!). Душа, сердце – вот что должно выбирать темы для стихов, а не голова...

Такие недостатки, которые есть, на мой взгляд, в Вашем стихотворении, сейчас довольно широко распространены в стихах и множества других авторов. Причём частенько такие стихи всё же печатают, и если Вы встречаете такого рода стихи в печати, то не думайте, пожалуйста, что так и надо писать. Всем нам надо учиться писать так, как писали настоящие, самые настоящие поэты – Пушкин, Тютчев, Блок, Есенин, Лермонтов. Законы поэзии одни для всех».

17 февраля 1965 года поэт пишет Н.Н.Сидоренко:

«...вспоминаю Вас по-прежнему часто и всегда с самым добрым чувством. И Вас, и Вашу семью, и Ваш семинар...

Из института мне приходят какие-то странные письма. Например, снова просили справку с места работы, чтоб оформить приказ о моём восстановлении, т.е. значит, что моё положение в институте по-прежнему было зыбкое, о чём я не знал. Справку послал...А вот заданий я до сих пор не получил.

Ещё послали мне личную карточку студента и просили её заполнить. Её послали недавно, и я, кажется, могу теперь считать, что уже оформлен, наконец, приказ о моём восстановлении...

Живу по-прежнему. Только по временам всё сильнее и сильнее чувствую какую-то беспросветность в будущем. Порой, кажется, что я уже испытал и все радости, и все печали. Всё сильнее и сильнее люблю Л.Толстого, Тютчева, Пушкина, Есенина».

В этом письме Рубцов интересуется возможной публикацией в «Огоньке», посылает уточнённое стихотворение «Родная деревня».

В марте 1965 года Николай Рубцов приехал в Вологду и принял участие в вечере клуба творческой интеллигенции «Современник», который проходил в зале заседаний городского комитета партии. В президиуме известные вологодские писатели, художники, журналисты. Нинель Александровна Старичкова вспоминает (44):

«Рубцов был в серых с загнутыми голенищами валенках, в тёмно-красной в клеточку бязевой рубашке, в выдавшем виды коричневом костюме. Светло-серый шарф, узкий и тонкий, был обернут вокруг шеи, концы его прикрывали лацканы пиджака...

Читал он звонко, напевно, жестикулировал, интонацией подчёркивал концовку каждой строки, словно ставил точку.

Вроде бы ничего сногшибательного не было, а зал притих. Было такое ощущение, что поэт ведёт нас по светлому лесу. Солнечные лучи пробиваются сквозь листву. Пахнет свежестью, прелым листом, грибами. Русью пахнет».

Поэт прочитал «Сапоги мои скрип да скрип...», «Над вечным покоем», «Вечернее происшествие» и, наконец «Видения на холме». Далее Н.Старичкова пишет (44):

«Когда кончил читать, зал словно оцепенел, а потом взорвался аплодисментами. Ведущий уже не мог завершить вечер и заставить аудиторию заговорить: никто после Рубцова не хотел выступать. Молчание затягивалось...»

Рубцов получает ходатайство вологодской писательской организации о восстановлении его на очном отделении литинститута. Направляется в конце марта в Москву. Встречается в «Советском писателе» с Е.Исаевым, который пишет записку редактору Владимиру Семакину:

«Володя! Срочно прочитай рукопись Рубцова (за день-два), определи состав. Надо с ним заключить авансовый (25 процентов) договор. Борис Ваныч поддержит, я уже договорился. Будь добр, не затягивай – Рубцов хороший поэт, нашенский – деревенский, и он сейчас бедствует. Держи связь с Рубцовым через Анатолия Передреева.

Егор. 30 марта 65 г.» (16)

В.Семакин быстро составляет редакционное заключение, после которого можно заключать договор. Уже 2 апреля Рубцов пишет заявление на имя Е.А.Исаева:

«Ознакомившись с редакционным заключением на рукопись моего сборника «Звезда полей», я согласился с теми замечаниями, которые в этом заключении есть.

Именно: некоторое однообразие пейзажей в стихах, некоторые лишние темы, чрезмерная разбивка строк, отсутствие глубокой мысли в кое-каких стихах.

Обязательно буду работать в дальнейшем над рукописью так, чтоб сборник не имел этих недостатков, чтобы он стал как можно лучше. Рукопись в доработанном виде представлю в редакцию в начале будущего года.

Т.к. сейчас у меня затруднительное материальное положение, я прошу Вас заключить со мной договор».

5 апреля 1965 г. поэт сдал стихи для рукописи «Звезда полей» в библиографический отдел издательства «Советский писатель».

В этом ведущем издательстве печатались известные писатели. Поэтому трудно переоценить заслуги Е.Исаева и Н.Сидоренко в сложившейся литературной судьбе Рубцова. Как поэт Рубцов не был знаменит и не был членом Союза писателей. А договор был бы заключён и аванс выдан, если бы 9 апреля не произошла провокация со стороны таксистки Акименко.

8 апреля 1965 г. в литературный институт пришло ходатайство Вологодского отделения Союза писателей России о восстановлении Рубцова на очном отделении. То есть просьба

состояла не просто в переводе поэта с одного места на другое, а в обеспечении нормальных условий для жизни и обучения. Дело в том, что ночевать-то Рубцову негде официально.

И вот это явилось одной из причин приключения в апреле 1965 года. Для того, чтобы пообъективнее разобраться с ситуацией читаем документ, представленный в приложениях № 4. И не знаешь – то ли плакать, то ли смеяться объяснениям-рассказу Рубцова о причинах происшествия. Смеяться хорошо со стороны. Но состоянию Н.М.Рубцова не позавидуешь.

Комментарий к документу (приложение № 4).

Николай Рубцов приехал в Москву разбираться со своим положением в литинституте. Дело в том, что никаких положенных для обучения заданий ему, как студенту-заочнику, не высылают. Жилья у него нет. В паспорте нет даже регистрации прописки (в данный момент Рубцову 29 лет!), ни в какую гостиницу в Москве его не оформят. Остаётся Рубцову искать друзей-знакомых для ночлега или попытаться устроиться в общежитии. Последний вариант заканчивается неудачно, так как есть решение руководства: именно Николая Рубцова не пускать в общежитие. И вот Рубцов пытается на такси доехать до своего товарища. По требованию таксистки расплачивается за проезд заранее. И опять попытка Рубцова добиться справедливости теперь уже при общении с таксисткой Акименко заканчивается очередной разборкой не в пользу поэта. В результате оформление в литинститут на очное отделение невозможно. И более того, ставится вопрос вообще о его учёбе в институте.

В объяснительной записке от 27 апреля 1965 года Рубцов в связи с наглым поведением таксистки Акименко Е.И. с юмором вспоминает есенинское «такую лапу не видал я сроду!», а в связи с неудачной попыткой «проучить» здоровую таксистку сообщает ректору, что «в деревне, наверное, поглупел». И заканчивает объяснение так (12):

«В заключение хочу сказать, что я ничего не прошу, не прошу даже о восстановлении...Просто, как Ваш студент, я посчитал своим долгом объяснить то неприятное происшествие, которое, в конечном счёте, явилось результатом моего, так сказать, заочного образа жизни».

Декан заочного обучения П.Таран подготовил ректору

В.Пименову на Рубцова необъективную справку: «он только числится, но не учится» (16). Рубцов числился всего 2 с половиной месяца на заочном и не получил ни одного курсового задания. Письмо в Вологду А.Романову готовил, конечно, не В.Пименов, а скорее всего П.Таран, так как для написания писем существуют подчинённые, а ректора просто подписывают эти письма. Известен случай, когда подхалимы доставили В.Пименову такие вирши Рубцова, которые ректор мог принять только в свой адрес:

Быть может, я для вас в гробу мерцаю,
Но должен я сказать в конце концов:
Я – Николай Михайлович Рубцов –
Возможность трезвой жизни отрицаю...

В.Пименов вызвал Николая Рубцова, уточнил авторство стихов и грустно заметил Рубцову: «Но это же мальчишество. Идите».

И не принял никаких санкций. Потому что студенты – это же поэты, а не роботы безмозглые. Можно отметить, что у Рубцова в поздних стихах уже не было легковесного молодёжного лихачества. Автор хочет обратить внимание на двусмысленность строки поэта «Возможность трезвой жизни отрицаю», на намёк неприятия тупых шаблонных идеологических установок.

Однако, удивляешься, как это у Рубцова хватало духовных сил преодолевать одну за другой сыпавшиеся неприятности, вплоть до уголовного преследования. Непредсказуемый ветер гонит поэта «по сёлам и столицам». Весной 1965 года Н.Рубцов появился в Бабаево (45). Поэт работал над стихами в редакции местной газеты, общался с В.Лукошниковым и поэтом Н.Матвеевым.

Имя Николая Рубцова становится известным в литературных кругах. Небольшие, иногда и приличные по тем временам гонорары за публикации в журналах и местных газетах, разовые командировки позволяют рассчитываться с долгами, но не могут обеспечить нормальную жизнь, особенно с ребёнком. Николай Рубцов не хочет быть нахлебником в бедной крестьянской семье.

В мае 1965 года Рубцову приходит вызов на сессию в литературный институт (продолжительность сессии с 4 по 30 мая 1965 г.). Рубцов приезжает в Москву и сдаёт контрольные работы этой первой заочной сессии в институте.

9 июня 1965 года издательство «Советский писатель» подписывает с Рубцовым договор на «Звезду полей» со сроком сдачи рукописи 30 ноября 1965 года.

10 июля 1965 г. тотемская газета «Ленинское знамя» публикует размышление «Лесник» и первые детские стихи Рубцова «Коза», «Медведь». Психологически точно представил поэт характер козы (в подтексте можно разглядеть не только нахальную козу):

Побежала коза в огород.
Ей навстречу попался народ.
– Как не стыдно тебе, егоза? –
И коза опустила глаза.
А когда разошёлся народ,
Побежала опять в огород.

У поэта не было тогда обычной прописки. После исключения с дневного отделения он жил в Никольском и имел только справку из сельсовета со штампом от 5 августа о том, что Рубцов с октября 1964 г. по август 1965 г. проживал в этом селе. Справка была наклеена на картонку, чтобы не потерялась. С такой справкой удостоверения местожительства Рубцов ходил по Москве!

Как сообщает Сергей Чухин, который был принят в литературный институт на вновь открывшееся с сентября 1965 г. очное отделение, Николай Рубцов в первую же сессию зашёл к нему в комнату в компании старшекурсников. С.Чухин пишет (11):

«Рубцову надо было ехать ночевать к кому-то из московских знакомых, я предложил ему остаться у себя, а утром, уходя на лекцию, положил на стол ключ. Ключ оставался у него полтора месяца.

За эти полтора месяца я заметил, что Рубцов не любит разговоров на литературные темы. Всего охотнее он сходил с людьми, если не далёкими от литературы, то уж, по крайней мере, не поэтами».

Рубцов жил в общежитии в сентябре-октябре 1965 года, очевидно, готовил стихи и ходил по издательствам.

В октябре 1965 года выходит журнал «Октябрь» со стихами Рубцова «Тихая моя Родина», «Добрый Филя», «Вечернее происшествие», «Памяти матери», «На вокзале», «Утро». Такие

публикации не проходят мимо читателей и литераторов. Становится ясным появление неординарного по мировоззрению и самовыражению русского поэта.

Рубцов возвращается на Вологодчину. В дневниковых записях от 10 октября 1965 г. издатель и журналист В.М.Малков пишет: «Заходил поэт Николай Рубцов. В потрёпанном демисезонном пальто серого цвета, на шее – тёплый шарф. Застенчивый, чистое лицо, голос тихий, какой-то мягкий.

Вручил ему книжку «Лирика». Должен сказать, что мы, издатели, его обкорнали. Слишком много было приземлённых стихов. Из Архангельска поступила команда: убрать. Ну, и убрали. Рубцов, конечно, недоволен своей книжицей. Говорит, что дарить её никому не будет».

Рубцов едет в Никольское и в письме В.Елесину в октябре 1965 г. пишет:

«Дорогой Вася! Я опять в Николе, На сей раз я командирован сюда на длительный срок Союзом писателей.

Возможно, что скоро уеду.

У меня вышла книжечка. Конечно, тут далеко не всё, на что я способен. Ну и пусть. Посылаю одну книжечку тебе. Найдёшь нужным – отрецензируй, я не буду против...

Сейчас возьмусь писать два очерка по заданию журнала «Сельская молодёжь»...»

После этого письма В.Елесин написал благоприятную рецензию на сборник «Лирика», а Николай Рубцов 24 октября 1965 года из Никольского сообщает:

«Я рад, что книжечка моя тебе в общем-то понравилась. С твоими дружескими (очень уж скромными) замечаниями я согласен. Да, есть у меня пристрастие к восклицательным знакам. Ставить их, где надо и не надо. Ну, а насчёт того, что колокол под дугой звенеть не может, даже «легонечко», когда лошадь идёт шагом, – это, Вася, плод твоей великолепной фантазии. Сейчас вот бабка говорит: «Колокольчик на любой животине всегда звенит». Да и как ему не звенеть, если дороженьки-то наши настолько ухабисты, Вася, что тут и дуга, и оглобля, и груз, не только колокольчик – всё запоёт. Ну, да бог с ними....

О себе писать нечего. Могу только сказать, что очень полюбил топить печку по вечерам в тёмной комнате. Ну, а слушать

завывание деревенского ветра осенью и зимой – то же, что слушать классическую музыку, например, Чайковского, к которому я ни разу не мог остаться равнодушным...»

В селе Рубцов записывает исповедальные «Осенние этюды». Поэт не пишет, поэт создаёт произведение, потому что его стихи о подлинных событиях в жизни блуждающего по дорогам судьбы человека, о маленькой дочери (ей в это время два с половиной года), о неустроенности. Судите сами:

.....
А возле ветхой сказочной часовни
Стоит берёза старая, как Русь...

.....
Когда стихает яростная буря,
Сюда приходит девочка-малютка
И робко так садится на качели,
Закутываясь в бабушкину шаль.

Скрипят, скрипят под ветками качели,
И так шумит над девочкой берёза
И так вздыхает горестно и страстно,
Как будто человеческою речью
Она желает что-то рассказать.
Они друг другу так необходимы.

Но я нарушил их уединенье,
Когда однажды шлялся по деревне
И вдруг спросил играючи: «Шалунья!
О чём поёшь?» Малютка отвернулась
И говорит: «Я не пою, я плачу...»
Вокруг меня всё стало так уныло!
Но в наши годы плакать невозможно.
И каждый раз, себя превозмогая,
Мы говорим: «Всё будет хорошо».

Здесь ничего не говорится о высоких материях деревенской жизни и семейных взаимоотношений. Здесь народная мудрость выражается через веками повторяющуюся надежду, что всё перемелется. В.Д.Зинченко пишет (12, том 1, стр.337): «По

воспоминаниям Василия Елесина, в конце октября 1965 года поэт прислал ему в Липин Бор стихотворение «Осенние этюды» с другой концовкой (по сравнению с публикацией в «Звезде полей», – прим. автора):

Из Никольского осенью 1965 года поэт в письме просит А.Романова передать для публикации в Вологде «Осенние этюды» и «Кружусь ли я в Москве бурливой...». Поэт сообщает: «С Москвой пока не поддерживаю никакой связи. Да это и ужасно трудно при никаких транспортных и дорожных условиях. И жаль ещё: у меня здесь нет пищащей машинки, а я срочно должен перепечатывать рукопись «Сов.писовскую» и отсылать её...»

В связи с тем, что сборник «Лирика» был «отредактирован ножицами» Северо-Западного издательства, поэт пишет возмущённое письмо в Архангельск. 19 ноября 1965 г. Н.Рубцов жалуется А.Яшину на свою жизнь в деревне и на произвол издательства (12):

«Иногда просто тошно становится от однообразных бабьих разговоров, которые постоянно вертятся вокруг двух-трёх бытовых понятий или обстоятельств...Конечно, я знаю и очень привлекательные свойства сельских жителей, но всё равно всё навязчивей мне вспоминаются слова Сергея Есенина: «Нет любви ни к деревне, ни к городу...» Впрочем, то и другое (деревня и город) мне разонравились не в той помрачительной степени, в какой Есенину. А большинство мужиков деревенских (да и женщин некоторых) я по-прежнему люблю и глубоко уважаю...»

Затем Николай Рубцов сообщает о том, как ему недоплатили за издание «Лирики». При окончательном расчёте вместо 40% гонорара Рубцов получил всего 29 рублей. Поэту причиталось примерно 120 рублей, на которые можно было «продержаться» в избушке 2-3 месяца.

В этом письме Николай Рубцов приводит стихотворение «Осенние этюды». Глубина переживаний автора скрыта неторопливостью повествования. А Николай Рубцов отражает суть бытия мистическими картинками. Хотя поэт пишет, вроде бы, о рядовом походе за клюквой:

От всех чудес всемирного потопа
Досталось нам безбрежное болото,

На сотни вёрст усыпанное клюквой,
Овеянное сказками и былью
Прошедших здесь крестьянских поколений...
Зовёшь, зовёшь... Никто не отзовется...

.....
«Как хорошо! – я думал. – Как прекрасно!
И вздрогнул вдруг, как будто пробудился,
Услышав странный посторонний звук.
Змея! Да, да! Болотная гадюка
За мной всё это время наблюдала
И всё ждала, шипя и извиваясь...
Мираж пропал. Я весь похолодел.
И прочь пошёл, дрожа от омерзенья,
Но в этот миг, как, туча над болотом
Взлетели с криком яростные птицы,
Они так низко начали кружиться
Над головой моею одинокой,
Что стало мне опять не по себе...

«С чего бы это птицы взбеленились? –
Подумал я всё больше беспокоясь, –
С чего бы змеи начали шипеть?»
И понял я, что это не случайно,
Что весь на свете ужас и отрав
Тебя тотчас открыто окружают,
Когда увидят вдруг, что ты один.

Это стихотворение свидетельствует не просто о православном мировоззрении Рубцова, а о высшей его стадии, когда поэт понимает, что в мире действуют в разной форме античеловеческие, антиправославные материализованные животные и личности.

И вот такие и другие откровенные стихи пишет поэт, который одет в эти бездомные годы по предпоследнему слову нищеты. По некоторым свидетельствам поэт ходил осенью, зимой и весной в пальто, носил зимнюю шапку, подшитые валенки и знаменитый бело-серый (или другого цвета) шарф, который защищал шею от ветров. Уезжая с Ярославского вокзала в Вологду, Николай иногда подогревался вином. Однажды осенью он был остановлен

милиционером, который грозно спросил: «А что это у Вас в чемодане?». На что поэт ответил: «Кукла». – Кукла, – переспросил милиционер и предложил открыть чемодан. В нём оказалась огромная кукла для Лены.

20 ноября 1965 г. Николай Рубцов пишет Ф.Кузнецову (12):

«Иногда хожу в лес, рублю дрова – только щепки летят. Недавно со страшной силой ударился поперёк дерева боком, даже рёбра затрещали, – так что сейчас, когда я пишу это, мне приходится по временам отходить от стола, чтобы отдышаться, хватануть кислорода.

Феликс! Я обратил внимание, что листок, на котором я пишу, лежит на «Лит. газете», а в ней написано: «Моя поэтическая личность... всегда отделена от меня». Это слова какой-то Майи Борисовой, которые приводит в своей статье «Диалог соседей» (и наш общий) друг Ал. Михайлов. Приводит их и добавляет: «Мне близка эта мысль, подтверждающая мою позицию в наших лирическом герое». Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Умники! Ужас! Михайлов, оказывается, не «рубит» в поэзии. А ты говорил... Нашёл ещё на кого ссылаться! Великий русский поэт Борисова!

Ну, да ладно: у них своя компания, у нас своя. И прошу прощения: я задел такую личность, от которой навсегда отделена не только поэзия, но в любой момент может отделиться приказ о моём исключении из института.

У меня вышла в Архангельске маленькая книжечка. Да хранит тебя бог!

20/XI – 65 г.

Н.Рубцов»

Рубцов прямо высказывает свою позицию по сути поэзии, о взаимосвязи мировоззрения и творчества. Одно неотделимо от другого. Иначе – раздвоение личности и поведение индивидуума по обстановке, то есть популизм и приспособленчество.

В письме А.Романову Рубцов просит похлопотать в «Красном Севере» о стихах и чтоб «послали мне немного денег до Нового года». О жизни сообщает (12):

«Мне тут, в этой глуши, страшно туго: работы для меня нет, местные власти начинают подозрительно смотреть на моё длительное пребывание здесь. Так что я не всегда могу держаться здесь гордо, как горный орёл на горной вершине. «Кр. Север»

напечатает только один стих, ради снисхождения? Наверное, так и будет, Только мне вся эта мелкая возня вокруг какого-нибудь дурацкого одного стишка надоела и не нужна. Всегда столько разговоров, работы на машинке, всякого беспокойства, усилий и ради чего?...».

В Никольском жить и прописываться нет смысла, так как ему, как поэту, и студенту литературного института для публикаций надо непрерывно ездить в Вологду и Москву.

Из публикаций известно, что осенью 1965 года фото Рубцова появляется в селе на «доске почёта» для тунеядцев. Этого уже достаточно, чтобы поэт (студент) был вынужден уехать.

В декабре 1965 г. Николай Рубцов ищет свою сестру Галину. Приехав в Вологду, пишет заявление в горотдел милиции г. Череповца с просьбой сообщить её адрес. Обратный адрес Николай Рубцов даёт на Вологду, ул. Ленина, 17, Союз писателей. Он хотел, возможно, содействия сестры в жилищном вопросе.

В Вологде Николай Рубцов принял участие в литературном семинаре, который вёл поэт Борис Чулков. Рубцов читал морские юмористические стихи. Участники семинара затем направились в ресторан «Север». Там с поэтом познакомилась Н.Старичкова. Рубцову негде было ночевать. И по просьбе поэта В.Пашова Нинель Старичкова предложила Рубцову переночевать в её семье.

При разговоре со Старичковой о трудностях на пути публикаций Рубцов сказал: «У меня ведь тоже не всё печатают, требуют написать о тракторе на поле. А я на этом поле не трактор вижу, а камень, которому миллионы лет. Вот о чем я хочу написать».

Поскольку Старичкова длительное время (с конца 1965 по 1970 г.г.) встречалась с Николаем Рубцовым в различных ситуациях и написала объективную книгу «Наедине с Рубцовым», можно сослаться на её сведения о характере Поэта (44):

«В биографическом материале о Рубцове В.Белков сделал сноску на мою информацию, что поэта унижали, он иногда надоедал, был суетлив». Это не мои слова. Унижали? Да. Но Коля не был суетливым, надоедливым. Это выводы автора после рассказанного мною эпизода из жизни поэта. Николай был импульсивным, беспокойным, настойчивым в спорах, когда хотел доказать истину. Мог быть грозным, гневным. Но и в спорах он был интересен, и любили его больше всего за это. Дружки

слетались к нему, как на пир. Они были готовы без конца слушать его взволнованные речи и прекрасные стихи. И наоборот: в депрессии Рубцов всегда был одинок. И друзей возле него не было».

В конце декабря 1965 года Рубцов приезжает в Череповец. Встречается с сотрудниками редакции газеты «Коммунист», с заместителем редактора, зав. отделом В.В.Викуловым. Передаёт стихи для публикаций. Дружеские отношения у Николая Рубцова завязались с поэтом и гармонистом Виктором Коротаевым и его семьёй. По свидетельству поэта М.М.Ганичева, Николай Рубцов пел у Коротаевых песни на свои стихи. (17). Н.Рубцов общается с поэтами В.Мариновым, И.Полуниным, В.Козловым, М.Ганичевым, прозаиком В.Шарыповым и др. По сообщению Г.М.Березиной, новый 1966 год Николай Рубцов встречал у поэта Вячеслава Козлова (17, стр. 125). Редакция газеты «Коммунист» в № 1 от 1 января 1966 года печатает светлое стихотворение «Новогодний мороз» (первый вариант стихотворения «Январское» – прим. автора)

Мороз под звёздочками светлыми
По лугу белому, по лесу ли
Идёт, поигрывая ветками,
Снежком поскрипывая весело.
И всё под ёлками похаживает,
И всё за ёлками ухаживает, –
Снежком атласным принаряживает
И в новогодний путь проваживает.

8 января 1966 года стихотворения «Хлеб» и «Доволен я буквально всем...» напечатаны на «Литературной странице» газеты «Коммунист». Неоднократно Рубцов в стихах приводит мнение собеседника (невыдуманное), как народную мудрость, которую не всякий понимает и принимает. Из стихотворения «Хлеб»:

Хлеб не взял.
– Ведь это же мученье
Волочиться с ним такую даль! –
Всё же бабка
сунула краюху!

Всё на свете зная наперёд,
Так сказала: – Слушайся старуху!
Хлеб, родимый, сам себя несёт...

22 января 1966 года газета «Коммунист» печатает стихотворение «Он поднял флаг над сельсоветом...» (17).

В начале января 1966 года Рубцов приезжает в Бабаево, которое находится рядом с Череповцом. Вместе с сотрудниками газеты «Ленинский путь» ездил в село Борисово, панорама которого на реке Суда произвела на поэта неизгладимое впечатление. Рубцов присутствовал на заседании литературного объединения при газете, читал стихи о родной деревне, «в этой деревне огни не погашены...». Руководил литобъединением Валерий Аншуков. Участница встречи Н.А.Смирнова пишет о Рубцове: «Сидел он от меня слева наискосок. Скромн, незаметен, похож на подростка, одет во что-то тёмное. Голос тихий, проникновенный, читал нам свои стихи. Стихи были замечательные, что-то про деревню. Помню, что после того, как он закончил читать, долго стояла тишина... Меня поражала скромность, незащищённость поэта. Он старался быть незаметным, не выпячивая своё «я». Старался слиться с окружающими людьми». Документальную повесть «Бабаевские весны Николая Рубцова» написал редактор газеты Валентин Иванович Лукошников, откуда взяты вышеприведённые сведения о приездах Рубцова в Бабаево (45).

15 января 1966 года в бабаевской газете «Ленинский путь» напечатаны стихи Рубцова «Родная деревня», «Хозяйка», «Таковы на Руси леса», «В родных местах», «Отправляясь в дорогу» (45).

В январе 1966 года Рубцов работает в газете «Вологодский комсомолец» в качестве внештатного корреспондента. Это позволяет ездить в творческие командировки по Вологодчине.

Н.Старичкова сообщает, что в январе 1966 г. случайно встретила в Вологде с поэтессой Ниной Груздевой и узнала, что около месяца Рубцов жил в её доме. 9 июня 2002 года при беседе Груздева сообщила, что снимала в течение 18 лет комнаты в Вологде и однажды, когда она уехала на сессию в Москву, Рубцов жил у её хозяйки.

1 февраля 1966 г. газета «Сокольская правда» печатает настигающую душу песню встречи и расставаний «Нагрянули».

Не было гостей – и вот нагрянули.
Не было вестей – так получай!
И опять под ивами багряными
Расходился праздник невзначай.

Ты прости нас, полюшко усталое,
Ты прости, как братьев и сестёр:
Может, мы за всё своё бывалое
Разожгли последний наш костёр.

2 февраля 1966 г. в газете «Вологодский комсомолец» выходит статья Рубцова «Подснежники Ольги Фокиной», где поэт даёт высокую оценку творчеству вологодской поэтессы:

«Ольга Фокина заинтересовала меня при первой же встрече. Хотя её стихи мне не были известны. Сдержанная и даже строгая в разговоре, она тотчас же оживилась и затихла, когда из репродуктора послышались удивительные мелодии русских народных песен.

– Жить без них не могу, – грустно сказала она, когда пение прекратилось...

В лучших стихах Фокиной, в смысле содержания выражается не простое, а сложное чувство, т.е. радость и боль, нежность и огорчение представляют собой в том или ином стихотворении лишь оттенки одного сложного чувства...

Вообще надо сказать, что плодотворный путь поэзии один: через личное к общему, т.е. путь через личные, глубоко индивидуальные переживания, настроения, раздумья.

...Переживания должны быть действительно глубокими, настроения действительно яркими. Только на этой почве произрастают цветы поэзии. К сожалению, они, как подснежники, ещё бывают занесены холодным снегом декларативности, рационализма, юродства разной масти. И надо, видимо, хорошо разобраться в сложнейших явлениях литературы, чтобы не потерять, как говорится голову. Ольге Фокиной это, кажется, не грозит».

В начале февраля 1966 г. Рубцов едет в Москву для решения вопроса о публикации сборника «Звезда полей». Напомним, что поэт нарушил срок сдачи рукописи 30 ноября 1965 года. Поэтому

он не попал в план выпуска на 1966 год. Нет худа без добра. Представленный вариант от 5 апреля 1965 года был скромным по объёму и ещё «сырой» по качеству материала. За 1965 год поэт написал много новых принципиальных произведений, среди них «Осенние этюды». Примерно с 10 по 19 февраля 1966 года Рубцов жил на московской квартире А.Я.Яшина. Конечно, Рубцов не соблюдал режим по времени и абсолютной трезвости в условиях встреч с литературными друзьями. Возникла размолвка и поэт покинул семью А.Яшина.

После 19 февраля Рубцов возвращается в Никольское и пишет оттуда А.Романову (письмо датировано началом 1966 г., 12):

«Добрый день, Саша!

Получил ты или нет моё первое письмо, которое я написал ещё до Нового года, – я не знаю.

Живу по-прежнему.

Саша, будут или не будут мои стихи в «Красном Севере»? Забыли о них, может быть? Если же не забыли и отменили опять их публикацию, то сообщи, пожалуйста, об этом. Чтоб я не надеялся.

Нет ли какой-нибудь работы для меня в Вологде? Здесь её нет. Чувствую себя изгнанником.

Спасибо за рецензию на подборку тех моих стихов. Я эту рецензию получил.

Привет В.Белову.

Пока всё. Прошу только, Саша, пошлите, пожалуйста, мне сюда пару слов о том, о сём.

Желаю тебе и Тасе и всей семье всего самого наилучшего.

С искренним приветом
Н.Рубцов
Тотемский р-н, с. Никольское»

Николай Рубцов постоянно подготавливает для публикации стихи. Журнал «Юность» принял «А между прочим осень на дворе...», а «Знамя» «Окошко. Стол. Половики...» и «Грани»

В марте 1966 года Рубцов хотел в очередной раз попытаться восстановиться на дневном отделении литинститута.

18 марта 1966 г. он пишет:

*Ректору Литературного института им. Горького
от студента 4-го курса заочного отделения Рубцова Н.*

Заявление

Прошу восстановить меня на дневном отделении института. Я перевёлся по личному заявлению с дневного на заочное отделение сроком на один год летом 1964, т.к. хотел побыть ближе к обстановке современной деревни: это было необходимо для написания книги.

За это время я опубликовал книгу стихов о деревне «Лирика» (г. Архангельск, 1965 г.) и подготовил книжку «Звезда полей», которая уже одобрена издательством «Советский писатель». А также опубликовал циклы стихов в журналах «Молодая гвардия», «Октябрь», «Юность» и др.

Но поскольку по месту жительства (с. Никольское Вологодской обл.) я испытываю большие затруднения в подготовке к занятиям и повышении своего культурного уровня (ближайшая районная библиотека расположена за 100 км от деревни), я хотел бы завершить своё образование на дневном отделении.

Прошу в просьбе не отказать.

18.03.66 г.»

Николай Рубцов так и не направил это заявление ректору института (оно осталось как документ в архиве поэта).

Читаешь письма, обращения, заявления Рубцова в период с июня 1964г. по апрель 1966г. и начинаешь понимать, какая психологическая и физическая нагрузка наваливалась на поэта. Да и какой человек смог бы всё это выдержать в условиях бездомного практически существования?

В этой связи хотелось бы рассмотреть проблему навязываемого общественному мнению образа поэта как хронического пьяницы, дебошира и полубомжа. Надо разоблачать авторов этой диверсии. И объяснять деликатную алкогольную проблему с бытовой и исторической позиций.

Во-первых, водка и вино (алкоголь) в России, как в стране с суровым климатом и частым попаданием человека в простудные ситуации являлся и будет являться лекарством.

Во-вторых, в России вино и водка зачастую служат для снятия стресса от наглости и высокомерия, с которыми сталкиваются простые люди при неизбежных деловых контактах с карьеристами и демагогами из администраций разного уровня.

В-третьих, в России, особенно в русской сельской местности, за застольем в домах и на природе решается 95% жизненных (бытовых) проблем, начиная от строительных и аграрных проблем и кончая вопросами устройства на работу и семейной жизни.

В-четвёртых, алкаши никогда не создавали произведений высокого уровня. А творчество Н.М.Рубцова уже признано национальным.

В-пятых, А судьи кто? Как говорил великий Крылов: «Не лучше ли кума, да на себя оборотиться!»

Как отмечалось, студенты в общежитии Литературного института в 60-е годы 20-го века, были далеко не ангелы, по моральному облику и поведению мало соответствовали нормам «кодекса строителя коммунизма». Н.Рубцов отразил «творческую обстановку» литературных застолий в стихотворении «Пусть поют поэты», которое было опубликовано в газете «Вологодский комсомолец» 30 июля 1963 г. (12). .

О чём шумят
Друзья мои, поэты,
В неугомонном доме допоздна?
Я слышу спор.
И вижу силуэты
На смутном фоне позднего окна.
Уже их мысли
Силой налились!
С чего начнут?
Какое слово скажут?
Они кричат,
Они руками машут,
Они как будто только родились! -

Бытовую атмосферу застолий Рубцов отразил в шуточном стихотворении «Необходим» (дата создания неизвестна)

В укромной комнате своей,
Не допуская пьяных оргий,
Среди гуляющих гостей
Сидел я, маленький и зоркий.

Сидел я трезвый, как дитя...
Отвеселились забияки
И удивлялись, уходя,
Что эта ночь прошла без драки.

Во всех компаниях, друзья,
Когда пируете до зорьки,
Необходим, конечно, я
Спокойный, маленький и зоркий...

Известен неординарный эпатажный поступок Рубцова, когда он снял со стен общежития портреты классиков русской литературы Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, расставил их в комнате, перед каждым расположил по рюмке с вином и славил классиков тостами. Эта «драма» была остановлена комендантом общежития. Сцена представлена в авторской пьесе «Николай Рубцов» (32)

А Николай Рубцов отразил ситуацию в стихах:

Ах, город село таранит!
Ах, что-то пойдёт на слом!
Меня всё терзают грани
Меж городом и селом.

В апреле-начале мая 1966 года Рубцов живёт в общежитии литинститута, сдаёт курсовые работы во время весенней сессии. В это время поэт часто бывал среди первокурсников института. В разговоре с Б.Шишаевым и В.Нечунаевым Николай Рубцов сказал: «Уехать бы куда-нибудь...Туда, где не был никогда. Надоело всё...».

Видно было друзьям, что Николай устал. Было предложение Рубцову поехать на Рязанщину, на родину Бориса Шишаева. Но поэт отказался, так как не хотел стеснять родственников Шишаева. А затем Василий Нечунаев предложил Рубцову поехать на Алтай. После некоторого раздумья поэт захотел взглянуть на сибирские просторы. И сразу же начались приготовления к поездке. В журнале «Октябрь» Николаю Рубцову дали командировку (как обычно только на месяц по законодательству) и в начале мая 1966 года поэт направился поездом в Барнаул.

Глава 8. Рубцов на Алтае. «Прекрасно небо голубое!»

(май 1966 г. ...июль-август 1966 г.)

Поездка в Сибирь. Катунь, Обь, Алтай. Восточная Скифия. Размышления об Истории – философские стихи «Шумит Катунь», «Старая дорога», «В минуты музыки».

Итак, Николай Рубцов в начале мая 1966 г. едет в Сибирь. Поэт проезжает бескрайние просторы России, от Москвы до Барнаула, поезд пересекает расцветающие леса, поля и сады Подмосковья и Приуралья, Уральские горы, низменности Западной Сибири, широкие и величественные сибирские реки и, наконец, прибывает на Алтай – на земли Восточной Скифии.

В Барнауле его принимает Матрёна Марковна Ершова, сестра Василия Нечунаева. Рубцов сразу подружился с Раей и Вовой, детьми Матрёны Марковны. Переночевал и на следующий день нашёл поэта Станислава Вторушина и затем в микрорайоне Барнаула Ближние Черёмушки они встретились с поэтом Леонидом Мерзликиным. Просидели всю ночь за стихами, творческими планами и разговорами о литинституте.

Николай Рубцов подготовил подборку стихов «Родная деревня», «В дорогу», «Мачты», которые 21 мая 1966 г. опубликовала газета «Алтайская правда». Это был дополнительный заработок для поэта.

Вот некоторая информация о пребывании Рубцова на Алтае и о беседах с алтайскими поэтами (12):

«За разговорами Николай признался, что очень устал, нервы шалют, и сказал, что хотел бы отдохнуть где-нибудь на природе, посмотреть горный Алтай. Долго перебирали в памяти разные места – решали, где ему будет лучше – и, наконец, остановились на Красногорском – райцентре, расположенном в предгорьях. Туда вскоре и проводили Рубцова.

В Красногорском Николая встретил – и тоже очень радушно – поэт Геннадий Володин, у которого Рубцов и обосновался на длительный срок... Вместе с Геннадием Володиным и его друзьями Рубцов часто ловил рыбу, купался и загорал, а потом путешествовал по горному Алтаю. Побывал на реках Катунь и Бие, которые сливаясь, образуют Обь, ездил в Горно-Алтайск».

В то время Г.Володин работал ответственным секретарём красногорской районной газеты «Восход». Он вспоминает (12):

«Узнав, что в районе есть село Никольское, Рубцов предложил однажды: – Давай съездим туда. Родным пахнуло от одного названия. Ведь я вырос в Николе.

...С горы открылось Никольское. Жалкое тогда село. Дома – развалюхи, скотные дворы, пекарня. Всё неухоженное, сиротское. Мы спешились. Грустными глазами Рубцов смотрел вниз и долго молчал.

...На склоне холма паслись на клубничнике журавли. Вокруг висела горная голубынь. День был безветренный и немного душный.

– Послушай, – крикнул Рубцов обрадованно, – а ведь строки-то ничего!

– Какие?

– Вот эти: «Прекрасно небо голубое...»

С неделю Рубцов смаковал эти строки. Читал их мне, и жене, и сотрудникам редакции».

Уже 29 мая 1966 года газета «Восход» печатает стихи «Прекрасно небо голубое», где поэт радостно и грустно заявляет:

Прекрасно небо голубое!

Прекрасен поезд голубой!

– Какое место вам? – Любое.

Любое место, край любой.

.....

И без мечты, без потрясений

Среди одних и тех же стен

Я жил в предчувствии осеннем

Уже не лучших перемен.

– Прости, – сказал родному краю, –

За мой отъезд, за паровоз.

Я несерьёзно. Я играю.

Поговорим ещё всерьёз.

Посмотрите! Происходит частный разговор с проводницей поезда, когда она, видимо, спрашивает у Николая Рубцова, какое у

него место в вагоне. А Николай Рубцов переосмысливает этот вопрос и даёт ответ, что он рад любому месту, любому краю в России. И опять очередное предчувствие-предупреждение Рубцова, что ожидаются не лучшие перемены в жизни. Все, как бы, частные переживания поэта переливаются в стихи, где он ищет ответ на предлагаемые ему Временем вопросы.

Рубцов всё глубже понимает происходящее в окружающем мире, в частности, связанное с его судьбой и судьбами Родины. Поэту всё чаще приходится говорить эзоповским языком. Вот ещё фрагмент из стихотворения «Я люблю судьбу свою! Я бегу от помыслов!..»:

Сколько было здесь чудес,
На земле святой и древней,
Помнит только тёмный лес!
Он сегодня что-то дремлет.

Г.Володин вспоминает, что Рубцову не нравились виды местности села Красногорского. И однажды Г.Володин повёз Рубцова за город к небольшой горной речке. И вот когда друзья вышли из машины, то увидели (это было последнее воскресенье мая) на пригорках море красных цветов, которые качались под ветром. Рубцову очень понравился этот вид. О рыбалке было забыто и друзья провели весь день на природе (46).

В душе и голове Рубцова шла непрерывная работа над стихами. «Большое видится на расстоянии...», – сказал ещё С.Есенин. И вдаль от Николы, Тотьмы, Вологды, Москвы и Ленинграда Николай Рубцов лучше видит родные места и себя. Также 29 мая 1966 года опубликовано стихотворение «В горной долине», где Рубцов опять выступает как мастер пейзажа и исповедального автопортрета:

Тюльпаны, тюльпаны, тюльпаны...
Не здесь ли разбойник морской
Мечтал залечить свои раны,
Измученный парусом рваным,
Разбоем своим и тоской?

.....

Забыл я, что я на чужбине,
В душе тишина и покой...
И только, когда вспоминаю
Тот край, где родился и рос,
Желаю я этому краю,
Чтоб было побольше берёз...

Г.Володин пишет о поездке с Рубцовым на реку Бия (46):

«Бия тоже поразила Рубцова своим многоводьем, напором и неудержимостью. Правда, здесь после коренной воды берега были не совсем уютны. Тут и там валялись брёвна, выворотни и клоки сена висели на прибрежных кустах, словно оставленные рекой для просушки. И Коля ходил, смотрел на это и говорил:

– Это по-нашему. У нас на Сухоне после полой воды всегда вот такая же картина. Только Сухона поспокойнее этой торопыги.

А когда поймали трёхкилограммового тайменя, Рубцов сначала исполнил танец удачливого рыбака. Но при этом заметил:

– Нет, жерех лучше. И клюёт иначе, я бы сказал интереснее.

По Рубцову выходило, что на Вологодчине всё лучше, чем у нас: и рыба, и река, и местность» (46).

А Рубцов рисует картину «Весна на берегу Бии» со всеми деталями (трактора, жеребят, гуси, лошади, шар золотой, куры, свиньи, коровы, грачи, горький пьяница, грозный рёв быков). Эта пёстрота окружающей жизни лечит душу поэта, он говорит случайным попутчиком:

А какие в окрестностях Бии –
Поглядеть – небеса голубые!

.....
Говорю я и девушке милой:
– Не гляди на меня так уныло!
Мрак, метелица – всё это было
И прошло, – улыбнись же скорей!

Судя по автографу Рубцова от 31 мая 1966 г. на Алтае записана песня «В минуты музыки». Не оставляет поэта в покое память о «шуме порывистых берёз», «о гонимых журавлях», «о жёлтом плёсе, о любви», «о голосе близком», о родном селе.

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

.....
Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чём...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чём.

Г.Володин вспоминает о знакомстве Рубцова с Катунью (46):

«На неделе Коля поехал в Горно-Алтайск, И предупредил, что может задержаться там на два-три дня. Но через ночь вернулся. Какой-то задумчивый и серьёзный.

– Обидел кто-нибудь? – спросил я.

– Да нет. – Он перевёл разговор на другое. – У Катунь был. Это, конечно, река!...А мощь какая! Удивляюсь, как паром возле Суртайки не срывает. Ведь такое может быть?

– Запросто, – сказал я и стал рассказывать ему о Белом боме и других скалах, сплетая в одно были и небылицы. А Коля слушал внимательно и серьёзно. Именно тогда он пробовал строки из будущего стихотворения «Шумит Катунь»...

В.Чичинов пишет, о том, что Рубцов жил несколько дней в Шебелинском районе, село Эликманар. Там он «беседовал» с бурной рекой Катунью, слушал и услышал сказания от этой древней реки, у которой жили наши предки – скифы (11).

В начале июня (период сдачи экзаменов в Москве, в институте) Рубцов пишет В.Нечунаеву и Б.Шишаеву о том, что доехал благополучно, встретился с Матрёной Марковной, на другой день виделся с Вторушиным и Мерзликиным, через два дня был уже в Бийске и через несколько часов в Красногорском (12,47).

28 июня Рубцов пишет кратко А.Романову о своей жизни на Алтае, об июньских публикациях в «Знамени» и «Юности», передаёт приветы С.Есенину (так Рубцов величал Сергея Чухина), В.Белову, Б.Чулкову, Л.Фролову, В.Аринину, С.Багрову.

2 июля 1966 г. пишет из Красногорского Ф.Кузнецову (48):

«Встретили меня хорошо. Человек, у которого я живу, поэт моего возраста... И стихи пишет, в общем живые, но нередко

увлекается внешней стороной стиха...Увлечение внешней стороной у него не «вознесенского», а примерно «цыбинского» характера, даже «поперечного». Это я говорю о его лучших стихах, в общем-то, всё-таки живых, но лишённых дыхания стихах.

Кстати, не подумай, что для меня интересен Поперечный. Я не люблю таких, которые «Я танки брал, я кровь свою мешками проливал, вся грудь моя...» и т.д.

Он – говорю опять о моём гостеприимном хозяине – быстрее воспринимает стихи, так сказать, не совсем серьёзные, не глубокие по мысли и чувству, идущие не от всесторонней могучей поэтической натуры, а от натуры, в которой главное достоинство – темперамент, что ли. Внутренне (а это сказывается и в его собственных стихах) он близок и к более тонкой поэзии, но говорит о ней редко и нехотя».

Рубцов благодарит Ф.Кузнецова за поддержку в связи с публикацией стихов в «Юности» и сообщает, что хочет остаться на всё лето на Алтае, переехать в августе в другое село и просит командировочное удостоверение

Несколько недель прожил Рубцов у Г.Володина, а затем вернулся в Барнаул. Вспоминает Б.Шишаев (12):

«Вскоре, «свалив» в литинституте сессию приехал Василий Нечунаев, и они везде стали бывать вместе. Импровизированные поэтические вечера с участием Рубцова «вспыхивали» то в квартире Леонида Мерзликина, то у поэта Владимира Сергеева, который жил в том же подъезде, что и Мерзликин, то приглашали к себе в гости Станислав Вторушин или собственный корреспондент «Известий» по Алтайскому краю Зоя Александрова. Дополняли этот круг поэты Николай Черкасов, Геннадий Панов, Владимир Казаков и Валерий Крючков...

Где бы ни появлялся Рубцов, всюду бывал он окружён трогательным вниманием и настоящей дружеской заботой. Стихи его, чуждые формализму, трогали сердца своей волнующей простотой, удивляли глубинной прозрачностью мысли. Некоторых молодых поэтов, склонных к излишним поэтическим выкрутасам, рубцовская лира заставила призадуматься над собственным творчеством, заняться переоценкой мнимых ценностей.

Рубцов же, в свою очередь, был приятно удивлён тем, что в Барнауле знают и читают наизусть многие его стихи, а некоторые

из них – те, которые сам любил петь (например, «В горнице», «Элегию») – поют под гитару...» (12)

В. Нечунаев предложил Рубцову поехать в гости к своему отцу в село Кислуху. Ехали по Оби на теплоходе и Рубцов внимательно изучал местность. В Кислухе слушал говор жителей села, сравнивал с вологодским. Бродили по окрестностям, ходили за грибами, занимались ловлей рыбы на сетку с шестом, что в те времена считалось законным видом ловли. Рыбы было очень много.

«Однажды сидели у ворот нечунаевского дома, и Рубцов, увидев тележное колесо, по самую ступицу застрявшее в прибрежной грязи протекающей напротив речки Кислушки, спросил, почему оно оказалось там. Василий объяснил, что старые колёса употребляются у них как подставки для плотиков, с которых берут воду и полощут бельё. Спадает вода – и плотик легко можно переставить на другое место – поглубже» (12). Рубцову это простое решение понравилось. Позднее та картина была нарисована в стихотворении «В сибирской деревне».

Случайный гость,
Я здесь ищу жилище
И вот пою
Про уголок Руси,
Где жёлтый куст
И лодка кверху днищем,
И колесо,
Забывшее в грязи.

В июле из Красногорского Рубцов пишет в редакцию журнала «Юность»: «Странно, что в первом стихотворении, в первой строфе пропущена целая строчка («оцепенели маленькие ели»). Это сразу сбивает с толку. Это, наверное, случайно».

О пребывании Рубцова на Алтае вспоминает В. Чичинов (47):

«Он неделю у меня гостил. Ходили по горам, Николай был в восторге от озера Ая. Он так долго не хотел оттуда уезжать, что опоздали на последний автобус. Мы шли пешком в лунную ночь и в два голоса читали лермонтовское «Выхожу один я на дорогу...» Тут нас подобрала попутная машина, в которой ехал поэт Игорь Пантюхов...»

Судя по адресам писем с Алтая Рубцов по меньшей мере дважды и продолжительно жил у Г.Володина, учитывая, что он возвращался в Барнаул, ездил в Кислуху с В.Нечунаевым, приезжал к поэту Б.Укачину в Горно-Алтайск, жил несколько дней у В.Чичинова.

Как свидетельствует В.Чичинов, на Алтае было написано стихотворение «Зачем?» На обрезке алтайского плаката с процентами выполнения плана на 20 июля 1966 г. имеется автограф поэта (В.Зинченко, 12).

В 20-х числах июля Рубцов возвращается в Красногорское, о чём свидетельствует письмо из этого села от 22 июля 1966 года в адрес Л.А.Мелкова.

А вот что сообщает Игорь Пантюхов о случайной встрече с поэтом на Алтае (49):

«Я был тогда здесь в командировке от журнала «Смена», чтобы делать материал о фестивале советско-монгольской дружбы, что проходил в Манжероке. И вот мы едем туда с тогдашним редактором «Молодёжи Алтая» Юрием Майоровым. Увидели, что впереди нас по Чуйскому тракту идут два человека – один повыше, другой пониже ростом, оба босые. Когда мы с ними поравнялись, я увидел, что тот, который пониже, – Коля Рубцов! Я был потрясён! Мы же с ним совсем недавно в Москве встречались! Что его занесло вдруг к монгольской границе?! Мы остановились, ребят взяли в машину. Помню, в те же минуты Коля прочитал мне первые строчки стихотворения «Старая дорога» – оно рождалось именно на Чуйском тракте. Я запомнил две строки: «...Здесь первый человек произошёл, / И больше ничего не происходит».

В стихотворении «Старая дорога» Рубцов проник глубоко в связь времён и народов:

Всё облака над ней,

всё облака...

В пыли веков мгновенны и незримы,

Идут по ней, как прежде пилигримы,

И машет им прощальная рука.

.....

И в тень зовут росистые леса...

Как царь любил богатые чертоги,

Так полюбил я древние дороги

И голубые вечности глаза!

То по холмам, как три богатыря,

Ещё порой проскачут верховые,

И снова – глушь, забывчивость, заря,

Всё пыль, всё пыль, да знаки верстовые...

Здесь каждый славен –

мёртвый и живой!

И оттого, в любви своей не каюсь,

Душа звенит, как лист, перекликаясь

Со всей звенящей солнечной листвою.

Перекликаясь с теми, кто прошёл,

Перекликаясь с теми, кто проходит...

Здесь русский дух в веках произошёл,

И ничего на ней не происходит.

Просто поражает умение Рубцова увидеть в обыденной картине-дороге философскую суть бытия.

Стихи Рубцова «Весна на берегу Бии», «Прекрасно небо голубое», «Старая дорога», «В минуты музыки», были введены во второй вариант сборника «Звезда полей» и украсили его.

В письме от 22 июля 1966 года из села Красногорского в адрес Л.Мелкова Рубцов сообщил (12): «Только письмо нужно слать сюда авиапочтой...Если решишь написать, то не задерживайся: письмо может не застать меня...». Вероятно, Н.Рубцов ещё несколько дней был в Красногорском, затем поехал в Барнаул и потом до Москвы и Вологды. Таким образом, логически рассуждая, Рубцов мог прибыть в Вологду в начале августа или в конце июля, если сразу после письма уехал из Красногорского.

Деньги кончаются, на одни гонорары на Алтае не проживёшь. Новой командировки не видно. Начинают утомлять и поэтические застолья. В жизненном плане выручают литературные друзья, содействуя публикациям. Стихи «Старая дорога», «Уединившись за оконцем...», «Ось жизни» напечатала 30 августа 1966 года «Алтайская правда», а подборку «В горной долине», «Цветы», «Доволен я буквально всем...», «Улетели листья с тополей...» опубликовала в сентябре 1966 года «Молодёжь Алтая», Барнаул.

Глава 9. «Звезда полей» - луч Света в русской поэзии.

«И счастлив я, пока на свете белом...»

(август 1966г...июнь 1969 г.)

По Вологодчине, по Московии, по издательствам. «Звезда полей» – луч Света в русской поэзии 20-го века. Жилищная проблема решена. А семейно-бытовая?

Николай Рубцов в августе 1966 года возвращается в Москву.

В журнале «Сельская молодежь», № 8, 1966 опубликованы стихи Рубцова «Приезд Тютчева» и «Жар-птица». Одно дело, когда твои стихи публикуют в областной печати, в «Вологодском комсомольце» (10 октября 1965 г.), а – другое когда во всесоюзном журнале. Рубцов продолжает в «Жар-птице» (как и раньше) неторопливо размышлять о сельской жизни, об ушедших временах, о том, а что на горизонте. Как бытовая исповедь перед читателем, звучат признания поэта о непредсказуемых путях-дорогах.

А дальше за лесом – большая деревня,
Вороны на ёлках, старухи в домах,
Деревни, деревни вдали на холмах,
Меж ними село
с колокольнею древней...

В деревне виднее природа и люди.
Конечно, за всех говорить не берусь!
Виднее над полем при звёздном салюте,
На чём поднималась великая Русь.

.....
Мотало меня и на сейнере в трюме,
И так, на пирушках, во дни торжества,
И долго на ветках дорожных раздумий,
Как плод, созревала моя голова.

Не раз ко дворцу, где сиял карнавал,
Я ветренным франтом в машине катился,
Ну, словом, как Бог, я везде побывал
И всё же, и всё же домой воротился...

Далее следует вопрос прохожего и диалог со стариком-пастухом:

– Так что же нам делать, узнать интересно...

– А ты, – говорит, – полюби и жалея,

И помни хотя бы родную окрестность,

Вот этот десяток холмов и полей...

– Ну ладно! Я рыжиков вам принесу...

Своеобразный поворот делает Рубцов в этом диалоге. Он не даёт прямого комментария к философии пастуха, благодарность за Совет по жизни проявляется дежурным «Ну ладно!» и обещанием принести подарок в виде рыжиков из леса.

Опять, как в беседах с хозяйкой избы в «Русском огоньке», с кочегаром (вручившим матросу лопату, как награду), со старухой о хлебе (который сам себя несёт), с бригадиром в Сибири (о гибели радужного мира от чьей-то руки), проявляется высшая народная мудрость – народная философия случайных собеседников. Недаром русский литературный критик М.П.Лобанов в статье «Слово и дело» писал: «Становится понятным, почему Л.Толстой так ценил Монтеня, когда читаешь в тех же «Опытах»: **«Нравы и рассуждения крестьян я нахожу обычно более соответствующими наставлениям подлинной философии, чем нравы и рассуждения наших философов».**

О совместной поездке с поэтессой Н.Груздовой в Москву в конце лета 1966 г. пишет Н.Старичкова (44):

«Москва. Улица Добролюбова, 9/11. Общежитие института. Помню сердитую дежурную, которая бросила мой паспорт в ящик стола. Нина завела меня в комнату...

Комната просторная, но неудобная. Стойкий табачный запах. Железные, похожие на арестантские кровати. Окно с мутными стёклами двойных рам на одну треть заполнена пачками из-под сигарет.

Группа молодых людей о чём-то спорит между собой.

«Куда я попала?»

И тут как ветром распахивается дверь, не входит, а влетает Рубцов в расстёгнутом пальто и вскинутыми вверх руками. С возгласами бросаются к нему студенты, хватают в свои объятия.

Рубцов смеётся и тоже с жестами, как обычно, читает стихи, объясняет, что за ним была погоня...

Вскоре пришла Нина, но не одна, а с Сергеем Чухиным. Он поздоровался со мной. Мы знали друг друга по литературным семинарам. Это был юноша с добрым сердцем и открытой душой. Один из близких друзей Рубцова. Погиб Чухин тоже трагически в самом расцвете поэтического таланта. А тогда, тёмным осенним вечером, он был в Москве моим ангелом-хранителем».

Как пишет Н.Старичкова, Рубцов в этот вечер пел под гитару «Прощальную песню». И сказал, что поедет в Ленинград.

Вспоминает Василий Макеев (50):

«В 1966 году соплезвонистым хуторским казачком сразу после одиннадцатилетки, на удивление всей родне, я поступил в литературный институт. Познания мои в поэзии были чертополошны и беспорядочны: я довольно хорошо знал Блока и Есенина, взахлёб упивался только что открытыми Пастернаком и Цветаевой, в то же время бережно хранил вырванные из «Юности» подборки стихов Евтушенко с Вознесенским и с удовольствием читал расхожие книжки какого-нибудь Волгина или Гредева. Хотя внутри уже шелохнулось некое слабое подозрение в шарлатанстве тогдашних поэтических кумиров, но честно признаться в этом я не смел даже самому себе.

По давней традиции первокурсники литинститута в начале учебного года проводят поэтический вечер, показывая преподавателям и старшим товарищам товар лицом. На вечере я продишканил нечто распевно-казачье с густым самогонным духманом,...а потому неожиданно сорвал толику аплодисментов от скептических слушателей. И тут бесшумно и властно меня взял под локоть кудрявый, грубовато-красивый парень (это был Саша Петров, поэт с Урала, его уже нет с нами), сказал торжественно: «Пойдём! Тебя зовёт Коля!» – и потянул к выходу. Никакого Колю я не знал ни во сне, ни вживе, но почему-то понял – идти надо...

...Мужичок (Рубцов) ещё некоторое время почти с ненавистью вглядывался в меня, а потом вдруг заморгал часто-часто и почти закричал: «У тебя нет России! Есенин пел про Русь уходящую, я пою про Русь ушедшую, а у тебя никакой нет!»...

В тот же вечер я услышал стихи Рубцова, многие из которых он исполнял своим особенным речитативом под гитару. И пел, и

просто читал он очень ясно и отчётливо, неуловимо подчёркивая музыку каждого слова, в такт помахивая от груди вверх маленькой крепкой рукой...

Мой сосед по комнате снимал квартиру в городе, и Николай часто ночевал у меня на свободной койке, половые матрасы ему изрядно поднадоели, хотя в быту он вёл себя более чем непритязательно».

В сентябре 1966 года из общежития Николай едет к брату в Невскую Дубровку под Ленинград и живёт там почти два месяца. Рубцов готовит уточнённую подборку стихотворений для своей книжки «Звезда полей». В письме в издательство «Советский писатель» предлагает заменить «Отправляясь в дорогу» и «Доволен я буквально всем!», включить «Ветер всхлипывал, словно дитя». Посылает «Зимним вечерком», предлагает добавить «Весна на берегу Би», в вёрстку стихотворения «Звезда полей» вносит новое четверостишие (11). Уезжает из Невской Дубровки и Ленинграда. А куда въезжать? Общежитие в Москве для него открыто только на период сдачи сессий. В чужих углах долго не проживёшь. Рубцов едет в Вологду.

В состоянии человека, плывущего по течению, увидел Рубцова в Вологде журналист Александр Рачков, сам – гармонист и тоже бывший моряк. Ехал А.Рачков с журналистом Александром Анфимовым на редакционной машине для покупки подарка Гурию Ивановичу Прусакову, редактору газеты «Сокольская правда». Интересны для понимания характера и музыкальности Рубцова эта случайная встреча за два дня до 7 ноября 1966 г. в городе, уже празднично разукрашенном. Об ответе поэта на вопрос о том, куда же он направляется, А.Рачков сообщает(11):

« – Иду-плыву навстречу людям. Хочу заразиться их здоровьем и жизнерадостностью, – без улыбки ответил Николай и пытливо сощурился на нас».

И Рачков пригласил Рубцова на новоселье Г.И.Прусакова. По предложению Рубцова в качестве подарка была куплена гитара и по ходу поездки Николай Рубцов настроил гитару. Вот что пишет А.Рачков о том, что запомнилось на новоселье у Прусакова (11):

«..Рубцов не играл на гитаре в общепринятом понимании, не аккомпанировал даже – он пел свои стихи с гитарой дуэтом. Струны звенели, ревели, дребезжали, вздрагивали и затихали в

унисон движениям и голосу певца. Душа и пальцы работали в удивительном согласии...Иногда казалось, что он никого вокруг себя не замечает, настолько отрешённый вдруг становился взгляд, устремлённый в ему одному видимую даль».

Об игре Рубцова на гармонии А.Рачков сообщает (11):

«В этот миг, кроме нас, никого нет: он играет – я пляшу. Глаза в глаза. Потом Николай, как по команде, поворачивает голову влево (так некоторым гармонистам легче играть), и я увидел на шее вздувшуюся от напряжения вену. По душе, как кнутом, стегнуло: человек из всех сил выкладывается, а я дурацкой ревностью мучаюсь. Подобрал дробь под не совсем чёткий перебор и спел частушку. Чувствую, музыка легла ровно, и меня, как на плавной качели, без рывков и ускорений повела рубцовская мелодия дальше – от частушки к частушке».

А затем гармонь взял А.Рачков. Вот его воспоминания: «Никогда мне Рубцову играть плясовую не приходилось, но чувство подсказывало, что частые переборы тут не подойдут. Я заиграл «Барыню». И под плавный выход вывел Николая на середину пола. И не ошибся. Он больше дирижировал руками, вскидывая их вверх, чем перебирал ногами. А при каждом присоединении всхохатывал, словно окунался в холодную воду. Потом он остановился против меня, и, покачиваясь из стороны в сторону, спел частушку, услышанную от меня...».

В ноябре-декабре 1966 г. Рубцов готовит курсовые работы для сдачи зимней сессии. Поэт занят работой с редакциями, коррективкой «сибирских» и других стихов. С января 1967 г. Рубцов часто бывает в редакции «Вологодского комсомольца», как пишет С.Чухин, который перешёл на заочное отделение литинститута и начал работать в этой газете (11). Ночует Рубцов, где придётся. Денег хватает только на прожиточный минимум.

Вспоминает Анатолий Четин (11):

«Кто издавался, тот знает, как много хлопот и забот на пути печатания любого труда. И именно на одном из таких «зигзагов» Коля пришёл ко мне с просьбой найти ему машинистку для срочной перепечатки рукописи (это было, вероятно, в декабре 1966 года, прим. автора).

– Через два дня нужно сдать в издательство, иначе «выпадет» из плана, – пояснил он.

Я понёс рукопись нашей студентке-заочнице, неподалёку работавшей в машбюро. Она согласилась напечатать быстро, зная полную неплатёжеспособность поэта и глубоко чтя и любя его стихи. Она буквально с благоговением перебирала каждую страничку, написанную его рукой.

Утром в назначенный день Коля пришёл ко мне на работу за рукописью. На лице его были печаль и озабоченность. Я указал глазами на аккуратно разложенные три экземпляра текста, лежащие на столе. Он тут же весь просиял, обрадовался. Застеснялся насчёт оплаты, но я сказал, что Зоя всё равно денег не возьмёт.. Он пообещал потом отблагодарить её...» Так вот помогали поэту вовремя сдать в издательство профессионально отпечатанную рукопись.

Николай Рубцов ответственно подошёл к отбору стихотворений сборника «Звезда полей». Задержка в сроках издания позволила углубить содержательность и эмоциональность отдельных стихов, в одной из строф задать философский вопрос Читателю и себе:

Я брожу... Я слышу пенье...
И в покуренной груди
Снова слышу я волнение:
Что же, что же впереди?

По свидетельству Н.Шантаренкова в издательстве «Искусство» в феврале 1967 года готовился репертуарный сборник «Стихи, стихи...»

Н.Шантаренков подметил то обстоятельство, что оба сборника: и «Звезда полей», и «Стихи, стихи...» в один и тот же день были подписаны к печати – 9 февраля 1967 г.». Значит, Рубцов в январе-феврале 1967 года был в Москве для работы с редакциями.

После сдачи рукописей Рубцов опять возвращается в Вологду. Как вспоминает Н.Старичкова, 8 марта 1967 года в Вологде Нина Груздева пригласила её к себе. В гостях был Рубцов и Чухин. Было чтение стихов. Груздева попросила Старичкову, чтобы Николай Рубцов переночевал в её семье. Утром Рубцов был погружён в чтение письма (как следует из смысла дальнейшего текста, письмо было от Г.М.Меньшиковой (44).

Весной 1967 года Николай Рубцов приезжает в Сергиев Посад, в

Православную столицу России. Обсуждает стихи участников городского литературного объединения. Имеется фотография встречи московских поэтов и Рубцова с местными литераторами. В начале апреля 1967 года Рубцов приезжает в Бабаево. По сообщению В.Лукошникова (45) поэт «в редакцию ворвался, как метеор, какой-то возбуждённый, радостный. Его как будто что-то распирало изнутри, готовое вот-вот вылиться наружу». В это время в Москве печатался тираж «Звезды полей», о чём знал поэт. Причём в сборник вошли такие исповедальные стихи, как «Осенние этюды», «Душа хранит», «Журавли», а также «сибирские» стихи «Старая дорога», «В горной долине», «Весна на берегу Бии», «В минуты музыки», «Прекрасно небо голубое...».

По воспоминаниям В.Лукошникова (45), Рубцов работал в редакции в течение двух недель непрерывно, иногда засыпая за столом. Очевидно, поэт брал стихи из памяти, перерабатывал их на ходу перед сдачей на публикации, что было присуще стилю его работы. 8 апреля 1967 г. в газете «Ленинский путь», №43 было впервые опубликовано стихотворение «Шумит Катунь» (первый вариант). 22 апреля 1967 г. газета публикует стихи «Ворона», «Медведь», «Море», «Высокий дуб. Глубокая вода» (45)

По воспоминаниям тележурналиста Леонида Беляева, 28 апреля 1967 года Рубцов в Череповце дарит ему «Звезду полей» (17). Вероятно, это был один из сигнальных экземпляров (прим. автора). У молодожёнов Беляевых Рубцов спал на раскладушке (17, стр. 130). Два раза Рубцов был у Беляева в Белозерске. Л.Беляев записывал поэта в Череповце на радиопередачи в альманахах «Северяне», но редакторы не пропускали в эфир: «уж больно много у него церквей и крестов в стихах» (17, стр. 132). В Череповце Рубцов передал для публикации в газету «Коммунист» подборку стихотворений. Гонорар поэту благодаря заместителю редактора В.В.Викулову был выплачен досрочно. 21 мая 1967 года на «Странице выходного дня» в рубрике любителям поэзии газета опубликовала «Ночь на родине», «Звезда полей», «Утро», «Сапоги мои...» и «Шумит Катунь» в первой редакции. Подборку готовила зав. отделом культуры газеты Р.С.Минина (17). «Русский огонёк» и «Осенние этюды» были отклонены редакторами (17). Р.С.Минина приводит вариант стихотворения «Русский огонёк», который ранее не публиковался.

Вспоминает Анатолий Чететин (11):

«И вот, когда пришли с экземплярами уже вышедшей книги ко мне домой и пока собирали на стол, он без просьбы и напоминания не забыл надписать Зое (машинистке - прим. автора) и мне, сердечнейшие и памятные, на всю жизнь, автографы.

Началось обычное экспромтное застолье... Когда наговорились и устали друг друга слушать, включили радиолу. Через какое-то время Коля вдруг спросил:

- У тебя есть «Дорога жизни»?
- Моцарт? Пламенная симфония?
- Да.
- Есть.
- Поставь, пожалуйста.
- С удовольствием.

Я действительно ставил эту пластинку с удовольствием. И потому, что помнил, как слушал Моцарта Коля на улице Герцена...

И вот, будто по мановению волшебной палочки, в квартире мощно зазвучал оркестр. Я слушал и время от времени наблюдал, как снова он весь ушёл туда, куда позвала – увела его поистине божественная музыка. Приятель Коли что-то пытался говорить, но он резким жестом прервал его и до самого конца дослушал творение Моцарта» (11).

Ещё одно свидетельство Анатолия Чететина:

«А 8 мая 1967 г. я записал в дневнике следующее: «Два дня назад встретил Колю Рубцова. Он надписал мне свою книгу». «Толе, Анатолию Чететину с вечной любовью. 6 мая 1967 г. Н.Рубцов».

15 мая 1967 г. Николай Рубцов дарит руководителю семинара Н.Н.Сидоренко «Звезду полей» с надписью: «Николаю Николаевичу с редкой любовью и благодарностью от ученика».

С мая 1967 г. жизнь Николая Рубцова поплыла под знаком «Звезды полей». Обратимся к свидетельствам современников Николая Рубцова.

Вспоминает Анатолий Азовский (51):

«Беру с полки заветную книжицу...«Звезда полей». Действительно – звезда. И не только – полей! На титульном листе надпись: «Дорогому другу Толе Азовскому от Николая Рубцова». И дата – 2 июня 1967 года...

На наших литературных четвергах за огромным круглым столом библиотеки свердловского Дома работников искусств спорили до хрипоты, а то и чуть ли не до кулаков дело доходило: каждый отстаивал свою точку зрения, каждый с пророческой убеждённостью указывал, как писать надо. Одни, их, конечно, большинство, – евшушенко-вознесенско-рождественского направления жаркими сторонниками были, другие – винокуро-тарковскую поэзию на щит поднимали, третьи пели в кулуарах что-то книжно-романтическое из Новеллы Матвеевой...

А вот после публикации в «Октябре» (август 1964 г. и октябрь 1965 г. – прим. автора) имя Николая Рубцова уже твёрдо вошло в наши горячечные споры. Тогда открыли мы и Владимира Соколова, и Бориса Примерова, и Анатолия Передреева, и многих других поэтов, на которых и внимания не обращали.

Лично же с Николаем Рубцовым я познакомился года через два в буйных стенах общежития литинститута. Случилось так, что сессии нашего второго курса заочного отделения и четвёртого, на котором учился Николай, проходили в одно и то же время...» (это было в конце мая - начале июня 1967 г., – прим. автора).

Друг Рубцова, Александр Петров, пригласил А.Азовского на картошечку в мундире и предложил земляку познакомиться с Рубцовым. На что А.Азовский ответил (44): «На готовенькое я не согласен. Ты пока доваривай картошку, а я мигом в магазин сбегая. Знакомиться, так уж по-русски...»

При знакомстве с Рубцовым у А.Азовского в кармане пиджака оказалась «Звезда полей». Далее А.Азовский пишет (44):

«А ну-ка дай, – заметил Рубцов мой жест. В голосе его прозвучало резковатое нетерпение. Я с недоумением протянул ему «Звезду полей» и ... просто опешил. Николай резко, одним движением, вытряхнул книгу из суперобложки и довольно злобно разорвал последнюю на мелкие кусочки. Я выхватил у него оголённую книгу и быстро засунул обратно в карман. Подумал, что и её та же участь ждала. В литинституте всё бывает!

– Не бойся, не изорву, – успокаивающе усмехнулся Рубцов, видя, с какой торопливостью я застёгиваю карман на пуговицу. – Рисунок на обложке-то просто ужас. Вот я по мере сил и борюсь с ним. – И Николай стал смеяться, да до того звонко, что не поддержать его было просто невозможно. А рисунок-то, и

действительно, был, как говорится, не блеск. Своим кубизмо-абстрактным нагромождением деталей он ну никак не выражал сути такой простой русской книжки...

И можно бы сказать, что ужин проходил вполне задушевно, если бы я, увлекаясь иногда своей болтовнёй, не замечал на себе его серьёзный оценивающий взгляд. Как я убедился потом, болтунов, особенно «дюже учёных», он терпеть не мог. Помню при одном застолье, довольно обширном и вширь, и ввысь, у нас такой «научный» разговор о нашей родной литературе шёл, такие мудрёные словечки блистали в нём, что без толкового словаря не сразу всё поймёшь. Особенно один наглаженный товарищ старался. Уж так он своей эрудицией сыпал, что никому и слова сказать не давал. Да и где ещё он мог высказать свои умные мысли? Печатать его интеллектуальную поэзию почему-то не спешили, а выразиться, просветить кого-то (хоть нас, тёмных) ему очень хотелось. Не зря же он до литинститута ещё один вуз кончал! Вот и распускал перед нами пёрышки всех цветов. А Николай, хмурясь, слушал, слушал (наверно, час молчал), да вдруг как выдаст какой-то монолог минут на пять, состоящий из одних философских терминов, да так выдал, что отглаженный товарищ аж привял у нас на глазах, совсем серым стал.

Летели годы...И был он совсем не таким (по крайней мере, для меня), каким представляют его сейчас во многих статьях-воспоминаниях: он-де и мрачный, и сложный был...Мне кажется, более простого человека в общечитии и не было тогда. Случалось, конечно, при нашей-то шумной жизни, и с ним иногда, ну да с кем не бывает... А вообще, с людьми малознакомыми он держался осторожно, а чаще всего замкнуто. Но уж если принимал кого за своего, то у этого «своего» и мысли о какой-то «загадочной личности» возникнуть не могло».

Вспоминает Василий Makeев (50):

«За ним (Рубцовым) стойко стояла слава первого поэта литинститута, а первому по штату полагается свита, поэтому в одиночестве Рубцов в Москве практически не бывал, никогда и стихов не писал. Родиной его стихов почти всегда были Вологда, райцентровские городки и старинные сёла около них. Мы в Москве, падкой испокон веков на всякую всесветную сволочь, спорили о новаторстве, верлибре, «евтушенковской»

рифме, а тут из очередного побега на родину возвращался посвежевший, поопрятневший Николай и напевал нам по простоте душевной про эту тихую родину, про русский огонёк, доброго Филю, какое-нибудь Ферапонтово, «или про чью-то горькую чужбину, или о чём-то русском вообще». И всё становилось на свои места. «Антимиры» и «Братская ГЭС» так и шли дружно по разряду эксперимента и «новаторства», а «Добрый Филя» нечаянно становился классикой русской поэзии...

А носить маску этакого мужичка-хитрована из дремучего леса он умел, бродя по вечно слякотной Москве в рябых подшитых валенках или наигрывая на гармошке в богемном застолье незатейливые «страдания». По институту ходила восхищённая – знай наших! – история про знакомство Рубцова с Евтушенко. Побрёл-де наш Коля за гонораром в журнал «Юность», зашёл в отдел поэзии, сидит себе в уголке, покуривает. И тут в комнату во всём своём блеске, «рыжине и славе» врывается Евтушенко с журналом в руках и кричит: «Кто такой Рубцов? Познакомьте, я хочу обнять его!» А ему Дрофенко или Чухонцев и показывают – вон, мол, он покуривает. И подошёл журавлино Евтушенко к Коле, протянул торжественно руку, продекламировал: «Евгений Евтушенко!» Поглядел на него прищуристо Коля, поморгал мохнатыми ресничками, почесал в затылке и ответил: «Навроде что-то слышал про такого...»

7 июня 1967 года Николай Рубцов подарил «Звезду полей» рано погибшему талантливому русскому драматургу, автору пьесы «Иркутская история», А.В.Вампилову: «По-настоящему дорогому человеку на земле без слов о твоём творчестве, которое будет судить классическая критика».

В июне-июле 1967 г. поэт дарит сборник Н.Силкину, Н.Груздевой, Н.Старичковой.

А находясь в Москве, Николай Рубцов опять оказывается в затруднительном материальном положении. Имеется его записка к С.Н.Шмитько, лето 1967 г. (12):

«Серёжа!

Завтра, часа в два-три я получу в издательстве деньги, но сегодня мне нехорошо перед товарищем: недостаёт у меня одного рубля.

Займи, пожалуйста, до завтра» (12).

Сборник «Звезда полей» принёс автору широкую известность и

должен был материально обеспечить поэта на длительный период времени. С маститыми писателями, которые прекрасно знали друг друга, неизвестный пока ещё Рубцов стоял в очереди в кассу издательства «Советский писатель». Получив изрядную сумму, Рубцов встретился с В.Кожинным и они отправились «отмечать» историческое событие в буфет ресторана ЦДЛ.

Как сообщает В.Кожинный, они сидели за столиком и спокойно беседовали. Однако, Рубцова узнал один из посетителей, кавказский поэт, и захотел присоединиться. Рубцов возразил, сославшись на важность разговора с В.Кожинным. Но кавказский поэт напомнил Рубцову о том, что не раз угощал его. В ответ Рубцов достал из кармана пачку только что полученных в большом количестве купюр и бросил их в лицо назойливому «приятелю». Деньги рассыпались по полу вокруг стола. Опять возник инцидент. Темпераментного кавказского поэта вернули на его место. А деньги остались на полу. Кто-то был бы рад немедленному уходу поэта из ЦДЛ. А Рубцов не мог бросить деньги, заработанные за годы тягот и лишений. И поднимать их надо было на глазах у любознательной публики. Кланяться деньгам Рубцов не стал. Он потихоньку сполз со стула под стол, собрал купюры и вернулся на стул. Интересно, что на этот раз администрация ресторана не стала вызывать милицию. Или совесть заговорила, или информация о таланте Рубцова дошла до буфетов и кабинетов.

Вспоминает поэт Николай Шишов:

«С Николаем Рубцовым мне довелось познакомиться летом 1967 года на квартире вологодского поэта Бориса Чулкова.

Однажды я без предупреждения зашёл к нему. Он сидел за столом в окружении книг, многие из которых были довольно объёмистыми и напоминали энциклопедические издания.

– Видишь, какие книги я читаю? – сказал Рубцов, но я уже заметил его недовольство. Он не любил, когда ему мешали работать, нервничал, становился резким. Я сам обругал себя мысленно и ушёл. А на другое утро при встрече сказал ему шутливо:

– Видел, как ты работаешь...

Он улыбнулся и ответил:

– Моя работа начинается с утра. Я не могу подняться с кровати, пока не придумаю какую-нибудь хохму-шутку.

Рубцов не раз говорил, что любит старинные песни. Как-то мы слушали у меня пластинки давних лет. Но вдруг поэт поставил на проигрыватель «Полонез Огинского» и о других пластинках забыл. Он прокрутил «Полонез» десятки раз, слушал его до самой ночи. Видимо, много созвучного своей душе нашёл он в этой музыке».

15 июля 1967 г. Николай Рубцов направляет заявление в Вологодский обком КПСС с просьбой о предоставлении жилой площади в Вологде. Рубцов, в частности, пишет:

«Поскольку я являюсь студентом Литературного института им. Горького (студент-заочник последнего курса), то бываю в Москве, но возможность проживать там имею только во время экзаменационных сессий, т.е. 1-2 месяца в год.

Всё это значит, что у меня нет ни нормальных бытовых условий, ни нормальных условий для творческой работы...

В заключение хочется сказать, что меня вполне бы устраивала и радовала жизнь и работа в г.Вологде».

Справедливости ради надо сказать, что уже это заявление Рубцова не осталось без внимания.

Во время летних каникул в литинституте в 1967 году Сергей Чухин встретился с Николаем Рубцовым в Вологде. С.Чухин пишет, что стоял конец июля.

«Хочу поехать в Тотьму, к дочке, но, сам понимаешь...

Да, я знал о хроническом безденежье, которое буквально преследовало Рубцова, приковывало его к городу, к случайным гонорарам и случайным компаниям.

– Поедем со мной в Новленское, – предложил я, – шестьдесят километров отсюда. Там у меня тётя и бабушка. Изба большая – зимняя и летняя. Они – в летней, а мы в зимней будем. Лес, речка, озеро – всё рядом!

– Неудобно...Ты там свой, а я что?» (11)

Так вспоминает С.Чухин разговор с Рубцовым. И уговорил его поехать в деревню. Друзья-поэты часто ходили на речку. На рыбалке Рубцову не везло. С.Чухин пишет: «...посидев час-полтора на реке, он уходил домой и слушал бесконечные бабушкины рассказы о былом, о её молодости, прежнем хозяйстве, она его расспрашивала – откуда родом, где семья, сколько лет дочке, где сам служит...». А по дороге в лес за грибами Николай сочинял на ходу экспромты, из которых Чухин запомнил такой:

Забыл приказы ректора,
На всё поставил крест.
Глаза, как два прожектора,
Обшаривают лес.

И далее С.Чухин сообщает (11):

«Мы вошли во вкус деревенской жизни и от бабушки поехали в Погорелово, к моим родителям. Походы в лес и на реку продолжались, но всё чаще Рубцов оставался дома писать. Впрочем, писать – не то слово. Ему не требовались ручка и бумага. Он укладывался поверх одеяла, закинув ноги на спинку кровати, и так лежал, бывало, по несколько часов. Иногда он окликал меня и читал вслух особенно удачные, по его мнению строки, причём требовал оценить: «Ну как?» Я обычно отвечал уклончиво, мол, строка сама по себе звучит, но как она ляжет в контекст...» (11)

С.Чухин показывает Рубцову остатки барского парка, заросший бузиною фундамент особняка, огромный, с тремя островами, пруд, вырытый крепостными в форме двуглавого орла, аллею столетних лип и сосен. «В старом парке» поэт наблюдает тревожные картины:

Подует ветер!
Сосен тёмный ряд
Вдруг зашумит,
Застонет, занеможит,
И этот шум
Волнует и тревожит,
И не понять,
О чём они шумят.

Да! Николай Рубцов уже на другом уровне. Поэт идёт по дороге, подходит к старому особняку, размышляет о судьбе хозяина, старается понять его переживания о Родине, рисует картину запущенного парка и таинственная тревога охватывает читателя.

Почти месяц прожил Николай Рубцов в компании с Сергеем Чухиным на природе. Отдохнул и обогатился новыми впечатлениями в русской глубинке.

2 июля 1967 г. «Вологодский комсомолец» публикует «Ночь на родине» и «Идёт процессия...». Рубцов передаёт новые стихи в

«Вологодский комсомолец» и 3 сентября 1967 г. газета печатает стихи-песни «Зелёные цветы», «Купавы», «Синенький платочек» и «Отплытие». 17 августа 1967 г. в газете «Новый путь», Белозерск, видим ностальгическое «В старом парке».

Поэт не просто пишет картины проплывающей жизни, а сам, как на публичной исповеди, обнажает свои сокровенные мысли и чувства, тревожит души русских братьев и сестёр.

В стихотворении «Купавы» Рубцов так расставляет общеизвестные слова, что задевает душу читателя даже без создания какого-либо оригинального образа:

И обступают бурную реку
Всё те ж цветы...но девушки другие,
И говорить не надо им, какие
Мы знали дни на этом берегу.

Бегут себе, играя и дразня,
Я им кричу: – Куда же вы? Куда вы?
Взгляните ж вы, какие здесь купавы! –
Но разве кто послушает меня...

Можно представить себе, что Рубцов отражает психологию человека, который чувствует, что время его уже уходит. Но когда поэт просит беззаботных девушек посмотреть на окружающий мир, полюбоваться красотой купав, то он просит оглянуться на прошлое, на Историю, а значит – посмотреть на своё Будущее.

И, наконец, в песне-мечте «Зелёные цветы» поэт (лирический герой) говорит об окружающем его и всех нас мире:

За нами шум и пыльные хвосты –
Всё улеглось! Одно осталось ясно –
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы.

В этих стихах (осень 1967 г.) Николай Рубцов обращается к людям: Проснитесь! Вспомните – кто вы и от каких красот и чудес вы отъехали в поисках призрачного счастья и комфорта.

Такие стихи не могли не задеть струны русской души. На

вологодской земле редакторы газет сразу признали образность, содержательность, глубину народной по сути поэзии Рубцова. Руководители среднего и высшего звена Вологодской области, сами выходцы из крестьянской и рабочей среды, хорошо понимали жизненные и бытовые проблемы народа.

В августе 1967 г. Рубцов поехал в командировку в Липин Бор. В аэропорту встретил Н.Старичкову, которая приехала на отдых к родственникам. Вспоминает В. Елесин, который работал тогда в этом посёлке редактором газеты «Волна» (ж. «Север», № 9, 1975г.).

«Памятна первая встреча с ним в этом далёком посёлке. Пришлась она на грибную августовскую пору. В одни из воскресных дней мы с женой, набродившись по роскошным липинборским лесам, возвращались домой с полными корзинками белых грибов. Идти бором было необычайно легко. Когда до посёлка оставалось километра два, вдали, меж вековых сосен, показалась фигурка человека.

- До чего же похож на Рубцова! – удивился я.
 - Не может быть, – возразила жена. – Откуда Коле взяться здесь, за триста километров от Вологды, в незнакомом лесу!
- И, тем не менее, это был он. Объяснилось всё просто.
- Зашёл к тебе на квартиру, мать сказала, что ты в лесу. Попросил ведро и пошёл, куда глаза глядят. Здесь у вас прямо прелесть! А вон – белый гриб! А вон – ещё!

Рубцов радовался как ребёнок. А грибы позднее оказались в стихах».

Николай Рубцов часто бывал в редакции газеты «Волна». Очевидно, что при встрече друзей были беседы о местных легендах. И вот 21 сентября 1967 г. «Волна» публикует стихотворение «Гуляевская горка», в котором есть такие строфы:

Простых преданий добрые уста
Ещё о том гласят, что каждодневно
Гуляла здесь прекрасная царевна, –
Она любила здешние места.
Да! Но и я вполне счастливый тип,
Когда о ней тоскую втихомолку
Или смотрю бессмысленно на ёлку
И вдруг в тени увижу белый гриб!

Потрясает умение Рубцова на подсознательном уровне увязать белый гриб с прекрасной царевной. Разнообразные сведения, получаемые поэтом в ходе разговоров с друзьями и случайными попутчиками, перетекают в новые стихи. И складывается впечатление, что Николай Рубцов непрерывно зачерпывает из колодезя народных памяти и знаний родниковую воду легенд, местных говоров-выражений и образов. Поэт перемещается туда, куда гонит ветер судьбы. Вероятно, он считал, что всё в руках Божьих и все его радости и невзгоды только будут давать ему бесчисленные впечатления, темы, образы и конкретные знания для новых стихотворений.

В селе Липин Бор Николай Рубцов ходил за грибами, сказал, что хочет написать поэму об Александре Невском. Однажды в саду Н.Старичкова нашла маленькую иконку, которую Николай Рубцов забрал категорически со словами: «Это мне». В последний день жизни в селе на машине Михаила и Лиды Ферапонтовых (Лида – школьная подруга Старичковой) поехали в лес и набрали множество рыжиков и груздей. На самолёте с мешком грибов вернулись в Вологду (44).

В августе 1967 года Вологодский обком КПСС запланировал и организовал агитационную поездку вологодских писателей по Волго-Балтийскому каналу. 24 августа от причала судостроительного завода Череповца отправился теплоход по маршруту Череповец-Вытегра.. В поездке участвовали А.Яшин, В.Белов, А.Романов, В.Коротаев, Б.Чулков, Н.Рубцов, Д.Голубков, Н.Кутов, Л.Беляев, С.Чухин и другие. Во время остановок в речных портах (городках и сёлах) в Кириллове, Белозерске, Липином бору, Вытегре и Оште... писатели и поэты выступали на литературных вечерах в местных Домах культуры.

По свидетельству В.Гостинщиковой, писатели, в том числе Н.Рубцов, выступали 25 августа 1967 года на конференции преподавателей литературы в ДК г.Кириллова, давали автографы (25). Наблюдаемые во время поездки картины нарисованы поэтом в стихотворении «Последний пароход» о А.Я.Яшине:

Он, написавший столько мудрых книжек, –
Смотрел туда, где свет зари и грязь
Меж потонувших в зелени домишек...

И снова Рубцов на подсознательном уровне направляет взгляд читателя на Свет и Тень Бытия: «свет зари и грязь».

На короткой кинозаписи поездки можно увидеть А.Яшина, Н.Рубцова, В.Белова, В.Коротаева и других. Рубцов оберегал от лишних контактов очень больного в то время Яшина, хотя тот старался не показывать виду. Однако не просто было обмануть такого пронизательного человека, как Рубцов. Под Вытегрой (дальняя точка поездки по каналу) Рубцов даже отчитал Чухина, считая, что тот отнимает время у Яшина ничтожными разговорами.

Во время этой поездки, 27 августа 1967 г. Рубцов подарил «Звезду полей» А.Я.Яшину с надписью: «Александру Яковлевичу Яшину с вечной любовью и благодарностью».

4 сентября 1967 года в городском Доме культуры в Вологде состоялся литературный вечер. Виктор Коротаев прочитал стихи из цикла «Липовица». Василий Белов – отрывок из новой повести «Плотницкие рассказы», Сергей Чухин – стихи «Шуршат сухие ивняки» и «Горлинка», Александр Романов – «Серьёзный разговор», Александр Яшин – стихи из книги «День творения».

Вспоминает А.Рачков (11):

«Самой яркой и впечатляющей фигурой, безусловно, был Александр Яшин. Никто не знал и не мог даже предполагать, что это последнее выступление поэта на своей родине. Быть может, только он сам, терзаемый болезнью, тревожно вслушивался в себя и невольно подводил итог своей суровой жизни. Потому так чутко и внимательно он вглядывался в младших братьев по перу, и всего пристальнее следил за Рубцовым...

В тот вечер Николай Рубцов был в коричневом в тёмную полоску костюме, с аккуратно отточенными (по-флотски) стрелками на брюках, голубой рубашке без галстука и простых чёрных ботинках с блеском на носках.

Заметно было его волнение. И не потому, что перед ним переполненный зал ..., а чувствовал на себе пристальный взгляд Александра Яшина, к которому питал особое отношение. Рубцов прочитал своё любимое «В минуты музыки». Вдохновенно, отбивая правой рукой в воздухе такт и чуть склонив голову набок, словно вслушивался в музыку своего стиха...

В конце вечера лицо его просветлело. Не любитель давать автографы, в ту встречу Рубцов охотно подписывал «Звезду

полей». Его радовала не столько церемония подписания, сколько сами люди, в руках которых он видел свою книжку.

И вдруг к нему подошла девушка с первой его книжечкой «Лирика». Пальцы Рубцова нервно вздрогнули. Он внимательно посмотрел на девушку, а та смутилась и скороговоркой ответила: «А мне «Звезды полей» не досталось. Всё разобрали уже. И вот только теперь эта...»

После встречи в городском Доме культуры состоялся ужин в малом зале ресторана «Вологда». Застолье распределилось так, что Николай Рубцов оказался рядом с Александром Яшиным. В этой компании очутился и наш земляк, известный скульптор, академик Сергей Михайлович Орлов, автор памятника Юрию Долгорукому в Москве...

И вдруг Александр Яшин повернулся к Николаю Рубцову и так проникновенно попросил:

– Коля, твой тост. Давай экспромтом что-нибудь! А?

Николай взглянул на Яшина, заметно вспыхнул лицом и тихо ответил:

– Хорошо, Александр Яковлевич... Попробую...

Волнение с лица постепенно спадало, и оно становилось уверенно-спокойным и даже властным, плотно сжатые губы, жёстко очерченные скулы, прищуренные глаза – всё выражало упорную мысль. Взгляды были устремлены на Рубцова. И он это не столько видел, сколько чувствовал. И вот словно прояснение озарило его лицо. Оно стало спокойным и сдержанно-ликующим.

Пальцы, до этого нервно перебиравшие ножку бокала, замерли, цепко облегли нагретое стекло, и рука вынесла бокал на середину стола, вздрагивая под такт чтения:

За Вологду, землю родную,
Я снова стакан подниму!
И снова тебя поцелую,
И снова отправлюсь во тьму,
И вновь будет дождичек литься...
Пусть всё это длится и длится!

Александр Яшин склонился к Рубцову и приложился к его щеке...»

Некоторые исследователи скользят по поверхности заложенной мысли поэта и попадают в ловушку недостаточной глубины понимания явлений. Для земляков поэта первые две строки тоста – родные. Вторые две строки – радость жизни на земле, и прощание с ней: временное и безвременное. Третьи две строки – пожелание вечности Бытия (без дождичка жизнь-земля засохнет).

О знаменательном эпизоде, который возник на этом вечере вспоминает А.Рачков (11):

«С каждым тостом разговор становился оживлённее и откровеннее. Не сошлись во мнениях о современном искусстве скульптор Орлов и писатель Белов. Разногласие в любви к малой родине возникло у Яшина с Орловым. Александр Яковлевич вспылил, махнул рукой и, чтобы прекратить спор, в котором была большая дистанция непонимания друг друга, вместе со стулом отодвинулся от Сергея Михайловича Орлова. Сын того, оскорблённый за отца, иронически спросил:

– Вы, может быть, ещё дальше двинитесь, Александр Яковлевич?

Яшин быстро повернул голову к Рубцову, чуть помедлил, потом оглядел всё застолье, сверкнул глазами, и под усами у него растеклась улыбка:

– С удовольствием бы, но дальше – некуда. Там Рубцов».

В «Литературной России»¹ от 22 сентября 1967 года А.Передреев в рецензии под названием «Мир, отражённый в душе» писал:

«В сегодняшних сборниках стихов «шум времени» зачастую заглушает поэта. Причём, «осваивая время», поэт часто принимает техническое чудо за поэтическое. Воспевают, скажем, аэропорт, не понимая, что это сооружение – всего-навсего быт современного человека и если и имеет отношение к поэзии, то чисто декоративное.

В книге, если только она производное души поэта, а не просто сгустки слуховой и зрительной информации, должна стоять тишина, подобная тишине глубокой чистой реки, в которой отражается окрестный мир...

Такие стихи, как «Тихая моя родина», «Русский огонёк», «Я буду скакать по холмам...», «Над вечным покоем», «Зимовье на хуторе», «Видения на холме», проникнутые есенинским поклонением родине, исполненные радости и боли за неё, – достойное

продолжение традиции русских поэтов прошлого, для которых тема родины всегда была главной!»

Критики либерального направления обзвали народную поэзию «тихая» лирика с целью принизить её звучание в обществе. Фактически эти «западники» двадцатого века продолжали идеологическую борьбу со «славянофилами», с представителями патриотического направления в советской и русской литературе. И в этой борьбе отношение к поэзии Рубцова было своего рода «лакмусовой» бумажкой для выявления позиции критиков к нашей Родине, к обществу, которое дало им образование и неплохое материальное обеспечение по сравнению с трудовой опорой Родины – крестьянами, рабочими, инженерами.

Рубцов не занимался освещением какой-то заданной темы. Он сочинял интуитивно и эмоционально. И, как известно, тема может совпадать у многих поэтов, а вот способы её решения (образность, ритмика, рифмы и, главное, духовное содержание) различны и зависят от уровня мастерства поэта, от его миропонимания.

Анатолий Передреев отмечает также в статье:

«Из «поэтических предков» Рубцова я называл Тютчева и Есенина. Среди современников он безусловно опирается на опыт Александра Яшина с его глубиной, серьёзностью творчества, основанного на коренном языке. Кстати сказать, большой талант этого писателя помог вырасти целой вологодской семье русских писателей: Василию Белову, Сергею Викулову, Николаю Рубцову, Александру Романову, Виктору Коротяеву. Конечно, все они абсолютно разные, друг на друга не похожие, но всех их объединяет одна почва.

Эта почва родины, природы, деревни – главный учитель Николая Рубцова.

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды.

Сколько глубокой поэтической тишины, сколько поистине крестьянской естественности, несуетливости здесь, сколько ощущения жизни как бытия.

Высокая и светлая звезда освещает большинство стихотворений этой книги, оправдывая превосходное, на мой взгляд, название её. Жаль только, что её оформление на редкость безвкусно».

Отношение Рубцова к «художественному» оформлению обложки известно. Поэт срывал иногда обложку с книжки и разрывал её. Художник или специально безвкусно разрисовал обложку или это был какой-то заикленный абстракционист с коньячно-звёздным уклоном. А ведь художник оформлял книгу в престижном издательстве «Советский писатель».

Ухватившись за термин «почва родины, природы, деревни», литераторы западенского направления ёрничали в статьях о «деревенской» поэзии Рубцова, старались свести её до уровня местной вологодской тематики и обзывали «почвенниками» писателей русского патриотического направления. Всё это шло под флагом интернационализма, в русле политики космополитизма, охаивания русской самобытности и скрытого преклонения перед иностранщиной.

«Звезда полей» проявилась как первый луч Света народной философии в поэзии середины 20-го века. Стихи-песни Рубцова продолжили на новом уровне творчество А.Кольцова, С.Есенина, а также советских русских поэтов А.Фатьянова и М.Исаковского.

В своих «воспоминаниях» воспылавшая «любовью» к поэту Л.Дербина пишет, что она открыла для себя Рубцова, увидев в Воронеже книжку «Звезда полей». Явно лукавит «поэтесса». Дело в том, что она работала всё время библиотекарем, в том числе в Воронеже. Любая библиотека в те годы выписывала все литературные издания. И она не могла не читать ведущие журналы «Октябрь», «Юность», «Знамя», «Молодая гвардия», в которых в 1964 – 1968 г.г. публиковались целые подборки стихов Николая Рубцова. Она сама выдавала читателям эти журналы в пользование. Тем более, что она сама писала стихи и публиковалась. В 1969 г. выпустила в Воронеже сборник «Сиверко». И уже тогда Дербина вторично «вычислила» Рубцова по уровню мастерства. Вспомним, что ещё в апреле 1964 г. она вышла на контакт с неизвестным тогда Рубцовым, когда пригласила его в номер гостиницы.

А книжка «Звезда полей» завершила второй период творчества Рубцова. С весны 1967 года начался третий глубинный по духовному отображению жизни этап творчества поэта.

В житейском и творческом планах Рубцов в 1967 г. (по свидетельству Н.Старичковой) общается с С.Чухиным, В.Беловым, С.Багровым, А.Романовым, Б.Чулковым.

Газета «Сокольская правда» в 1965...1967 г.г. представляла стихи Рубцова, а в номере от 17 октября 1967 г., ссылаясь на статью в «Правде» от 19 августа 1967 г., перепечатывает абзац:

«...Наиболее приметное и самобытное явление – книга Николая Рубцова «Звезда полей», лучшие страницы которой захватывают чистым и проникновенным лиризмом и чем-то отвечающим есенинскому, но совершенно самостоятельным по своему характеру».

Через месяц (в октябре) Рубцов три дня жил у А.Рачкова. Поэт читал стихи, играл на гармошке. Возникла у друзей дискуссия о песнях, о связи музыки и слова. И на вопрос А.Рачкова о конкретной песне, враги ли музыка и слово, Рубцов ответил (11):

«Нет. Они всегда союзники. Поэтическое слово и есть музыка. Так что из плохой песни время может выкидывать слова, а в хорошей оставлять до конца человеческих дней. Вот «Помню я ещё молодухой была...» Песня-роман, песня-былина. Нас всех не будет и других ещё после нас, а песня будет звучать перевозданной красотой. Гармония души!...»

Листая списки студентов-заочников 4-го курса (1966-1967 г.г.), видишь, что в графе «адрес» только у Николая Рубцова ничего не обозначено. А в списках 5-го курса (1967-1968 г.г.) «адрес» у Рубцова: Алтайский край, Красногорский район, с. Красногорское, ул. Мира, 15-а, кв. 5. Может быть, Рубцов думал жить на Алтае?

Вспоминает А.Азовский (44):

«Видел я Николая и в порыве творческой радости. Заскакивает он как-то в комнату (только что с вокзала приехал, билет в родную Вологду в предварительной кассе купил), а сам – аж сияет весь. – Слушай, я экспромт сочинил, пока в троллейбусе ехал, – закричал он ещё с порога:

Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе...

Не можем мы, пишущие, чутко-осторожными друг к другу быть. Если что не по тебе, надо сразу же правду-матку высказать. Да

погорячее, чтобы «дошло». Вот и я тогда. Ещё не утихло радостное, стосковавшееся «И буду жить в своём народе!», а я уже с замечанием:

– Что это у тебя за строка – «Потом ещё на чём-то вроде»? для рифмы, что ли?

Радостное возбуждение у Николая сразу на убыль пошло. Смотрит на меня своими сплошно-чёрными, чё, мол, тут непонятного? А потом, подумав, тихо так говорит:

– Да как ты не поймёшь? Я ведь не знаю с е й ч а с, что там за оказия мне подвернётся.

Помню и Николая беззащитно-грустным. Как-то после окончания сессии собирался я домой, в Свердловск. Николай почему-то не торопился в свою Вологду, хотя сессия у него тоже кончилась. Сидим вдвоём (все поразъехались уже), не спеша «посошок» потягиваем. Грустно было. Под настроение я и пожаловался Николаю, что дома у меня не всё ладно – жена болеет, квартиры своей нет. Николай сочувственно помалкивал. Потом вздохнул тяжело и говорит:

– Ничего. Обойдётся. У тебя хоть какой-то, да всё же тыл есть. Ждут тебя. А у меня и того нет – как говорится ни дома, ни лома. Ехать бы вот надо, а к кому, кто ждёт? По друзьям всё мотаюсь. Надоел поди, всем до чёртиков...»

28 октября 1967 г. на «Литературной странице» череповецкой газеты «Коммунист» представлены два стихотворения Рубцова: «Она совсем ещё ребёнок» (основной вариант стихотворения «Зачем?») без последней строфы) и «Гуляевская горка».

В октябре 1967 г. по ходатайству А.Яшина секретарь обкома В.И.Другов выделил поэту место в филиале общежития совпартшколы на Октябрьской улице, 19. Хотя и появилась своя крыша над головой, не мог Рубцов держать свой архив в «проходном дворе». Автор обращает внимание на то, что жилплощадь была выделена обкомом поэту Рубцову, который не был членом КПСС!

Вспоминает Василий Оботуров:

«Радужие и уют, которым делились с Николаем Рубцовым многие, помогли ему не только пережить бездомность, но и продуктивно работать все эти годы. У него появились в Вологде друзья, своим человеком он чувствовал себя и в редакции молодёжной газеты.

В редакции Рубцов появлялся то в сером костюме, тёмной рубашке со светло-серым галстуком сплошными крохотными ромбиками, то, несколько позже, в новом коричневом костюме в тонкую серую полоску и белой рубашке с зелёным галстуком. Ботинки и пальто поношенные, но аккуратно вычищенные, и пресловутый длинный шарфик не висел, как попало, а снимался вместе с пальто, когда он усаживался с ребятами играть в шахматы...

Обращала на себя внимание смугловатая бледность его узкого лица с большим лбом... Мне довелось не раз видеть его возмущенным, и не помню, чтобы он был не прав.

Хамского пренебрежения Николай действительно не терпел. Чем он вызывал раздражение людей определённого сорта, трудно сказать, то ли какой-то особой внутренней сосредоточенностью, то ли цепкостью быстрого взгляда, который был «не как у всех»... А между тем выглядел он скорее незаметно, чем вызывающе.

Навязчивости в Рубцове не было никакой, пьяным за три года мне не довелось его видеть ни разу, и потому многое в рассказах о нём представляется досужим вымыслом. Да, чуть выпивши, он появлялся не раз...

Ни разу не случалось, чтобы он упрашивал печатать то или иное стихотворение, настаивал. Свои оценки он высказывал прямо и откровенно, если не сказать резко и зачастую не считал нужным их как-то аргументировать. И сам соответственно прямоthu принимал спокойно. Но фальши терпеть не мог, ложь угадывал сразу, как и неискренность – и сразу утрачивал интерес к собеседнику, равнодушно и откровенно замолкал, отходил в сторону, не умея и не желая вести игру в «приличия». Может быть, поэтому он и не вписывался ни в какую «систему», всегда оставался самим собой».

В.Зинченко в статье о Николае Рубцове отмечает (46):

«Однако, литературная судьба Николая Рубцова складывалась успешнее его обыденной, житейской судьбы. Егор Исаев буквально за руку отвёл поэта в редакцию журнала «Молодая гвардия», где с ним сразу заключили договор и через три месяца опубликовали подборку стихов; тогда же отвёл его в «Правду» к Кошечкину – в «Правде» через три дня напечатали два стихотворения Рубцова...»

В начале декабря 1967 г. поэт в связи с подготовкой публикаций находился в Москве. Возвращается в Вологду. Отмечает где-то на радостях свой успех. И 7 декабря 1967 г. Рубцова забирают в вытрезвитель. Логично, что приходит информация в адрес писательской организации и вологодских горкома и обкома КПСС.

А 8 декабря 1967 г. центральная газета страны «Правда» публикует стихотворения «Шумит Катунь» и «Детство», что неожиданно-негаданно изменяет ситуацию. Такая публикация всегда работает не только на повышение авторитета поэта. Вот фрагмент эпической алтайской картины, которую Рубцов больше года создавал, прежде чем представил широкому читателю:

...Как я подолгу слушал этот шум,
Когда во мгле горел закатный пламень!
Лицом к реке садился я на камень
И всё глядел, задумчив и угрюм,

Как мимо башен, идилов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев её былинный...

Как сказал какой-то «мудрец»: «Стихи писать легко. Надо только правильно расставить всем известные слова». Правда, надо ещё чистую душу и знания вложить в текст.

Удивительно почти полное временное совпадение двух событий в Вологде и Москве. И неясно руководителям: то ли награждать Рубцова, то ли наказывать.

В начале декабря 1967 года поэту предоставили место в однокомнатной квартире с двумя соседями (комсомольскими работниками) на ул. Ветошкина. Условия жизни и творчества также не совсем подходящие.

11 декабря 1967 г. Рубцов получил телеграмму из Николы: «Будем в Вологде 12, Челюскинцев 41, кв. 2. Гета, Леночка». Очевидно, Рубцов встречался с дочерью и Гетой, которые приезжали в Вологду к родственникам.

В декабре 1967г. Рубцов пишет письмо на имя секретаря Вологодского обкома партии В.И.Другова, в котором сообщает:

«При Вашем благожелательном участии...я получил место в общежитии. Искренне и глубоко благодарен вам, Василий Иванович, за эту помощь, т.к. с тех пор я живу в более менее нормальных бытовых условиях.

Хочу только сообщать следующее:

1. Нас в комнате проживают трое.
2. Мои товарищи по месту жительства – люди другого дела.
3. В комнате, безусловно, бывают родственники и гости.

Есть ещё много такого рода пунктов, вследствие которых я до сего времени не имею нормальных условий для работы. Возраст уже не тот, когда можно бродить по морозным улицам и на ходу слагать поэмы и романы. Вследствие тех же «пунктов» я живу отдельно от жены, впрочем, не только вследствие этого: она сама не имеет собственного жилья. Среди малознакомых людей я привык называть себя «одиноким». Главное, не знаю, когда это кончится» (12).

Николай Рубцов в письме называет Гету, мать своей дочери, женой, хотя формально они не были зарегистрированы. Письмо не закончено и, видимо, не отправлено, потому что в таком стиле просьбу о жилье в адрес секретаря обкома не пишут. Но содержание письма говорит о настроениях Рубцова. Вероятно, на основе этого письма поэт написал другое.

Во всяком случае, в январе 1968 г. поэту дали, наконец, отдельную продолговатую комнату (которую в народе метко окрестили «пенал», – прим. автора). В этой квартире жила семья партийного работника (ул. Набережная VI армии, 209, кв. 43). Очевидно, на руководство Вологодской области подействовал факт публикации стихов Рубцова в «Правде», которая вообще крайне редко печатала кого-либо из поэтов.

Ходит одна из легенд, связанная с проживанием Николая Рубцова в этой комнате. Поэт лежит на раскладушке, уставившись взглядом в потолок. На столе начатая бутылка вина. Вошёл сосед, партийный работник областного масштаба, в новом костюме, в белой рубашке и при импортном галстуке и приглашает в свою комнату на новоселье. Рубцов говорит соседу: «Удались, ты мне мешаешь». Сосед опять приглашает. Рубцов снова: «Пошёл вон! Ты мне мешаешь думать». Сосед: «О чём вы думаете?». Рубцов отвечает: «Я думаю о том, как соединить учения Ленина и Христа.

А ты, м...к, мне мешаешь». Совсем не понравилось поэту, что сосед лез к нему в душу. Парработник письменно жалуется в обком партии. Приглашают на «ковёр» секретаря Вологодской писательской организации А.Романова. Хмурый после партийного разноса А.Романов вызывает к себе поэта. Для прояснения обстоятельств дела посылают за вином. По ходу «творческой» беседы Рубцову объясняют, где, о чём и с кем можно говорить, а инцидент таким методом «залакирован».

Но возникла ситуация психологической несовместимости личностей в квартире. На совместной кухне у Рубцова ничего нет. Домашнее хозяйство вести без женской руки практически невозможно. У соседа, А.В.Сидоренкова есть и маленькие дети. В подселении Рубцов опять не получил полной свободы. Н.Старичкова пишет (44): «Единственное «окно в мир» – окно с видом на реку. Единственный стул, раскладушка без матраца, подушки... Главное же в комнате – чемодан, где сложены его нехитрые пожитки – книги, рукописи, переписка...».

Вспоминает журналист Александр Анисенков (53):

«Однажды я приехал в Вологду, не предупредив Рубцова – обычно я сообщал ему через своих друзей из областной газеты «Красный Север». По старой дружбе зашёл вечером на «огонёк» послушать новые стихи. Был поздний час. Мы сидели за скромно уставленным столом в тесной комнатёнке, напоминавшей чем-то школьный пенал.

– К «излишества» нам не привыкать, – пошутил Рубцов, – поужинаем, чем бог послал. – Перейдя на серьёзный тон, добавил: – Недостаток мяса меня не огорчает. Тревожит дефицит добра. Дефицит добрых человеческих отношений. Не могу объяснить сегодняшнюю недоброжелательность. Исстари на Руси взаимоотношения отличались чуткостью. Последним делились...

Вот наша учительница в Николе Нина Ильинична заботилась о нас, как родная. Помню, чернил не было. Бумаги не было тоже. Нина Ильинична учила нас изготавливать чернила из сажи. А тетради для нас делала из своих книг. И мы с великим прилежанием выводили буквы по этим пожелтевшим страницам на уроках чистописания... И никто из нас знать не знал, что в жизни у неё случилось большое горе: погиб на фронте муж...»

Но какой вид из «пенальной» комнаты Николай Рубцов

нарисовал в стихотворении «Вологодский пейзаж»! И бытовые неурядицы не мешают поэту превращать обычный пейзаж в таинственную картину, смысл которой хочется и надо разгадать.

Живу вблизи пустого храма,
На крутизне береговой
И городская панорама
Открыта вся передо мной.
Пейзаж, меняющий обличье,
Мне виден весь со стороны
Во всём таинственном величье
Своей глубокой старины.

В результате поездки по Волго-Балту Сергею Чухину понравилось село Липин Бор, куда он осенью 1967 г. переехал работать в качестве корреспондента-организатора местного радиовещания. Чухин приглашал вологодских друзей и Рубцова приехать полюбоваться местной природой. В местной газете «Волна» продолжал работать редактором Василий Елесин. В конце января 1968 года Рубцову дали короткую командировку и он прилетел в Липин Бор. Одну ночь Рубцов прожил в местной гостинице, где ему не понравилось. А на следующий день поэт подселился в редакцию. Вспоминает Сергей Чухин (11):

«Вечерами в редакции В.Д.Елесин и секретарь В.Фофанов подолгу задерживались, подписывая номер в печать. Подкидывали в печь поленья, играли в шахматы. Игроком Рубцов был серьёзным, но азартным в проигрыше и выигрыше».

Характерен для Рубцова факт подготовки рукописи новой книги стихов. Дело в том, что Рубцов заявил, что он потерял рукопись, попросил выделить ему машинистку для перепечатки её. И когда В.Елесин удивился тому, как же можно перепечатать рукопись при её отсутствии, Рубцов сказал, что продиктует стихи. У поэта была феноменальная память и в голове шла непрерывная работа над совершенствованием текстов. То, что большинство поэтов выискивало за столом перед окончательным выпуском в свет, Рубцов «делал» в голове. И он надиктовал машинистке рукопись будущей книги «Душа хранит» для Северо-Западного издательства. В сборник вошли, в основном, стихи-песни, созданные в 1967 году.

В программном стихотворении «Привет, Россия» Николай Рубцов на все времена сказал:

За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивой под оконцем...

Вот это и есть в поэтической форме фрагмент русской народной философии, которую до сих пор не могут понять всё новые и новые долларопоклонники-ньюматериалисты. Родина – это дом с крапивой под оконцем для основной массы народа, а не коттедж-мечта с искусственной заморской травой.

Тогда же, в январе 1968 года Рубцов написал стихотворение «Сосен шум». В.Елесин вспоминает (11):

«Доброй памятью о последней встрече с Николаем Михайловичем в Липином Бору стало его стихотворение «Сосен шум», давшее позднее название сборнику. Помню, как все мы радовались в редакции, услышав это стихотворение от самого Рубцова. Радовали чеканные, удивительно точные строчки о давно всем примелькавшемся, но увиденном заново...

«Соседний барак» – не что иное, как липинборская пекарня, стоявшая неподалёку от редакции, в ней работали ночью, и свет в её окнах не гас до самого утра...»

Какое русское селенье!
Я долго слушал сосен шум,
И вот явилось просветленье
Моих простых вечерних дум.

.....
Пусть завтра будет путь морозен,
Пусть буду, может быть, угрюм,
Я не просплю сказанье сосен,
Старинных сосен долгий шум...

Увидеть в обыденном явлении за окном историческое философское – дано было именно Рубцову.

В феврале-марте 1968 г., когда Рубцов уезжал по своим делам из Вологды, к нему на квартиру заходила Н.Старичкова. Как она отмечает, на кухне места для стола Рубцова не было. Кухня

фактически принадлежала другой семье. Вспоминает Н.Старичкова о беседе с соседом Рубцова (44):

«А.В.Сидоренков, умный, рассудительный мужчина, не мог понять образ жизни поэта. Он принял Рубцова (как мне показалось) за опустившегося пьяницу. Пытаюсь объяснить, что Рубцов – это действительно поэт, а не самозванец, что это человек очень сложной натуры. Мой монолог, по-видимому, понемногу убедил хозяина квартиры иначе смотреть на шумного жильца, потому что он не стал больше его критиковать».

С осени 1967 года стали появляться положительные отзывы о сборнике «Звезда полей» и творчестве Рубцова. У поэта две книжки стихов, множество публикаций в журналах и газетах. **19 апреля 1968 г. Николай Рубцов был принят в Союз писателей СССР.** Рекомендации дали известные литераторы.

В Вологде Рубцов участвует в различных литературных мероприятиях. В ГАВО (Государственный архив Вологодской области) имеется почётная грамота, которая вручена Рубцову Николаю Михайловичу «За активное участие в общественной работе в ИТУ (исправительно-трудовых учреждениях)». Приказ № 187 от 18.04.1968 г., г.Вологда. Подписана зам. начальника УООП Вологодского облисполкома полковником И.Зайцевым.

С отдельной комнатой Рубцов строил семейные планы. Он думал перевезти в Вологду Генриетту и дочь Лену. Тем более старая изба в Николе развалилась и женщины перебрались жить в сельсовет. Летом 1968 года, после похорон А.Яшина, Рубцов приезжал в Ниолу, участвовал в сенокосах и обсуждал планы на жизнь. Как вспоминала Генриетта Михайловна: «Рубцов звал нас переехать в Вологду, но жилья у него не было, жил в общежитии» (39).

Сложность ситуации состояла ещё в том, что в комнату к Рубцову должны были бы переехать не только Гета с дочерью, но и его неформальная тёща. Нужно было официально зарегистрировать брак. И только затем можно было провести прописку. По тем временам Рубцов мог бы прописать только дочь и жену и при условии, что размер жилья на каждого члена семьи должен был составить не менее 5 кв. метров. Прописка тёщи не удалась бы. Возникла ситуация раздельного проживания с дочерью и внучкой.

Бытовая ситуация вокруг Рубцова, как члена Союза писателей СССР, наверняка, была в поле зрения руководства области. Во

всяком случае, летом 1968 года, во время сенокоса, секретарь вологодского обкома КПСС В.И.Другов специально приезжал в Никольское для встречи с Рубцовым и имел с ним беседу. Но обстоятельства с отдельной квартирой быстро не складывались

Летом 1968 Рубцов глубоко переживал смерть А.Я.Яшина, земляка и старшего товарища, который не раз выручал его в сложных жизненных ситуациях. «Красный север» опубликовал стихотворение поэта «Последний пароход», посвящённое Яшину.

Рубцов продолжает рисовать с натуры. В стихотворении «По дороге к морю» (опубликовано 9 августа 1968 года) поэт радуется разнообразию пейзажей «вдоль дороги», «мимолётным поцелуям прохладных листьев сентября».

31 августа 1968 года «Вологодский комсомолец» опубликовал стихотворение «Тот город зелёный», в котором можно было бы угадать любой русский городок и «родной уголок» поэта:

Тот город зелёный и тихий
Отрадно заброшен и глух.
Достойно без лишней шумихи,
Поёт, как в деревне, петух.
На площади главной ...Повозка
Порой громыхнёт через мост,
А там, где овраг и берёзка,
Стопился народ у киоска
И тянет из ковшика морс.

.....
Ну что ж? Моя грустная лира,
Я тоже простой человек, –
Сей образ прекрасного мира
Мы тоже оставим навек.
Но вечно пусть будет всё это,
Что свято я в жизни любил
Тот город, и юность, и лето,
И небо с блуждающим светом
Неясных небесных светил...

Николай Рубцов, как и Есенин, отражал свою непростую жизнь, защищал великую и сказочную историю малой и большой Родины

и думал не о себе, а о будущем. И поэтому оба поэта всегда были и будут духовно национальными, читаемы и почитаемы народом.

18 сентября 1968 года в череповецком «Коммунисте» печатается «Литературная страница», где представлены стихи Рубцова «Старый конь» и «Фальшивая колода».

В начале сентября 1968 г. Рубцов получил письмо из Николы от Генриетты Михайловны. Вот фрагмент этого письма:

«Привет из Николы!

Коля здравствуй!

С приветом к тебе Гета и Ленусяка.

Твоё письмо, конечно, очень короткое получили, за которое большое спасибо!

Я хотела выехать 27 августа, но, получив письмо, не выехала! Где ты сейчас? Опять ничего не пишешь. Лена всё собирается в Вологду к папе жить, а ты видимо не хочешь, чтобы мы были вместе с тобой. Давай лучше не будем сердиться друг на друга, решим всё по-хорошему. Ведь тебе надоело так жить. А мне уже давно надоело ждать и сама не знаю чего, да и Лене нужен отец.

Погода бывает разная, тепло и холодно. Грибы не растут. За ягодами ходили один раз. Скоро, наверное, поеду в Тотьму на семинар...».

Не знал Николай Рубцов, что и отвечать Гете.

6 ноября 1968 г. Генриетта Михайловна, вероятно, по совету своей матери и неожиданно для Рубцова обратилась в Тотемский народный суд о взыскании алиментов на содержание ребёнка. Рубцов на суд не поехал. По суду величина алиментов оказалась незначительной (5 рублей в месяц). Гета прекратила суд. Но надо знать психологию мужчины, чтобы понять, насколько Рубцов обиделся за вызов в суд. И отношения на время были прерваны.

24 декабря 1968 г. Генриетта Михайловна посылает Николаю Рубцову на адрес ул. VI-ой Армии новогоднюю открытку (35, ГАВО, Вологда):

«Коля, здравствуй! Поздравляю тебя с Новым годом и днём рождения! Желаю тебе всего наилучшего. Суд прекратила, по какой причине, потом узнаешь. Как у тебя дела? Привет от Лены».

После поездки на Алтай поэт непрерывно, интуитивно путешествует по историческим местам Вологодской области и Северу России. Он всё глубже проникает в историю Отечества.

Ещё в 1967 г. брал в городской библиотеке редкое в то время издание Карамзина «История государства Российского». В гостях у поэтессы Нины Груздевой Рубцов спрашивает мнение кумыкской поэтессы Ш.Алишевой о русских. И вот что пишет Н.Старичкова, присутствовавшая на этой встрече (44):

«Алишева с гордостью говорит о своих собратьях.

– А русские не такие, простоваты очень.

Я запомнила эту фразу, потому что сразу подумала: «Что это она нас за иванушек-дурачков принимает?» Что тут началось!

Прекрасный знаток истории (история была его любимым предметом в школе), он (Рубцов), как отличник на экзамене, без запинки, образно рассказывал о Дмитрие Донском. Он вёл себя так, словно сам был участником Куликовской битвы. Вот он уже на Ледовом побоище и словно лично знал Александра Невского... Он сражался не за себя оскорблённого. Он защищал Россию...»

К сожалению, даже вот такие представители народностей нашей страны почему-то видят в покладистости русских, в их доверчивости, в вере в Добро какую-то ущербность. Некоторые считают русских простоватыми из-за того, что каждого из них можно обмануть и ничего от этого не случится. В результате русские оказались в массе своей в униженном материальном и духовном положении на своей территории. Самосознание русских начинает подниматься и, особенно, глядя на демонстрацию самосознания других наций. Русские долго запрягают, но быстро ездят. Эта пословица подтверждена Историей. Время прозрения о действии вечных истин и исторического Возрождения России пошло (16).

17 ноября 1968 года газета «Вологодский комсомолец» публикует стихотворение «О Московском Кремле», где Николай Рубцов видит исторически Кремль так, как никто до него:

Да! Он земной! От пушек и ножа
Здесь кровь лилась...Он грозной был твердыней!
Пред ним склонялись мысли и душа,
Как перед славной воинской святыней.
Но как – взгляните – чуден этот вид!
Остановитесь тихо в день воскресный –
Ну не мираж ли сказочно-небесный –
Возник пред вами, реет и горит?

В этих стихах как будто речь идёт о наших днях. Многое понимал и видел Рубцов из шестидесятых годов 20-го века.

21 октября 1968 года издательство «Советский писатель» заключает с Рубцовым договор на сборник «Сосен шум» со сроком сдачи рукописи до 15 декабря 1968 г.

Вспоминает В.Макеев о беседах с Рубцовым (50):

«Однажды он перепечатывал в моей комнате рукопись новой своей книги «Сосен шум», и мне в течение десятка дней посчастливилось видеть его милым, трезвым и благообразным. Мы вдоволь насудачились о поэзии. Я, видимо, нравился ему своей откровенной молодостью, влюблённостью в Есенина и в него, тогдашней готовностью день и ночь читать и слушать стихи, и он не притворялся...

В действительности Рубцов блестяще знал всю русскую и многое из западной поэзии, например, наизусть читал Вийона. Малоформатный сборник Тютчева всегда носил в кармане пиджака, на какие-то простецко-щемящие мотивы напевал его стихи со слезами на глазах. Кроме Пушкина, вровень с Тютчевым не ставил никого, даже любимого Есенина, справедливо считая, что на уровне Есенина можно всё-таки написать несколько стихотворений, а Тютчев недосягаем вовеки. От Есенина, наверное, перенял страстную любовь к Гоголю, по памяти читал его большими кусками и почитал за гениального поэта.

Из современных поэтов, по правде говоря, очень высоко никого не ставил, не захлёбывался от восторга. Я видел его почтительным с Николаем Тряпкиным, сам по его просьбе знакомил с Фёдором Суховым, он уважал их творчество, но не более...

Цену он себе знал, вернее, угадывал. Перепечатав очередное стихотворение, отрывался от машинки и, поблескивая маленькими острыми глазами, размышлял вслух: «Конечно, Есенин из меня не получится. И Боратынский тоже. А вот стать бы таким поэтом, как Никитин, как Плещеев! Ведь хорошие поэты, правда? Русские поэты, правда? – и мечтательно улыбался...»

Скромно оценивал Рубцов своё место в русской поэзии. Время всех расставило по местам. И как бы ни пыжились известные в недалёком прошлом поэты, как бы ни рекламировали своих кумиров публичные ведущие, а в народе поют и слушают задушевные песни Рубцова. Ни одному поэту 20-го века не посвящено

столько стихов, как Рубцову. Эти стихи памяти и признания идут сплошным потоком, чему свидетельство – конкурс «Звезда полей».

В творческой папке Рубцова имеется преддипломный цикл под названием «Детство». В оглавлении поэт зачеркнул название и изъял стихотворение «В старом парке». Заменял его на «Зелёные цветы» из-за возможных идеологических сложностей на защите диплома. Книжку «Звезда полей» и подборку стихов «Зелёные цветы» Рубцов представил как выпускную работу на заочном отделении литинститута им. Горького и сдал государственные экзамены 26 декабря 1968 года (11). Присутствовали ректор института – В.Ф. Пименов, критик – Ф.Ф. Кузнецов, преподаватели – Н.Н. Сидоренко, В.П. Друзин, Е.А. Исаев.

Вспоминает А. Азовский (53):

«В последний раз видел я Николая Рубцова радостным, когда он сдал госэкзамены. Выскочил из двери, за которой сидела комиссия, и, как мальчишка, «ура» закричал. Всех встречных и поперечных обнимал. Да и как ему было не радоваться, если он из всего своего рода первым высшее образование получил».

Из отзыва Н.Н. Сидоренко (35, ГАВО, Вологда):

«Дипломная работа Николая Рубцова (книга «Звезда полей» и 10 стихотворений из числа написанных позднее) – свидетельство того, что в литературу пришёл на редкость своеобразный, цельный в своём творчестве поэт, знающий во имя чего мы просиживаем ночи над листом бумаги, наедине с поэзией.

Творчество Н. Рубцова органично и цельно, он в стихах честен и открыт и свою грусть, что порой охватывает душу, он не скрывает, не вуалирует ничем...

Может показаться, что в отдельных стихах Н. Рубцова слух улавливает «есенинские» интонации. Возможно. Но это не подражание, а национальное средство творчества, и тут С.А. Есенин в чём-то и помог младшему собрату, в чём-то поддержал, утвердил его».

Из отзыва В.В. Друзина на дипломную работу Н.М. Рубцова (35, ГАВО, Вологда):

«Тонкое и точное проникновение в мир русской природы, в характер русской национальной особенности – вот отличительная черта поэзии Н. Рубцова, ярко проявившаяся в книге «Звезда полей» с незаурядным мастерством.

Новые его стихи из цикла «Зелёные цветы» свидетельствуют о зрелом мастерстве поэта. Не только процитированное выше «На автостраде», и такие стихи, как «Во время грозы», «Шумит Катунь», «Городской пейзаж», «На ночлеге» - радуют читателя большой эмоциональной силой изобразительного мастерства.

Сейчас Н.Рубцов – поэт общепризнанный, в творческом движении его проявляется общее движение всей современной поэзии...

Дипломная работа Николая Рубцова – бесспорно отличная.

23.12. 1968 г.»

Из отзыва Е.А.Исаева (35, ГАВО, Вологда):

«Я помню её (книгу) сердцем. Помню не построчно, а всю целиком, как помнят человека со своим неповторимым лицом, со своим характером. Эффектного, ударного в книге ничего нет. Есть задушевность, раздумчивость и какая-то тихая ясность беседы. В ней есть своя особая предвечерность – углублённый звук, о многом говорящая пауза. О стихах Рубцова трудно говорить, как трудно говорить о музыке».

1968 год оказался очень насыщенным в поэтическом плане для Рубцова. Подготовлены подборки стихов для сборников «Душа хранит» (январь) и «Сосен шум» (декабрь), переданы для публикаций стихи в журналы «Октябрь», «Молодая гвардия», альманах «День поэзии», в газеты «Вологодский комсомолец», «Красный Север» и др.

И вот в конце декабря 1968 г. Николай Рубцов получает, наконец, в Вологде отдельную однокомнатную квартиру (точнее, ордер на квартиру). Конечно, в «престижном» пятиэтажном доме и на «престижном» пятом этаже (ул. Яшина 3, кв.66). Въезжает в эту квартиру Николай Рубцов позднее. Взамен приличной мебели у поэта чемодан с рукописями. И есть иконы.

Новый 1969 год поэт встречает в Вологде с В.И.Беловым, судя по информации Н.Старичковой (44).

В стихах Рубцова после морской службы нет восторженных лирических мотивов. Поэт не любил говорить о своей семейной жизни, но вспоминал о своей дочери Лене. 29 января 1969 г. «Вологодский комсомолец» публикует чистое оптимистическое стихотворение Рубцова «По дрова», в котором поэт рисует зимний никольский пейзаж.

Дед Мороз идёт навстречу.

– Здравствуй!

– Будь здоров!..

Я в стихах увековечу

Заготовку дров.

.....

Привезу я дочке Лене

Из лесных даров

Медвежонка на колене,

Кроме воза дров.

.....

Нагружу большие сани

Да махну кнутом

И как раз поспею к бане

С веником притом!

Открыто, для всего света говорит Рубцов о своей дочери Лене в прижизненном сборнике «Душа хранит» (1969 г.). После размолвки осенью 1968 года Рубцов написал стихотворение «Девочка», дата автографа 12.03.1969 г., предназначено для сборника «Зелёные цветы» (12, В.Зинченко). Глядя на игру девочки, лирический герой (поэт) переживает за ребёнка, за сиротство при живых родителях («что под самым грустным нашим взглядом, всё равно ей весело играть!»)

24 февраля 1969 г. из редакции «Молодой гвардии» Рубцову пришло письмо об издании сборника стихов. Ситуация с поэтическими публикациями меняется коренным образом.

В феврале 1969 года в Вологду переехала семья Астафьевых. Вспоминает Мария Корякина, жена В.П.Астафьева (11):

«На Коле тёмное ношеное пальто, шапка пирогом, шарф, пёстренький, довольно лёгкий для зимы, небрежно высовывался одним концом поверх пальто, на ногах разношенные валенки, а на руках – деревенские варежки-самовязки из овечьей шерсти...Руки отчего-то всё время держал напряжённо...И мне показалось: он нарочно руки так держит, напоказ, как бы «работает» под деревенского мужичка...Я после не раз буду убеждаться, что ему иногда нравилось «выглядеть» неряшливо: пальто – будто с чужого плеча, широкое, с длинными рукавами, помятое, шапка – тоже,

валенки – стоптаны... Объяснял это тем, будто проверяет, как же друзья и вообще люди к нему относятся, что думают о нём и что в нём ценят больше: его внешний вид или душу и талант...

Николай Михайлович почти весь вечер играл на гармошке. Пил он мало, то ли не в настроении был, то ли не хотел производить плохое впечатление – не знаю. А пел много – и так пел! Пел свои стихи, подладив под них музыку, сочетание необычное, великолепное, великолепное ещё, быть может, потому, что, как пел сам он свои стихи-песни, так никто не сможет...

... Николай, устроив гармошку на узеньких коленях, чудно переплетая ноги, ... прошёлся по клавишам, посмотрел в пространство, мимо или сквозь сидящих за столом и, отвернувшись вполоборота, запел:

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...

Слова-то какие! Шесть слов – а перед глазами целая картина – видение природы!...

Притихло застолье. Некоторые запокашливали, за сигаретами потянулись...

Когда разговор шёл о безграничности поэзии, Рубцов утверждал, что у каждого, даже самого посредственного поэта обязательно есть стихи, много или мало, пусть хоть одно, – мудрые, пророческие, всегда остающиеся современными и что все поэты, знают они это или не знают, хотят того или не хотят, – пророки. И тут же как пример приводил своего любимого Тютчева...»

В начале марта 1969 г. Николай Рубцов поехал в Рязань, где встречался с братьями Сафоновыми, посетил могилу Полонского. У В.Сафонова поэт играет на гитаре и поёт свои песни. Затем едет в Константиново, ходит по дому-музею Есенина и думает, думает.

18-м марта 1969 г. Рубцов датировал стихотворение «Поэзия», в котором по свежим впечатлениям поездки к Есенину сказал:

Теперь она, как в дымке, островками
Глядит на нас, покорная судьбе, –
Мелькнёт порой лугами, ветряками –
И вновь закрыта дымными веками...
Но тем сильнее влечёт она к себе!

Темп жизни ускоряется. 11 апреля 1969 г. к Николаю Рубцову из Кириллова после семинара культработников приезжает Генриетта. Они посещают Астафьевых. Пишет М.Корякина (11):

«Не помню, на второй или третий день после майских праздников перед обедом приходит к нам Николай Михайлович, постриженный, в голубой шёлковой рубашке, смущённо-улыбчивый, руки спрятаны за спину, а сам всё улыбается, и загадочно и радостно. За ним вошла женщина, светловолосая, скромно одетая, чуть смущённая, но полная достоинства. Мы как раз пили чай и пригласили их. Войдя в кухню, Николай торжественно поставил на стол деревянную маленькую кадучечку, разрисованную яркими цветами, – такие часто продают на базаре. В ней крашенные разноцветные яички. Заметив наше удивление, тут же выпалил радостно: «Сегодня же пасха! А вы и не знали? Я же говорил, что они не знают, – сказал он, обратившись к своей спутнице. – Христос воскрес! – весело воскликнул он. – А можно похристосоваться-то?»

Всем сделалось весело...Николай сообщил, что яички эти привезла Гета...

После пели песни. Николай заливается. Мы подтягиваем. А Гета, чуть откинувшись на спинку дивана, полуприкрыла глаза и всё смотрит, смотрит на него. Что свершалось в её сердце, о чём она думала, что переживала она?..»

По свидетельству М.Корякиной, разным бывал Николай Рубцов у Астафьевых: то мрачный, раздражённый и нетрезвый, то застенчиво-тихий, бледный. С удовольствием слушал классическую музыку. После поездки в Москву рассказывал, как побывал в литинституте, в издательстве. Сказал, что не любит бывать в Москве из-за разных бытовых встреч. М.Корякина также отмечает, что Рубцов приходил с неизменным томиком стихов Тютчева, и читал стихотворение «На кончину брата».

Весной 1969 г. поэт (член СП СССР!) защищает диплом. Как отмечают друзья, поэт был в тёмном хорошем костюме, в белой рубашке. К защите диплома Рубцов уже потерял особый интерес: он прошёл все препятствия, которые вольно и чаще специально создавали Рубцову на пути к высшему литературному образованию. За период шестилетней учёбы оценки Рубцова по основным предметам «удовлетворительно» и «хорошо». Согласно

документам ГАВО дипломная работа на тему «Звезда полей», стихи из цикла «Зелёные цветы», выполнена и защищена с оценкой «отлично». Государственные экзамены: марксистко-ленинская философия – хорошо; русская и советская литература – отлично.

22 мая 1969 г. на имя Рубцова Николая Михайловича выписан диплом серии У № 835829. Дипломная работа Рубцова завершила второй этап его творчества (осень 1962 г. – 1967 г.). Но уже были написаны и опубликованы новые стихи и до «пика» рубцовской поэзии было ещё далеко.

Согласно выписке из зачетной ведомости к диплому за время учёбы в Литературном институте Н.Рубцов сдал экзамены и зачеты по следующим гуманитарным дисциплинам (сведения взяты из Государственного архива Вологодской области). Ниже автор классифицирует предметы по одному из направлений (54):

1. Предметы в области национальных литературных знаний: устное народное творчество, древняя русская литература, русская литература 18-го и 19-го веков, история русской критики, история советской литературы, семинар по творчеству Есенина.

А теперь вспомним, как преломлялись эти знания в творчестве поэта, например, в стихотворении «Видения на холме».

Взбегу на холм
и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.

А вот, как понимал Рубцов творчество своих предшественников:

Вот Есенин –
на ветру!
Блок стоит чуть-чуть в тумане.
Словно лишний на пиру
Скромно Хлебников шаманит.

Смотрите, какой подтекст даёт Рубцов! Есенин – стихия поэзии, Блок – непознанный вестник Руси, Хлебников – искатель новизны в поэзии. «Куда несёт нас рок событий» – не знает никто из них.

2. Предметы в области зарубежной литературы:

античная литература, зарубежная литература, литература Средних веков и Возрождения, зарубежная литература 17, 18, 19 и 20 веков, современная зарубежная литература (Хемингуэй).

Известно, что Н.Рубцов в Кировске пропал в местной библиотеке, читал труды Платона, Аристотеля, Гегеля, Канта. Литератор Анатолий Азовский свидетельствует о «научном» споре в общежитии о литературе, о философской эрудиции поэта (51).

3. Предметы в области языкознания:

введение в языкознание, практическая стилистика, история русского литературного языка, французский язык, творческая работа.

В тексте «Осенней песни» есть строка «По канаве помчался, эх, осенний поток». Преподаватель по стилистике выступил против паразитного, на его взгляд, «эх». А Рубцов высказал мнение, что это «эх» придаёт движение строке и оставил текст без изменения.

Надо отметить, что Рубцов глубоко знал народный русский язык и применял эти знания в стихах. Многие «городские» поэты не могут оторваться от стандартного языка в городских условиях проживания и поэтому часто схематичны. И чтобы оживить свой городской язык, такие поэты начинают заниматься поиском надуманных образов и применением ступенчатых ритмических форм.

4. Предметы в области эстетики и литературной работы:

основы театрального искусства, основы музыки, основы изобразительного искусства, основы кинодраматургии, редакционное дело, основы эстетики.

Рубцов сопровождал свои песни игрой и на гитаре. Остались несколько записей. Причём, при среднем уровне игры он так отдавался исполнению песни, что у слушателей не было никаких претензий к техническим погрешностям.

О чтении стихов Рубцовым ходят легенды, это известно из воспоминаний современников. Поэт мастерски владел театральным искусством, паузой, интонацией, ритмом. Свои стихи Рубцов редактировал постоянно. Имеется несколько вариантов текстов и последний наиболее точен и эмоционален.

5. Предметы в области поэтического художественного творчества:

введение в литературоведение, теория и практика стихосложения, теория и практика драмы, теория и практика художественной прозы, теория и практика художественного перевода.

Известно, что техника стихосложения у Рубцова была непринуждённой и изменялась непрерывно. У раннего Рубцова видим «морской» цикл под влиянием советской идеологии и поэзии Есенина. В ленинградский период (1959-1962 г.г.) Рубцов увлекался ритмическими конструкциями (эстрадного характера юмористические стихи). В московский период (1962 – 1964 г.г.) наблюдаем переход к классическому стихосложению под влиянием Тютчева и Фета. Но уже наметился свой непринуждённый стиль, ни на кого не похожий.

С точки зрения драматического мастерства следует упомянуть поэму «Лесная сказка». Рубцов сказал тогда в поэме, что стремление к злату, богатству, наживе не кончаются добром.

6. Предметы в области современных Рубцову философии и идеологии:

история КПСС, политическая экономия, марксистско-ленинская философия, основы научного коммунизма, история СССР.

Известно, что Рубцов думал, как соединить идеи коммунизма (социальной Справедливости) и проповеди Христа (моральные заповеди). Поэт в стихотворении «Русский огонёк» сказал на века: «За всё Добро расплатимся Добром». До сих пор некоторые не понимают простой сути: не надо расплачиваться злом.

Творчество Рубцова на том этапе развития общества (70-е годы 20-го века) могло содействовать повороту к библейским идеалам. К этому шли и погибли в расцвете лет русские национальные идеологи: драматург Вампилов, кинорежиссёр и писатель В.Шукшин, критик Ю.Селезнёв, художник К.Васильев. Как будто их вычисляли сатанистские силы. Как известно, именно в среднем звене творческой интеллигенции формируется нравственность или безнравственность общества. Только сейчас приходит понимание необходимости духовного поворота к Добру, Любви, к детям, к Справедливости – базовым идеям Возрождения русского народа и коренных народов России.

13 июня 1969 г. из Архангельска старший редактор художественной литературы Северо-западного издательства В.Лиханова посылает письмо поэту с такими предложениями (35):

«Возвращаю Вам рукопись сборника стихов «*Душа хранит*» с нашими замечаниями. В целом рукопись может быть принята для издания, но кое-что в ней Вам необходимо доработать.

На наш взгляд необходимо снять из рукописи такие стихи как «*Во время грозы*», «*Пейзаж*», «*Старик*», «*Последняя ночь*», «*Памяти Анциферова*», «*Взглянул на кустик*», вызывающие возражения по своей идейной направленности. Не стоит включать в сборник «*В твоих глазах*», «*По дороге к морю*», «*Пальмы юга*», «*Последний пароход*», «*Когда душе моей*», «*А дуба нет*», «*Ласточка*», «*О собаках*», «*Я забыл как лошадь...*», «*Кружусь ли я...*», «*В избе*», «*Голова моя не дура...*», «*Ничего не стану делать*» как малозначительные, недостаточно продуманные Вами. Кстати думается, что стихи-шутки не сродни Вашему поэтическому дару, поэтому они и не удались Вам.

Поддерживаем мы и Ваше решение снять из сборника морские стихи, за исключением «*Мачт*», как менее яркие и характерные для Вас. Не ложатся, на наш взгляд, органично в сборник и стихи «*В пустыне*», «*В сибирской деревне*», «*Волнуется южное море*»...

В стихотворении «*Душа хранит*» хотелось бы обратить внимание автора на такие строки как «*о вид смиренный и родной*» и «*так век неслышно протечёт*».

Таким образом, Николаю Рубцову предлагалось фактически изъять 22 стихотворения, а также морские стихи. Многие эти стихи были ранее опубликованы в вологодских газетах в 1967 и 1968 г.г. В июне 1969 года Рубцов был уже членом Союза писателей СССР, выпускником литературного института и автором сборника «*Звезда полей*». Однако редактор Северо-западного издательства В.Лиханова имела свой взгляд на поэзию Рубцова, по сути вызывала поэта на конфликт, «*обрезав*» почти половину сборника, даже не предложила провести замену стихов и «*подставляла*» поэта под отказ от публикации. Фактически редактор подстраховывалась от весьма вероятных нагоняев за несоблюдение идеологической линии в издательской работе.

Затем, спохватившись, через месяц В.Лиханова направила другое письмо с согласием на издание. А стихотворение «*Мачты*» редактор сразу оставила в сборнике потому, что художник от издательства уже начал проработку идеи для обложки. Похоже, уже получил заказ и рисовал парусник со сломанными мачтами.

Глава 10. Рубцов: «Я спешу сложить свои стихи...»
(июнь 1969г....19 января 1971г.)

«Душа хранит», «Сосен шум», «Зелёные цветы» – новые сборники русских народных песен и стихов. Рубцов: «Над моей счастливою любовью вдруг мелькнуло чёрное крыло...».

23 июня 1969 г. к Николаю Рубцову на квартиру явилась прямо с поезда, узнав его адрес в Вологодском отделении Союза писателей, начинающая «поэтесса» Людмила Дербина (по первому мужу Грановская), «поклонница» волков и звериных образов. Придётся объяснить, почему слово «поэтесса» взято в кавычки.

Рубцов в последний период жизни прославлял, как и раньше, Родину – Россию. Но в его стихах постоянно жила и тревога, и забота о родном народе. И не было никакого эгоизма. Стихи Рубцова уже тогда могли стать всенародными песнями. А вот это не устраивало определённую часть поэтической элиты, которая кроме своих меркантильных интересов ничего вокруг не видела и не хотела видеть. Схватка Добра и Зла – это вечная борьба независимо от вида строя в стране. Схватка должна была произойти. И Рубцов чувствовал давно «чей-то злой настигающий топот». Именно поэтому он писал:

Я спешу и к сумеркам глухим,
И к рождению солнечных рассветов,
Я спешу сложить свои стихи
И прочесть стихи других поэтов.

Чтобы понять взаимоотношения поэта с Дербиной следует «копнуть» существо проблемы. Уровень поэзии, как правило, оценивают по внешним признакам (качество рифмовки и образности стиха). А этого, по меньшей мере, недостаточно. Чтобы разобраться в расплывчатых понятиях поэзии и в загадочных личностях, автор предлагает такую последовательность факторов:

1.Творческая позиция автора. С кем автор?

А) Если автор пришёл к пониманию Божественного существа мира и связи с малой и большой Родиной, к народным традициям Добра и Справедливости, тогда он отражает духовное понимание жизни

Б) Если автор остался на примитивных принципах реализации своих низменных инстинктов, ведёт погоню за золотым тельцом, приобрёл большое самолюбие, перешедшее в эгоцентризм, то автор отражает животное понимание мира.

2. Образное мышление, то есть умение отразить изменяющийся окружающий мир нестандартными символами (образами); оно также обуславливает творческую позицию автора (духовное или животное понимание окружающего мира).

3. Ритмическая основа или, что существеннее, музыкально-ритмическая основа выполнения стихотворного произведения. Это то, что можно назвать техникой стихосложения (чему доучивают и подучивают в гуманитарных институтах).

4. Глубокие знания родного языка, родной и мировой литературы и истории, непрерывное увеличение знаний для обогащения лексики и содержания произведений (уровень образованности писателя).

В тот день, 23 июня 1969 г. Рубцов собирался поехать в Тотьму, а потом до Николы, к Гете и Лене. Но явилась Дербина и тут же увязалась поехать с поэтом на пароходе. Во время поездки из Вологды до Тотьмы Л.Дербина и Н.Рубцов поссорились на почве поэзии (ссылаясь на «воспоминания» убийцы, об этом сообщает Н.Коняев). Дербина была влюблена в поэзию М.Цветаевой, а Рубцов назвал её чёрнокнижницей и ведьмой (по публикациям «поэтессы»). Известно, что у Рубцова любимыми поэтами были Ф.И.Тютчев, А.А.Блок, А.А.Фет, А.С.Пушкин, А.В.Кольцов. С весны 1969 г. после въезда в отдельную квартиру и размолвки с Гетой поэт оказался в Вологде в бытовом одиночестве. Имея большое количество приятелей, Рубцов не имеет женской опоры.

Разведённая напористая Дербина приехала в Вологду на поиск счастья и чинов. Свою малолетнюю дочь Ингу она, в основном, оставляет родителям в г.Вельске Архангельской области. Дербина знала, что в то время Вологодский обком КПСС «привечал» квартирами и работой писателей и поэтов и из других краёв. Она окончила в 1960 г. Ленинградский библиотечный институт, своими знаниями и игривостью она смогла завлечь Рубцова.

В Тотьме Рубцов и Дербина зашли к Баранову Василию Ивановичу (редактор газеты «Ленинское знамя»). Вспоминает Баранова Галина Дмитриевна (жена редактора и сестра Багрова):

«Последний раз он (Рубцов) был у нас, на Гущина, 12 в июне 1969 года с Людмилой Дербиной. Оба пришли, выпивши, с распечатанной бутылкой водки. Дербина мне сразу не понравилась, я ушла и не стала даже знакомиться. Муж немного посидел с ними, беседа не клеилась. Тогда Дербина закупорила всё ещё недопитую бутылку, положила в сумку и они ушли...»

Уже во время этого пребывания в Тотьме Рубцов и Дербина не раз ссорились и, как теперь становится ясным, из-за характера «поэтессы», которая любила подразнить своего спутника и ёрничала над его задушевными чувствами.

После возвращения из Тотьмы Рубцов в конце июня 1969 года поехал к товарищу по литинституту, поэту Александру Сизову на реку Ветлуга, г.Варнавино Нижегородской области. Об этой поездке Рубцова вспоминает А.Сизов (11):

«Вот лес раздался – пошла лесная кулига, поляна то есть, на краю которой, у мощной стены бора, серело несколько заколоченных изб. Ляленка...

В одной избе ещё жила неприметная старушка, и мы... поселились у неё.

Высился над деревней угрюмый, поросший лесом бугор.

– Лялина гора! – показывала тёмным перстом старушка. – Клады Лялины там по сею пору в землянке лежат.

– Какие клады, бабушка?

– Погоди, расскажу.

И слышали мы красивую лесную сказку о Ляле-разбойнике и его кладах, о лесной девке и прекрасной княгине Лапшангской, о молодом атамане Бархотке.

Коля загорелся сразу. Он даже не стал старушку дослушивать.

– Я обещаю тебе, Саша, напишу об этом. Только по-своему.

– Ты посмотри, тут и местность как обозначена: речка Ляленка, деревня Бархатиха. А самая распространённая фамилия – Шалухины.

– Это уже не так важно».

Можно предположить и даже утверждать, что определённые ассоциации возникли у Николая Рубцова в связи с вторжением в его жизнь случайной начитанной «поэтессы» и узнаванием красивой трагической легенды сразу после этого знакомства.

В августе-начале сентября 1969 года Рубцов живёт у своего

друга, известного писателя В.И.Белова в дер.Тимониха Вологодской области и на основе Варнавинской легенды создаёт лесную сказку «Разбойник Ляля». В этом произведении Николай Рубцов глубоко раскрывает психологию взаимоотношений действующих лиц. Это была уже новая грань поэзии. Видно, что Рубцов владеет приёмами драматургии. И главное: автор в этом произведении показал, что погоня за золотом или попытка не сдержать данное слово оборачиваются трагедией для персонажей.

25 июля 1969 года старший редактор Северо-западного издательства Лиханова сообщила, что передаёт сборник «Душа хранит» в набор. Но сборник был сдан в Вологодскую областную типографию 15 октября и в конце года был выпущен в продажу.

В течение года Рубцов согласовывает в издательстве «Советский писатель» сборник «Сосен шум», непрерывно пишет, вернее, сочиняет и оставляет в голове множество стихов.

Осенью 1969 г. Николай Рубцов был принят на некоторое время в штат газеты «Вологодский комсомолец». Рецензировал рукописи начинающих, давал литературные консультации.

7 ноября 1969 г. районная вологодская газета «Призыв» в Харовске опубликовала «Песню» («Отцветёт да поспеет на болоте морошка...»), которую сразу запели в народе. Ощущаемый подсознательно смысл развала малых деревень, отъезда молодёжи за красивой жизнью показан с лёгким юмором и глубокой болью за малую Родину. А предвидения, предчувствия, размышления, представленные в «Песне» (она известна в народе как «Морошка») настигают душу читателя:

Жаль мне доброе поле,
Жаль простую избушку,
Жаль над омутом старую ель...
Что ж так жалобно плачет
На болоте кукушка?
Что ж не спит по ночам коростель?

После поездки в Тотьму и ссоры с Рубцовым в июне 1969 г. Дербина решала свои карьерные дела. Она «пробила» в отделе культуры вызов в Вологду и в начале августа оформилась заведующей библиотекой в двух километрах от города.

Как обычно, Рубцов пишет и публикует стихи по конкретным событиям своей жизни, которые он не считал случайными.

Летом 1969 года с Рубцовым (членом СП СССР) «случайно» встретилась Т.Агафонова (Решетова). К этому времени у неё двое детей, она закончила Вологодский педагогический институт, знала о Рубцове-поэте. Но в первых публикациях писала, что 15 лет не встречала поэта. В брошюре «И золотое имя Таня...» Агафонова сообщает, что она «случайно» видела Рубцова в Вологде примерно в 1966 и 1967 г.г. Но разговаривать ни он, ни она не захотели.

Итак, замужня Т.Агафонова (Решетова) окликает Рубцова, который шёл со спутницей (вероятно, со Старичковой), и вступает с ним в беседу. Далее опубликовано, что Т.Агафонова 12 августа 1969 г. заходила на квартиру к поэту и оставила записку о приходе вечером. Затем Т.Агафонова сообщает, что Рубцов встретил её в пьяном состоянии и она сбежала с негодованием (21). Но надо знать Рубцова, чтобы понять, что он специально встретил Агафонову в нетрезвом виде (не хотел с ней больше встречаться).

В газете «Вологодский комсомолец» (31 августа 1969 года) и в журнале «Наш современник» (1969, №9, значит текст передан в журнал в июле 1969г.!) опубликован «Ответ на письмо»:

Что я тебе отвечу на обман?
Что наши встречи давние у стога?
Когда сбежала ты в Азербайджан
Не говорил я «Скатертью дорога!»
Да, я любил. Ну что же? Ну и пусть.
Пора в покое прошлое оставить.
Давно уже я чувствую не грусть
И не желанье что-нибудь поправить.
Слова любви не станем повторять
И назначать свидания не станем.
Но если всё же встретимся опять,
То сообща кого-нибудь обманем...

Интересен подтекст Рубцова «сообща...обманем». Это уже не шутка! Есть информация, что Рубцов написал стихотворение ещё в 1958 году (вероятно по следам письма беременной Татьяны от 1957 года). Но публиковать стал тогда, когда возникла необходимость.

К 1 сентября, к началу работы в библиотеке в Вологде появляется Дербина, которая пошла на контакт с Рубцовым после ссоры в июне 1969 года в Тотьме. Пригласила в октябре в гости. Зачем? Видна же была несовместимость мировоззренческая.

1 января 1970 года «Вологодский комсомолец» публикует «Выпал снег» и «Вечерком».

Выпал снег – и всё забылось,
Чем душа была полна!
Сердце проше вдруг забилося,
Словно выпил я вина.
Вдоль по улице по узкой
Чистый мчится ветерок,
Красотою древнерусской
Обновился городок.

Когда демагоги говорят и «не поумневшие адвокаты» повторяют измышления о Николае Рубцова, хочется их спросить: «А судьи кто?». Как сказал великий И.А.Крылов: «...не лучше ль на себя оборотиться?». Рубцов ещё в письме от 18 ноября 1964 г. из Никольского к поэту Ст.Куняеву пишет: «В общем, всё бы ничего, но иногда очень хочется водки, а её не на что взять, и я проклинаю этот божий уголок за то, что нигде здесь не подработаешь, но проклинаю молча, чтоб не слышали здешние люди и ничего обо мне своими мозгами не думали. Откуда им знать, что после нескольких (любых: удачных и неудачных) написанных мною стихов мне необходима разрядка, выпить и побалагурить!» (12).

Те, кто видел фильм о поездке вологодских писателей, в том числе Рубцова, по Волго-Балтийскому каналу в августе 1967 года, обратят внимание на застолье, в котором участвовали все писатели. Вяч. Белков приводит такой случай (55):

«Однажды Рубцов, Романов и партийный работник В.Невзоров немного посидели в одном из вологодских ресторанов. Когда вышли, то захотели поехать на такси. Водитель сначала не хотел их сажать («вы пьяные»), но потом посадил и отвёз ... в милицию!

К счастью, наша троица недолго просидела за решёткой – кто-то узнал Невзорова, и всех выпустили. Даже прислали какую-то машину, чтобы развести их по домам...

Как вспоминает Василий Невзоров, секретарь обкома Дрыгин потом отругал его за то, что сразу к ресторану не вызвал служебную машину».

Вот такие были «порядочные» таксисты. А подобный случай в апреле 1965 года в Москве закончился для Рубцова очередной провокацией. Любят у нас некоторые лакеи выслужиться.

В феврале 1970 г. Рубцов приезжает в Москву для похода по редакциям. В марте едет на Урал – по следу затерявшегося Альберта. 1 марта был в Свердловске. Но отыскать брата не удаётся. 27 марта 1970 г. Рубцов делает обзор стихов молодых вологодских поэтов. В апреле- начале мая поэт снова в Москве.

В начале июня 1970 года поэт в командировке в Великом Устюге, встречается с товарищем по детдому А.Мартюковым, который работает редактором местной газеты «Советская мысль» (11, 56). А.Мартюков сообщает, что Рубцов собирался встретиться с Гетой и переговорить о совместной жизни. А во время застолья после замечания друга детства о том, что говорят, что он много пьёт, Рубцов сразу же отставил рюмку и больше не прикасался к ней (11,56). 6 июня 1970 г. «Советская мысль» публикует «Листья осенние», где поэт с тревогой пишет:

Листья осенние
Где-то во мгле мироздания
Видели, бедные,
Сон золотой увяданья,
Видели, сонные,
Как, натянувши поводья,
Всадник мрачнел,
Объезжая родные уголья.
.....
Вдруг, пробудясь,
По лесам зароптали берёзы,
Словно сквозь дрему
Расслышали чьи-то угрозы,
Словно почуяли
Гибель живые созданья...
Вот он и кончился,
Сон золотой увяданья.

Предчувствия Рубцова о действии каких-то враждебных сил, к сожалению, оправдываются. Слушая звуки природы, поэт слышал голоса и передавал своё понимание и предупреждение через живых представителей природы – русские берёзы.

9 июня 1970 г. происходит новый серьёзный конфликт поэта с Дербиной. «Подруга» мелькнула в окне и не пустила его в свой дом (кто-то был у неё!). Рубцов пробил двойное стекло и едва не погиб из-за сильнейшего пореза вены. Спасли его в больнице.

В середине июля Рубцов приезжал на несколько дней в Вельск, где Дербина поила его домашним пивом (брагой, видимо). И опять возник конфликт. В 20-х числах июля Николай Рубцов при поездке с Дербиной в село Новленское (к бабушке С.Чухина) опять получает травму. «Подруга» выбросила осколки битой посуды в траву около крыльца и Рубцов, который ходил босиком, попал на эти осколки. Он так порезал ногу, что не мог опираться на неё и костылял с палкой до транспорта. А Дербина смеялась над подраненным поэтом. Рок, который преследовал Рубцова в последний период жизни, имел конкретный адрес.

В конце июля – начале августа Рубцов ждал Гету с Леной в Вологде. Гете надо было купить для Лены школьные принадлежности. Это был решающий момент для воссоединения семьи. И хотя у Дербиной была своя крыша над головой, она ночевала у Рубцова. Гета с Леной застали Дербину на квартире. Гета тогда заметила прихрамывающего Рубцова и узнала по описанию даму.

В журнале «Слово» № 7-8 за 1993 год на стр.89 убийца сообщает, что при этой встрече Н.Рубцов выгнал Генриетту Михайловну с дочерью. Однако, свидетельница эпизода сообщает, что Рубцов бежал за Леной и Гетой неодетый, и всё кричал: «Родные мои! Не уходите! Не покидайте меня! Я погибну без вас!» И даже на улицу выбежал. То же самое пишет Елена Рубцова.

В разных изданиях убийца по-разному представляет этот эпизод августа 1970 г., случай от 9 июня 1970 г. с порезом вены у Рубцова, а также версии «схваток» с Рубцовым и убийства в Крещенскую ночь. Один из главных православных праздников, день Крещения, Дербина испоганила убийством лучшего русского поэта 20-го века. Везде у «поэтессы», а теперь и «мемуаристики» – ложь на лжи. Не зря сообщил писатель Василий Иванович Белов, что ни одному слову этого «рыжего Дантеса в юбке» верить нельзя.

Вспоминает о Рубцове В.Макеев (50):

«О неприятной и нескладной внешне жизни Рубцова написано немало и сочувственно. Его сиротское, детдомовское, корабельное, а потом почти до конца сплошь общежитское житьё-бытьё даже сегодня, при полной ненужности поэтов обществу, выглядит страшным. Но на моей памяти никаких подачек он ни у кого не просил и права не качал, разве что «стрелял» пятёрку-другую по-студенчески. Раз, дотла прожившись, мы ездили к Борису Слуцкому занимать червонец...

Когда Рубцова наконец-то широко распечатали, деньгами он особенно не сорил, видно сказывалась детдомовская привычка, но в неожиданных обстоятельствах любил шикануть. Как-то поздно ночью мы с рязанским поэтом Борей Шишаевым провожали его в Вологду. Растроганный Рубцов купил две бутылки шампанского, благодушно повелев нам отыскать стакан...

Последний раз я встречался с ним осенью 1970 года. Как всегда, по приезду в Москву он остановился в родном общежитии, хотя диплом давно защитил с отличием. На этот раз ему выделили отдельную комнату в угловом уютном «сапожке». В это время у заочников шла экзаменационная сессия, общежитие гудело, как растревоженный улей. Прославленного Рубцова позвали пировать к себе заочницы. Он приглашал меня с собой, ибо не любил бывать один в женском окружении...

Про женщин в его жизни я не знал ровным счётом ничего. Он нежно вспоминал свою далёкую дочурку... Чуть, казалось, брезгливо относился к оголтелым поэтессам. Женщинам того круга, где он вращался эти годы, душа была не нужна, несмотря на их рифмованные и прозаические заклинания, а кроме души, да и то потаённой, глубоко колодезной, у него ничего не было. Поэтому из-за своего самолюбия он поневоле держался с ними заносчиво, а на деле – застенчиво и уязвлённо».

В последних опусах Дербина пишет о конфликтах с Рубцовым. Ссылается на две причины: ревность поэта и пьянство. Но важно, что «поэтесса» признаётся в том, что она старалась при ссорах дать сдачи Рубцову. Об отношении к поэту она сказала в таких «стихах»:

Ты видел: тебя не любила,
Не видеть ты это не мог...

И спрашивается: А зачем же тогда раз за разом после ссор она приходила на квартиру к Поэту?

И почему, зная ранимый характер Рубцова, она всё время играла на ревности в общих кампаниях с друзьями поэта. Известно, что Рубцов ни с одной другой женщиной не конфликтовал. Доброжелательно относился к Н.Старичковой, О.Фокиной, Н.Груздевой, к Генриетте Михайловне. И ни в одну женщину, кроме Дербиной не запускал кастрюли с супом, как об этом сообщает «поэтесса». О чём-то это говорит!

Очень симптоматичен случай с так называемым самопожаром в квартире Рубцова. Поэт ушёл на несколько часов из дома и как раз в это время у него на столе загорелись и сгорели одновременно три свечи, прогорел стол и огонь остановился у иконы Неопалимой Купины. А вся квартира была черным-черна после пожара. Дербина объясняла этот случай действием высших сил. Но спустимся малость на землю. Как сообщает Дербина, у неё был ранее ключ от квартиры, который она «потеряла». Кстати сделать дубликат ключа не представляло сложности из «потерянного» любому желающему. Рубцов обнаружил, как сообщает Дербина, что у него кто-то бывает в его отсутствие. Значит, кто-то следил за Поэтом. Но этот факт Дербина осмеяла при выяснении ситуации с поэтом. Причина просветляется. Известен случай, когда за Рубцовым на вокзале следили и своровали чемодан. Хорошо, что поэт свои стихи всегда держал в голове и надиктовывал их или печатал на машинке непосредственно перед сдачей рукописи.

19 сентября 1970 года в «Вологодском комсомольце» опубликовано стихотворение «Жёлтый цвет». Дербина признаёт, что эти стихи адресованы ей. Однако она изъяла при публикации две строки последней строфы, которые явно свидетельствуют о прозрении Рубцова в отношении характера «поэтессы». Придётся привести фрагмент из последней строфы:

Но как придти
К желанному концу?
И впрямь, быть может,
Это цвет измены,
А жёлтый цвет
Как раз тебе к лицу.

Нужно знать, что у мужчин жёлтый цвет в те времена считался цветом измены женщины. Поэтому такие строки поэта Дербина должна была принять как оскорбление. А для Рубцова это было разоблачение «подруги». Особенно после «интимного» случая от 9 июня 1970 года и попытки в связи с этим упрятать поэта в ЛТП (лечебно-трудовой профилакторий). Помалкивает Дербина и о стихотворении «Люблю змею...», которое было прямо адресовано ей.

Люблю змею, когда она,
Вся извиваясь и свисая,
Ползёт, глазами завлекая...
О, Господи! Ведь я сама такая!

Осенью 1970 года Рубцов явно пытается сам решить семейно-бытовой вопрос. В октябре поэт ездил в Тотьму на встречу с Гетой, но они не договорились о совместной жизни. В октябре в Москве Рубцов просил поэтессу Ларису Васильеву приютить его в её семье. Но та уклонилась от ответа. Поэт в тупике.

В октябре-декабре – непрерывные конфликты с Дербиной на почве поэзии и её игривого поведения в дружеских кампаниях. С 17 ноября 1970 года Дербина нигде не работает. Хотя пропадает непрерывный стаж, что важно при оплате бюллетеня и на будущее.

30 ноября к Рубцову приходит А.Романов, видит Дербину и удивляется, ведь «два медведя в одной берлоге не живут».

Учитывая важность прояснения бытовой ситуации непосредственно перед гибелью Н.М.Рубцова, автор приводит статью Геннадия Сазонова, подготовленную на известных материалах, опубликованную в газете «Труд» от 13 марта 2002 года и содержащую неизвестное до сих пор письмо поэта.

«ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ПОЭТА»

Оно свидетельствует о том, что Николай

Рубцов хотел «упорядочить» свою жизнь

Любая подробность о жизни Рубцова вызывает интерес у читающей публики. На днях областная газета «Красный север» поместила воспоминания о поэте бывшего партработника Виктора Грибанова. Впервые он полностью опубликовал одно из неизвестных писем стихотворца.

«Лукавить не буду, не люблю: конечно, Николай Михайлович поповал, – вспоминал Грибанов. – Надо был как-то помочь ему. Возникло намерение поговорить по душам, посоветовать упорядочить свой быт, так как домашняя неустроенность мешала его спокойствию, а в конечном счёте – творчеству. Чтобы беседа носила неофициальный товарищеский характер, я попросил принять в ней участие Белова и Астафьева. Они согласились. У меня какой расчёт был? Если Николай Михайлович воспримет меня только как секретаря обкома, то к голосу своих товарищей не может не прислушаться. Естественно, о каком-то наказании, тем более отправке в ЛТП, и речи не могло быть. Нам Рубцов уже тогда представлялся одним из самых (если не самым) значительным лирическим поэтом.

И вот Николай Михайлович вошёл в кабинет. Думаю, он догадывался, зачем его пригласили, но, по-видимому, не ожидал, что нас будет трое. Почему-то с ходу набросился с упрёками на Астафьева. Я был обескуражен. Чтобы снять возникшее напряжение, предложил: «Давайте, Коля, так договоримся. У нас было желание поговорить с вами по душам, и ничего больше... Если найдёте нужным встретиться с нами, то мы готовы встретиться. Если же не захотите, то так тому и быть».

Спустя неделю я получил от Рубцова письмо. Считаю принципиально важным опубликовать его полностью. Вот оно – страничка машинописного текста.

«Секретарю Обкома КПСС

тов. Грибанову В.А.

от писателя Рубцова Н.

Уважаемый Виктор Алексеевич!

Извините, пожалуйста, за беспокойство. И позвольте обратиться к Вам не в форме какого-то заявления, а просто в форме неофициального письма.

Тогда на приёме у Вас, я неважно чувствовал себя, поэтому был рассеян, плохо понимал, что происходит, а это привело меня к какому-то легкомыслию в разговоре.

Теперь же, в совершенно хорошем состоянии, я глубоко сознаю всю серьёзность и справедливость Вашего замечания насчёт того, что мне необходимо упорядочить бытовую сторону своей жизни.

Сознавать это мне тяжело не столько потому, что в таких

случаях всегда может случиться наказание (хотя бы и доброжелательное), сколько потому, что мне стыдно, – стыдно вообще, но особенно перед Вами, так я всегда благодарен за то большое добро, которое видел со стороны Обкома КПСС по отношению ко всем нам и ко мне, в частности.

Заверяю Вас, что я не только безусловно принял к сведению Ваше замечание, но и что оно послужит хорошим уроком для меня в дальнейшей жизни и, конечно, даст необходимые результаты.

С глубоким уважением Н.Рубцов»

Как видно из письма, продолжал Грибанов в интервью, а написано оно за три-четыре недели до гибели – скорее всего, в декабре 1970 года, Рубцов собирался «упорядочить» бытовую сторону своей жизни. И никакого, даже самого отдалённого намёка на то, что хочет каким-то образом свести с ней счёты. Его письмо я расцениваю не как обычное, вроде бы извинительное по отношению ко мне послание, а как момент личной исповеди, разумеется, в той мере, в какой это возможно сделать в официально-неофициальном контексте. Рубцов хотел убедить, и прежде всего себя, что будет, что может стать другим. Вне сомнения, он понимал, какое высокое предназначение выпало на его долю и что этим надо дорожить – не обронить, не потерять. Он был полон желания жить и творить».

Целесообразно прокомментировать эту важную статью.

Первое («лирическое») отступление.

Надо, конечно, знать независимый характер поэта, чтобы понять его поведение в обкоме. Рубцов готов был обсуждать свою личную проблему один на один с одним из руководителей обкома. Но когда в роли учителя он видит В.П.Астафьева, то это для него неприемлемо. А судьи кто? Во-первых, в то время Рубцов был в ссоре с В.П.Астафьевым. Во-вторых, Астафьев не мог выступать в роли воспитателя Рубцова по алкогольной проблеме, хотя бы потому, что они вместе выпивали не раз и что сам Астафьев признавал себя за «артиста» в этой области (смотрите внимательно статью В.П.Астафьева «Затеси», «Новый мир», № 2, 2000 г.)

Второе отступление (комментарий). Рубцов очень грамотно построил письмо В.Грибанову. С долей показного покаяния (на деле скрытого лукавства) он пишет, что «я неважно чувствовал себя, поэтому был рассеян, плохо понимал, что происходит...»

Третье отступление. Рубцов действительно благодарен руководству вологодского обкома КПСС «за то большое добро», то есть сначала за комнату, потом за отдельную квартиру. И ему неудобно перед руководителями, которые решали его жилищную проблему.

Четвёртое отступление. Жизненные обстоятельства складывались так, что семья за длительный период времени (с 1965 по 1970 г.г.) никак не могла воссоединиться. Только с начала 1968 г. у Рубцова появилась комната, постоянное жильё. Принять в неё жену, дочь и тещу было проблематично: женщинам надо было менять условия жизни деревни на городские. В ноябре 1968 г. примирению помешал вызов в суд на взыскание алиментов. Надо знать мужскую психологию: после такого факта мужчина сразу или на время отвергает совместную жизнь.

В июне 1969 г., когда Рубцов собрался ехать в Тотьму и далее в Ниолу, и в августе 1970 г. в Вологде планы поэта были разрушены Л.Дербиной. Рубцов после беседы в обкоме пытался решить семейно-бытовую проблему. И то, что на новый 1971 год жена и дочь не приехали, явилось решающим обстоятельством для последующего поведения Рубцова. Поэт в тупике. И он ошибся, попытавшись повернуться к «поэтессе».

О любви не было речи. Было обещание поэта обкому. Может быть, Николай Рубцов предполагал, что «стерпится-слюбится». Это реально для простой русской женщины, но не для такой самолюбивой личности, как Дербина.

Рубцов, ожидая Гету и дочь, пишет жизнерадостное стихотворение «За тост хороший», которое было опубликовано 1 января 1971 г. газетой «Красный Север» и в котором поэт сказал:

Теперь шампанского не грех
Поднять бокал за тост хороший:
За Новый год,
за детский смех,
За матерей, за нас за всех,
За то, что нам всего дороже.

О стихотворении «Я умру в крещенские морозы, / Я умру, когда трещат берёзы...», происхождение которого загадочно. Попытка недругов или недалёковидных друзей представить, что Рубцов, как

бы, сам желал уйти из жизни или накликал на себя тёмные силы для борьбы с ними, не имеет оснований. Чернота приходит без приглашения.

Когда даже доброжелательно настроенные к Рубцову исследователи повторяют эти «крещенские» строки, они как бы соглашаются с Роком, злым Роком, с которым честные православные люди не имеют права соглашаться. Здесь видна явная ловушка для друзей Рубцова. Она состоит в том, что эти друзья фактически подыгрывают убийце, когда та заявляет о действии высших сил и подводит читателей и слушателей к мысли, что она явилась лишь исполнителем этого Рока (указания свыше). Вот здесь мы имеем дело с коварством высшего порядка со стороны убийцы и стоящих за ней сатанистских сил.

А откуда у Рубцова это стихотворение? Оно опубликовано было только в 1977 г. в сборнике «Стихотворения».

Не написано ли оно по заказу «друга» Поэта? Очень видна заданность темы по времени исполнения (Крещенские морозы). И очень напоминает факт реализации темы смерти по этому тексту у Рубцова с аналогичным стихотворением Есенина перед его убийством («До свиданья, друг мой, до свиданья...»), которое было написано кровью и неизвестно до сих пор, а Есенин ли его написал или убийцы поэта.

Создаётся впечатление, что с Рубцовым непрерывно вели заданную психологическую игру, зомбировали на думы о смерти. Последние три месяца шла непрерывная атака на психику Поэта (постоянные конфликты с «невестой», гулкие шаги и стук «Командора» в квартиру, намёки Поэту на близкую смерть и др.).

Тайна состоит ещё и в том, что в документах Рубцова найдено провокационное шулерское стихотворение (44):

За железною оградой
Уже вырыта могила,
И поёт над ней надсадно
Ветер песнь свою уныло.
И бросает снег солёный
На лицо друзей и плечи,
Твой земной неугомонный
Кончен мир, потухли свечи.

Кто же написал и подложил Рубцову эти стихи?! По стилю нетрудно догадаться. И встаёт вопрос: А кому было выгодно устранение Поэта?

Как иногда спрашивают-утверждают на вечерах памяти Поэта: это, будто было выгодно КГБ.

Да ничего подобного! Надо раз и навсегда развеять этот миф, запускаемый в общество с целью дискредитации органов власти и увода от Истины – причины убийства поэта.

Во-первых, Рубцову позволили вступить в Союз писателей СССР, ещё до окончания литературного института, что в те годы было редчайшим явлением. И это при таких фактах, как привод в вытрезвитель за несколько месяцев до приёма, множество приказов по литинституту за нарушения, текст строфы антисоветского содержания («Я в ту ночь полюбил все тюремные песни, /Все запретные мысли, весь гонимый народ»).

Во-вторых, Рубцову дали сначала комнату, а затем отдельную квартиру. А в случае переезда жены с дочерью дали бы и новую увеличенную квартиру, тем более в Вологде, где писателям создавали и быстро жилищные условия.

В-третьих, Рубцова приглашали в запланированные обкомом КПСС поездки по городам Севера России с вечерами-выступлениями, и он в мероприятиях активно участвовал.

В-четвёртых, Рубцову давали возможность выпускать сборники стихов. В журналах и газетах, в том числе в центральной газете «Правда» были даны положительные рецензии. Если бы захотели, то разгромили бы поэзию Рубцова.

А творчество Рубцова могло сыграть поворотную роль в духовном Возрождении России, как базовой основы Советского Союза. В стране уже прекратилось разрушение церковей. Начались системные экскурсии по Золотому Православному кольцу России... И были явные и скрытые противники, которые боялись духовного прозрения русского народа! Вот ещё одна разгадка тайны гибели Рубцова. Его «вычислили» сатанинские силы.

Известные сведения о поведении «невесты» и о состоянии квартиры поэта говорят о том, что Дербина и не собиралась замуж за Рубцова. Иначе бы она, зная о крупных гонорарах поэта, помогла приобрести комплекты посуды и приличную мебель, то есть создать нормальные бытовые условия. Выясняется, что ей

было неприемлемо по состоянию мировоззрения стать женой поэта Рубцова: значит, была другая цель.

И Дербина сводит счёты с Рубцовым, «даёт отпор» и играет на животных инстинктах. Н.А.Старичкова пишет (44):

«После смерти Рубцова в его квартире домоуправ извлёк из-под клеёнки, словно искал какой-то тайник, фотографию и улыбнулся: «Это она. Я её тоже возьму». На фотографии Дербина вызывающе смотрела, как на картине Ренуара «Обнажённая». Разбросанные по квартире сорочки, женское нижнее бельё – всё это было сделано для того, чтобы привлечь Рубцова к женщине Дербиной».

Разоблачение убийцы приведено в книге В.Коротаева «Козырная дама» (51), в книге Н.Старичковой (39), в статье В.Астафьева «Затеси» (52), в статье А.Романова «Искры памяти» (11), в статьях вологодского писателя А.Цыганова.

О характере «поэтессы», о её «поэзии» со звериными образами, о её «схватке» с Николаем Рубцовым, об обстоятельствах гибели народного русского поэта читатель может узнать в книге **«Тайна гибели Николая Рубцова»** (59, 2-е издание;), (60, 3-е издание).

А Николай Рубцов ещё 28 июля 1964 года в Никольском написал поэтическое откровение «Я переписывать не стану...».

Я переписывать не стану
Из книги Тютчева и Фета,
Я даже слушать перестану
Того же Тютчева и Фета,
И я придумывать не стану
Себя особого Рубцова,
За это верить перестану
В того же самого Рубцова,
Но я у Тютчева и Фета
Проверю искреннее слово,
Чтоб книгу Тютчева и Фета
Продолжить книгою Рубцова!..

В 1969-1970 г.г. Рубцов пытается выпустить сборник «Зелёные цветы», с названием которого при жизни поэта не согласился редактор. Для согласования названия Рубцов 19-го января 1971 г. собирался поехать в Москву.

*Глава II. Творческая позиция и мастерская Н.М.Рубцова
Ведическое, православное, мистическое мировоззрение, богатство
народного языка, народная философия, исповедальность и
песенность*

**«В жизни и поэзии – не переношу спокойно любимую
фальшь, если её почувствую...» Н.М.Рубцов**

Из авторской статьи **«Вокруг Рубцова: фантазии и
реальности»** (альманах «Звезда полей 2009»)

Держать у себя нижеследующую информацию считаю нецелесообразным (Ю.К.-М.). В феврале с.г. мне на эл. почту была прислана информация, которая затрагивает проблемы вокруг обстоятельств жизни и творчества народного поэта Рубцова. Для непосвящённых: поэт Н.Рубцов – автор известной, теперь уже народной, песни «Букет» и целого букета русских песен. Привожу информацию для читателей:

«В частности, мне очень понравился Ваш сайт www.rubcow.ru. А по поводу всех "литературных войн" хочу Вам выслать содержание статьи, опубликованной не так давно в газете. Автор подписался псевдонимом, хотя я думаю, что знаю, кто это. С чем-то из этой статьи я не согласна, но многие мысли – правильные (автор эл. почты мужчина или женщина, неясно? – Ю.К.-М.).

Статья

"Уж столько бумаги исписано многочисленными исследователями творчества Рубцова, столько вышло книг, так или иначе имеющих касательство к этому поэту, столько спорят в различных "литературных гостиных", специализированных праздниках и даже популярных телепередачах – а до сих пор никто не может дать простой и чёткий ответ на вопрос, который волнует всех уже очень давно. Этот вопрос - творческий феномен Николая Рубцова. Как могло случиться так, что детдомовский парень, который не получил никакого хорошего образования (давайте будем честны в этом вопросе), у которого родители были обычными, довольно-таки простыми людьми, не знакомыми широко с образцами различных форм поэзии, вдруг взял и стал русским национальным поэтом, стихи которого волновали и продолжают волновать миллионы людей по всей России.

И вместе с тем очень печально, что до сих пор не вышло НИ ОДНОЙ книги (??? – прим. автора этой книги), НИ ОДНОГО исследования (??? – прим. автора этой книги), которое было бы безгрешно в отношении фактов и комментариев к творчеству Николая Михайловича. Сейчас издаётся великое множество литературы, посвящённой и биографии, и творчеству Рубцова, количество написанного о Рубцове стократ перевалило количество написанного самим Рубцовым, но при этом совершается столько ошибок, столько людей начинают "примазывать" к поэту, объявлять себя любовницами, лучшими друзьями, прости Господи, собутыльниками поэта, что просто ужас берёт, когда читаешь их насквозь фальшивые, лживые высказывания. Издания о Рубцове бросаются из крайности в крайность. В одних поэт предстаёт алкоголиком, каким-то немислимым чудовищем, которому по какой-то случайности, недоразумению, достался поэтический дар. Другая крайность – восторженные панегирики в духе "Наш духовный отец", "Великий патриот", "Национальная гордость, сын России", "Пророк-мыслитель". Извините, но это, как бы ни хотелось того некоторым пропагандистам Рубцова – тоже миф, причём миф по-детски наивный и примитивный. Не всё так просто. Жизнь человека – вообще вещь сложная, и под какие-то стандартные клише подбить её трудно. Тем более что было всякое, и однобокость в суждениях – это неправильно.

Признанные исследователи (кто это? – прим. автора) творчества Рубцова в своих книгах, постоянно переиздаваемых, пишут опять с одними и теми же ошибками. Одни исследователи демонстративно игнорируют замечания других исследователей. Пропагандисты закрывают глаза на многочисленные скандалы с участием поэта, которые имели место, и на те случаи, когда поэт откровенно оказывался в самых унижительных ситуациях. Напротив, те, кто пытаются Рубцова очернить, забывают о том хорошем, что было в жизни и творчестве Поэта. Идёт самая настоящая литературная война. Война за Рубцова. Количество "воюющих" сторон настолько велико, что устанешь перечислять. Убийца поэта воюет с защитниками, защитники сами воюют друг с другом: известная московская пропагандистка – с руководителем московского рубцовского центра, петербургский писатель, автор множества хороших работ о Рубцове – с вологодским предпринимателем, чья

книга о Рубцове тоже весьма и весьма неплоха и правдива. Ко всей этой литературной войне пристраиваются в ряд многочисленные "любовницы" и "лучшие друзья" поэта. Некоторые из них настаивают на пересмотре ряда шедевров лирики Поэта, утверждая, что они посвящены именно им, и никому другому. Литературная война набирает обороты. В этой литературной войне друг с другом многие исследователи, писатели и мемуаристы порой уже настолько далеко отходят от личности Рубцова, что просто порой удивляешься. Вот вышла в Москве толстая книжка, на обложке которой красивое название "Пусть душа останется чиста..." и подзаголовок: "Н.Рубцов. Малоизвестные факты биографии". Автор – московская пропагандистка творчества Рубцова, основатель одного из московских "музеев" поэта. Думаешь – вот хорошо! Сейчасознакомишься с малоизвестными фактами биографии Рубцова, а ведь это настолько интересно человеку, который интересуется творчеством Николая Михайловича! Но открываешь книгу, начинаешь читать, и тут же тебя охватывает жуткое разочарование. "Малоизвестные факты" на поверку оказываются многочисленными, логически не связанными, историями из жизни "музея" этой пропагандистки – как она собирала то, как говорила это. Может, это и нужный материал, но зачем звать это "Малоизвестными фактами"???

Может быть, и беда рубцовских исследований связана с тем, что писать вот такие книги "малоизвестных фактов" берутся люди, не имеющие ни малейшего литературного или другого специализированного образования. Увлечение стихами, поэзией Николая Михайловича Рубцова – это, конечно, очень и очень хорошо. Но порой этого недостаточно. Вот и появляются подобные произведения, написанные людьми, от литературы и культуры весьма далёкими. Соответственно, и растёт число домыслов, фактов, никогда не существовавших и надуманных. Вот и появляются свидетельства "лучших друзей" в духе: "Я всегда считал Колю поэтом от Бога! Он был моим другом, почти братом!", тогда как при жизни Поэта эти люди называли Рубцова пропойцей и на порог к себе пустить брезговали. И авторы всем этим свидетельствам верят на слово и охотно начинают публиковать это в своих произведениях. Пора посмотреть на ситуацию с иной стороны, отбросить всю вражду и грязь...

Вот такая статья. Хотелось бы услышать Ваше мнение по её содержанию. С уважением к Вам (автор эл. почты)
3.02.2009».

Постскриптум

Вопросы, поднятые в анонимной статье, актуальны. Хотя автор умолчал о публикациях литераторов Московского Рубцовского центра и НО «Рубцовский творческий союз». В последние 6 лет не решаются также обозначенные в 2003 году официально на конференции в с. Никольском и в газете «Российский писатель» (№15, август 2003 г.) проблемы: установить памятник Н.М.Рубцову в Москве, восстановить престольную Николаевскую Толшменскую церковь на родине Рубцова, восстановить транспортно-пешеходный мост через речку Толшму в районе проезда на местное кладбище...

11.1. «Журавли» Николая Рубцова»

(из авторской статьи в книге «Николай Рубцов»: И пусть стихов серебряные струны...». 2002 г., МГО СП России)

Журавли! Ни один поэт России не обращался так часто к образу журавлей в своих стихах и песнях, как Николай Михайлович Рубцов. Услышав это заветное слово, каждый русский человек, как бы, поневоле ищет в высоком небе летящий птичий клин.

Журавли – это пока ещё не признанный всецело символ России, символ грусти, полёта к цели, свободы, независимости, равенства, душевного успокоения.

Много есть светлых русских символов на исторической Руси. Это – древо жизни, вышитое орнаментом на полотенцах, что впервые выявил Сергей Есенин в философском трактате «Ключи Марии». Это – славянская богиня Берегиня, получившая после принятия Русью византийского христианства имя Владычицы Небесной, о чём писал русский литературовед Валерий Дементьев. Это – лебедь, как символ гордости, святости и чистоты человеческих отношений. Это – цветущие луга и пашни, светлые берёзовые леса, прозрачные реки и озёра. Это – ангелы, сопровождающие добрых людей по жизни.

Много есть и тёмных символов на исторической Руси. Это – слуги дьявола в виде алчных и злых людей. Это – хищные звери:

волки, преследующие людей, хитрые лисы, обворовывающие крестьянские дома, рыси, и др. Это – недобрые явления природы: тучи, ураганы, омуты, тёмная дождливая ночь, метели и др.

Сергей Есенин в трактате «Ключи Марии» сказал: «Существо творчества в образах разделяется так же, как существо человека, на три вида: душа, плоть и разум. Образ от плоти можно назвать «заставочным» (метафорическим, – прим. автора), образ от духа «корабельным» (плывущим – прим. автора), а третий образ от разума – ангелическим (преобразующим «заставочный» и «корабельный» образы – прим. автора).

В удивительной по силе воздействия песне «В минуты музыки» (1966 г.) Николай Рубцов использует образ журавлей:

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей.

О связи с родной землёй и журавлями поэт в стихотворении «Посвящение другу» (1968 г.) сказал:

Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали ...

Эта уже совсем другая картина. Многие друзья поэта и исследователи отмечали кажущуюся простоту поэзии Рубцова.

И вот подходим к необыкновенному стихотворению «Журавли». Оно датировано августом 1964 г., опубликовано в октябре 1965 г.

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь – и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...

Первое четверостишие – картина природы, наблюдаемая автором и ожидание полёта журавлей. И реакцию самого автора – «И

разбудят меня, позовут журавлиные крики» – следует понимать в переносном смысле: разбудят спящую часть души! И опять Николай Рубцов – мастер двойного смысла текста, но подтекст рассчитан на сопереживание читателя, а не на проявление эгоистического инстинкта, как это видно у многих поэтов – «технарей» рифмы и ритма.

Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц,
Всё, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полет этих гордых

прославленных птиц.

В третьем четверостишье Рубцов полностью соединяет летящих журавлей и оставшихся на грешной земле людей. И в заключении:

Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на *высоких* своих!
Вот замолкли – и вновь сиротеет душа и природа
Оттого, что – молчи! – так никто уж не выразит их.

И здесь Рубцов обращается к людям: Выходите, не пропустите летящие души (родителей, братьев и сестёр, всех ушедших)!

Николай Рубцов, как и многие до него, заглянул в небо, но заглянул глубже своих предтеч. Поэт первым показал непрерывность лёта журавлей, раскрыл образ-символ стаи журавлей, как летящих родственных душ.

Русские люди! Посмотрите на небо! Взгляните на *высоких* своих! Об этом просил Николай Михайлович Рубцов.

11.2. Николай Рубцов и православие»

(из авторской статьи в книге «Николай Рубцов»: И пусть стихов серебряные струны...». 2002 г., МГО СП России).

Вера или безверие? В любые времена перед каждым человеком встаёт сознательно или чаще бессознательно этот вопрос. Какой верой руководствоваться по жизни? Ответ зависит от условий воспитания в семье, генетического кода каждого человека,

исторического развития общества и пропагандируемых действующей властью и средствами информации идей. Материальные блага любой ценой или духовная свобода и жизнь во имя спасения своих детей, продолжателей рода?

Следует признать, что советская власть строила и весьма успешно материальный рай для основной массы многонационального населения Советского Союза. А в идеологической сфере это была эпоха вначале тотального, а потом вялого атеизма и постепенного запланированного перемещения сельского, в основном, славянского населения (русских, украинцев и белорусов) на промышленные стройки и объекты в города по всей территории Советского Союза. И после войны в окраинных республиках были построены прекрасные дороги, современные порты, промышленные объекты и жилые комплексы, в основном, за счёт материально-технических ресурсов России. Николай Рубцов наблюдал картины постепенного вымирания русской деревни, российского местного бездорожья, обезличивания русско-славянской культуры и отразил это в своём творчестве. Наблюдал поэт и запланированное карьеристами-идеологами разрушение православных храмов и исторических памятников России.

В.П.Астафьев в одной из последних статей писал, что Рубцов к 60-и годам пришёл бы к православию. Вот с этим тезисом нельзя согласиться... Вот, например, Николай Рубцов во время пикника в конце 60-х годов под Вологдой, уходит к далёкой церквушке, возвращается через три часа и сообщает, что он хорошо побеседовал с батюшкой. И в стихах Н.Рубцова нет богохульства. Поэт понимал необходимость централизации власти в России. В стихотворении «О Московском кремле» Рубцов пишет:

Мрачнее тучи грозный Иоанн
Под ледяными взглядами боярства
Здесь исцелял невзгоды государства,
Скрывая боль своих душевных ран.

Вот эти мысли актуальны и в наши дни, когда видны попытки новых удельных князьков во имя эгоистических интересов разорвать Россию на куски, сначала экономически, а затем и политически. В этом же стихотворении (опубликовано 17 ноября

1968 г.) поэт говорит русской земле, что он молится «не на твои забытые иконы». На первый взгляд, кажется, что это чистый атеизм. Но, если логически рассудить, то получается, что поэт молится на действующие иконы! В стихотворениях Н.М.Рубцова всё чаще встречается обращение к полям, лесам, рекам, берёзам, к явлениям природы и, особенно, к животному миру (журавлям, птицам, лошадям и др.), как к своим братьям и сёстрам. В стихотворении «Жеребёнок» поэт говорит:

Он увидал меня и замер,
Смешной и добрый, как божок...

И к православным храмам поэт обращается с простыми и точными словами понимания и участия в их судьбе:

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей, –
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..

Мог ли Н.Рубцов опубликовать в шестидесятые годы, годы тотального атеизма, строку в варианте «но жаль мне, но жаль мне растоптанной царской короны»? Ответ ясен. А с другой стороны, дело не в царской короне. Суть проблемы в том, что Россия не может существовать без централизованной власти (неважно как будет называться глава государства – царь, император, генеральный секретарь, президент, премьер-министр). Иначе России не будет, её раздерут на части новые крупные и мелкие удельные князья на радость западным и доморощенным «друзьям», а затем может начаться гражданская война за национальные интересы каждого региона. И лозунг «Разделяй и властвуй» будет реализован.

В стихотворении «Эх, коня, да удаль азиата...» (лето 1961 г.) Рубцов пока ещё фривольно говорит: «покрестившись лихо на собор...», «ты мне скажешь: – Боже упаси!..», «словно Богом свергнутый с небес...». Хотя поэт не высказывается о божественном происхождении мира, но безоглядной хулой Бога в своей поэзии не занимается. В «Видениях на холме» (1964 г.) поэт пишет:

Россия, Русь – куда я ни взгляну...

За все твои страдания и битвы

Люблю твою, Россия, старину,

Твои леса, погосты и молитвы.

.....

Они несут на флагах чёрный крест,

Они крестами небо закрестили,

И не леса мне видятся окрест,

А лес крестов в окрестностях России.

И это было опубликовано в годы триумфа официальной атеистической идеологии! Предвидения Рубцова просто поражают читателей, которые теперь знают, насколько ежегодно сокращается население России. И как ускороенно растёт количество крестов на погостах.

В 60-е и в 70-е годы 20-го века шло негласное соревнование различных поэтических направлений: либерального диссидентского с ритмическими конструкциями и народного патриотического с использованием всего богатства русского языка и традиционной культуры. У Николая Рубцова утверждается чёткая жизненная позиция с понятиями Добра и Справедливости. В стихотворении «Чудный месяц плывёт над рекою» (1963 г.) поэт сообщает:

И тоскуя всё меньше и меньше,

Словно бог, я хожу по земле.

Во многих стихах Н.Рубцова есть подтекст, но не сексуальный как у многих раскрепощённых стихотворцев, а духовный (справедливость, честь, вера в Добро, в историческую миссию России). И даже, казалось бы, вакхическое по содержанию стихотворение «Гость» поэт заканчивает вопросом: «Неужели Бога нет?»

Итак, когда же наступил переломный момент в повороте поэта к пониманию действующих в окружающем мире разрушительных сил и идеи спасения каждого человека от насаждаемого эгоизма? По мнению автора, это стихотворение «Русский огонёк», на которое уже обращали внимание литературоведы... Вот Николай Рубцов идёт в ноябре 1963 г. по заснеженной пустынной дороге, в

Дай Бог, дай Бог...
Ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет... –
И вдруг опять:
Не будет, говоришь?
Нет, – говорю, – наверное, не будет.
Дай Бог, дай Бог...

Хозяйка заботится не о себе, а о живущих где-то, за избой, близких и далёких и даже об ушедших. И просит она Бога, чтобы не было войны: – Дай Бог, дай Бог! Путник не может дать уверенную надежду. А что такое война для крестьянки, для сельской семьи – хранительницы исторической России? Зло и зло! А когда путник хочет расплатиться с хозяйкой, происходит примечательный диалог:

Господь с тобой! Мы денег не берём!
Что ж, – говорю, – желаю вам здоровья!
За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

И вот это высказывание Николая Рубцова по частному случаю попытки оплаты ночлега оборачивается нетленным на века пожеланием Добра и Любви. А поэт благодарит русский огонёк:

За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь как добрая душа,
Горишь во мгле, – и нет тебе покоя...

Конечно, любой нормальный поэт не задумывается о философских концепциях, он просто вольно или невольно выражает мировоззрение. Вот поэт радуется жизни:

Снег летит на храм Софии,
На детей, а их не счесть.
Снег летит по всей России,
Словно радостная весть.

А вот насчёт детей, которых «не счесть», поэт выдаёт свою мечту за действительность. Дело в том, что демографическая ситуация для русского народа резко изменилась за прошедшие тридцать восемь лет (отсчёт с 1964 г. – прим автора, текст статьи от 2002 г.!). Однодетные русские семьи (по статистике не менее 60%) являются самой главной проблемой в настоящее время в России, обуславливают вырождение русского народа по материальным и зависящим только от власти причинам. Эта грозная тенденция должна быть срочно изменена, иначе в ближайшее время не удержать территорию Российской державы. Понимание семейных проблем было у Рубцова в те далёкие 60-е годы 20-го века. Поэт в стихотворении «За тост хороший» от 1 января 1971 г. предлагает:

За Новый год,

за детский смех,

За матерей, за нас за всех,

За то, что нам всего дороже.

Рубцов часто ездил по вологодской земле с разными целями: в поисках крыши над головой, заработка путём публикации стихов и новых впечатлений. В стихотворении «Ферапонтово» об известном монастыре поэт пишет:

В потемневших лучах горизонта

Я смотрел на окрестности те,

Где узрела душа Ферапонта

Что-то Божье в земной красоте.

И однажды возникло из грёзы,

Из молящейся этой души,

Как трава, как вода, как берёзы,

Диво дивное в русской глуши.

А сколько раз в своих стихотворениях Николай Рубцов говорит о душе! Вот, например: «Славное время! Души моей лучшие годы», «По душе мне родные пейзажи», «Пусть душа останется чиста», «Я-клянусь! Душа моя чиста!», «Когда душе моей сойдёт успокоенье», «Слагается в душе негромкий стих».

Н.А.Старичкова сохранила иконы Николая Рубцова, в том числе икону Николая Угодника, которая была расколота в ночь убийства поэта. В октябре 2001 года автор побывал в Вологде в домашнем музее Н.А.Старичковой, где был сделан снимок икон поэта (опубликовано в газете «Российский писатель», № 3, февраль 2002 г.). Это фото проясняет для сомневающихся вопрос об отношении Поэта к Православию.

11.3. Тютчев и Рубцов

(из авторской статьи в книге «Поэзия. Истина.Рубцов. Авторская поэзия и критика XXI века», 2007 г., изд. И.Балабанов)

Эти два русских поэта, казалось бы, не могут быть поставлены рядом. Они по происхождению находятся на разных ступенях сословной лестницы. Между ними историческая эпоха и глубокие общественные потрясения в России.

Фёдор Иванович Тютчев (1803-1873 г.г.) – дворянин, окончил словесное отделение Московского университета, дипломат, свободно владевший французским и немецким языками, глубокими философскими знаниями, свыше двадцати лет прожил за границей и познал менталитет элиты Запада.

Николай Михайлович Рубцов (1936-1971 г.г.) – крестьянский сын, сирота, детдомовец, получил народное воспитание, гармонист и гитарист-самоучка, моряк, рабочий. За счёт самообразования, общения в литературных объединениях на флоте и в Ленинграде приобрёл глубокие знания. Окончил престижный Литературный институт.

И Тютчев и Рубцов уже признаны как русские национальные поэты. Для того, чтобы найти общность в творчестве, с одной стороны дворянина, с другой крестьянина, надо подразобраться в содержательности поэзии.

В.Г.Белинский первым заявил: «Поэт в России, больше, чем поэт». То-есть, поставил ключевой вопрос: А что своим творчеством даёт Поэт читателю? В 19-м веке правящей идеологией в России было православие, которым руководствовались все слои населения. Первыми духовными раскольниками общества стали декабристы, часть которых была масонами, а часть – обманутыми лозунгами свободы.

Начало девятнадцатого века отмечено появлением двух гениев русской поэзии: А.С. Пушкин (1799 – 1837) и Ф.И.Тютчев. И уже в 1820 г. они вступают в полемику друг с другом! Пушкин писал о служении Отчизне, но «на обломках самовластья». А Тютчев на опыте Истории знает о постоянном враждебном окружении России, о необходимости сплочения общества и говорит Пушкину:

Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца.
Певец! Под царскую парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!

Здесь Тютчев выступает как государственный, а Пушкин как борец за свободу личности. Вечное противостояние в российской Истории!

В знаменитом стихотворении «Славянам» (1867 г.), которое не мог не знать Н.М.Рубцов, поэт-дипломат Ф.И.Тютчев предупреждает напористых западных политиков:

Они кричат, они грозятся:
«Вот к стенке мы славян прижмём!»
Ну, как бы им не оборваться
В задорном натиске своём!..

Конечно, признаком любой высокой поэзии является соблюдение ритма и наличие нетривиальных рифмы и образов. Но мастерство ритмических построений это ещё не поэзия. Или это русскоязычная поэзия. Настоящая русская поэзия основана на традиционном православном мировоззрении и патриотизме, народных песнях, бытовых обрядах, то есть на генетическом мировоззрении национального поэта, если оно не искажено запрограммированным перевоспитанием по какой-либо «новейшей современной» идеологии.

И следующий фактор должен присутствовать: непринуждённость стихосложения должна быть обязательно связана с народным русским языком. А вот первичное знание языка зависит от среды детско-юношеского проживания и воспитания.

Думаю, что все понимают, что воспитание в дворянских семьях и в крестьянских сильно различалось как по направленности, так и по языку. Поэтому можно определённо различать «дворянскую» (сословно-элитарную) русскую поэзию (Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет, Полонский и др.) и крестьянскую (народную) поэзию (Кольцов, Никитин и затем Есенин). Но оба вида этой сословной поэзии роднила любовь к Родине, России, к общей Истории. В этом было духовное единство элиты и народа.

А социальное равенство (в историческом аспекте) или самое сбалансированное неравенство было достигнуто лишь в советскую эпоху, когда официальная зарплата члена Политбюро составляла 1200 рублей, средняя зарплата рабочих и служащих – 200 рублей, прожиточный минимум порядка 70 рублей, хотя система обслуживания высшей элиты (членов ЦК КПСС, министров, руководителей разного ранга) отличалась от аналогичной для большинства представителей среднего звена хозяйственной, технической, гуманитарной и рабочей среды.

С начала 20-го века в условиях нашествия разночинной интеллигенции поэзия в России разделилась на множество течений. Русскоязычное направление с пропагандистским приспособленческим уклоном возглавлял Маяковский, а графоманское с тем же уклоном – Демьян Бедный. Традиционное русское направление продолжали Есенин и Блок. Стихи многих городских стихотворцев были зачастую оторваны от народной жизни. И только Великая Отечественная война 1941-1945 г.г. развернула мышление многих советских поэтов на реальность бытия и на народность.

Но чем же смог дворянин Тютчев в области поэзии привлечь сельского Рубцова? По мнению автора, Тютчев показал Рубцову словарную отточенность поэтической конструкции, непринуждённость ритмики и рифмы, высшее понимание исторической ситуации. И даже в лирических стихах, в условиях личной семейной трагедии Тютчев выдерживает тональность, не опускается до Вселенского плача.

Ряд названий и содержание стихов Тютчева перекликаются с темами Рубцова. У Тютчева и Есенина Рубцов нашёл обращение к душе, как носительнице русского понимания окружающего мира. Рубцов говорил о себе: «Я – аристократ духа». И никто из друзей не возражал.

Вот что аристократ по происхождению Тютчев говорит о душе:

О вещая душа моя,
О сердце, полное тревоги –
О, как ты бьёшься на пороге
Как бы двойного бытия!...

Интуитивно Тютчев пишет о возможной раздвоенности своей души. У Рубцова полное единение с душой: «Я клянусь: Душа моя чиста», «Давно душа блуждать устала...», «Когда душе моей сойдёт успокоенье...»

Гениальный поэт и остроумный собеседник, Тютчев удивил либеральный высший свет пониманием европейской идеологии и политики. Тютчев знал главное: нельзя русским людям враждовать из-за сословности и различий в политических взглядах, потому что Россия постоянно находилась и находится под угрозой зарубежной интервенции. Ранее это была открытая военная, сейчас духовная – последняя, самая изощрённая – посредством хитро-мудрых программ, измышлений бульварных газет и журналов.

Тютчев был за эволюционный путь развития, против выяснения, чья идеология правее. В этом состоит также высшая мудрость простого народа, которую принимают за долготерпение. Революции и бунты рождались, как стихийный протест против неспособности власти эволюционным путем решить назревшие социальные и духовные проблемы. А менталитет русского народа перемалывал не одну инородную идеологию. Даже пролетарский интернационализм был переработан в русско-советский патриотизм в середине 30-х годов 20-го века при противоречивом тоталитаризме и действиях части элиты, заражённой русофобией и космополитизмом.

По содержанию поэзии Рубцов органически близок Тютчеву. Оба слышали музыку и слова песен в том русском (по менталитету) потоке звуков, в который они заходили. Тютчев пишет:

Впросонках слышу я – и не могу
Вообразить такое сочетанье,
А слышу свист полозьев на снегу
И ласточки весенней щебетанье.

Вот и Н.Рубцов пишет: «Я слышу звуки, которых не слышит никто...». И всё-таки поэты дворянские писали о народной жизни созерцательно, средой их общения были салоны, где они искали Истину. А для крестьянских поэтов средой обитания была земля, как источник жизнеобеспечения, русская природа, река, лес, поле, луг, берёзы, лесные и домашние звери. И духовное отражение жизни – песни, пляски, хороводы, вышивание, светские и православные обряды. И, наконец, понимание божественного происхождения всего окружающего мира, которое Рубцов представляет в стихотворении «Ферапонтово». Поэт ещё летом-осенью 1964 года в добровольно-принудительной ссылке в селе Никольском, за 6 лет до гибели, осознал силу своей поэзии и свою задачу в области русской поэзии, когда осознавал себя наследником Тютчева и Фета.

Связь Времени и творчества обоих национальных поэтов состоит в том, чтобы говорить о народной жизни и ходе Истории искреннее Слово. И нет таких нормальных критиков, которые стали бы оспаривать Истину о том, что именно Рубцов в 1960-е годы блуждания мысли гуманитарной интеллигенции продолжил и поддержал традиционное народно-патриотическое направление в русской поэзии.

11.4. Исповедальная поэзия Рубцова

(из авторской статьи в «Московском литераторе», № 1, 2008 г.)

Поэты в силу используемого жанра в литературе являются представителями публично выражаемого мировоззрения. Как показывает практика, одни поэты отслеживают тенденции и пристраиваются к текущей политической линии, другие – дистанцируют себя в оппозицию к теории и практике идей, третьи – откровенно или скрытно выражают свое мировоззрение. Как было уже сказано: есть поэзия от ума и есть поэзия от Души.

Как известно Рубцова причисляли к разным направлениям, одним из которых была названа «тихая лирика» или «деревенская» литература. Хронологический анализ творчества Рубцова показал, что поэт прошел несколько периодов развития мировоззрения и поэтического самовыражения: поисковый лирико-философский в юности («Деревенские ночи», «Осень! Летит по дорогам...») «Два пути»), морское патриотическое на Северном флоте («Северная

берёза», «Ты с кораблём прощалась», «Родное море»), поисковое ритмизированное и сельско-ностальгическое в Ленинграде («В океане», «Я весь в мазуте...», «Видения в долине...»), поисковое народное в с.Никольском в 1962-1964 г.г. («Тихая моя родина», «Душа хранит», «Видения на холме») и народно-православное философское («О Московском Кремле», «Журавли», «Ферапонтово»). На всех этих этапах прослеживаются мотивы открытой исповеди Н.М.Рубцова перед читателем. Нигде поэт не хитрит, не мудрит, не приспосабливается. Он только вынужден припрятывать своё народное видение событий в подтекстах стихов. И открывается заложенный смысл стиха не сразу

Подход к достоверной характеристике творчества Рубцова наметился в авторской пьесе «Звезда полей Николая Рубцова» (61):

«А что мне ответить на вопросы о моей жизни? Оглянулись бы на себя. У каждого грехов выше крыши. А я никому вреда не приношу. В лести не замечен, в холуях никогда не ходил и ходить не буду. Я же моряк! Все мои мысли, вся моя жизнь в моих стихах. Я ведь как на исповеди:

Почему мне так не повезло?
По волнам, давно уже усталый,
Разгонюсь – забуду про весло,
И тотчас швырнёт меня на скалы!»

Когда Рубцов писал «Я», русский читатель чувствовал за этим «Мы». Когда Дербина писала «Я», то это было эгоистическое «Я». Поэзию Дербиной не идентифицируешь^{как} православную.

И вот теперь можно дать чёткое обоснование:

Поэзия Рубцова – это исповедальная русская поэзия. Она по сути православная. Это – вера каждого Человека в Добро, Любовь, Справедливость, в духовные заповеди. В опубликованном перед гибелью новогоднем стихотворении Рубцов приглашает всех: «За детский смех, за матерей, за нас за всех, за то, что нам всего дороже». И в то атеистическое время, когда церковные колокола молчали, поэт выражает свою мечту: «Свой добрый вологодский звон разносят древние куранты». В этих предвидениях и надеждах и состоит подлинное Возрождение вековых традиций в России. Вот чем наша духовная поэзия отличается от всех других.

11.5. Гоголь и Рубцов. Связь времён и мировоззрений. (Из авторской статьи, газета «Калужское слово», № 6, 2009г.)

Есть несколько свидетельств и признаков творческой близости или даже единства мировоззрений между Н.В.Гоголем и Н.М.Рубцовым.

В течение юношеского периода жизни можно определённо отметить, что начинающий в то время поэт ищет творческий ориентир. Более глубоко в литинституте Рубцов изучал в рамках и за рамками учебного процесса творчество Державина, Тютчева, Э.Хемингуэя. Поэт просто впитывал в сознание содержание, стилистику и творческие ходы разных неординарных писателей. Очень высоко отзывался Н.Рубцов о поэзии Ф.И.Тютчева: «Все его стихи шедевры». Но Рубцов шёл абсолютно своим путём. Потому что дворянские поэты жили и творили в другой социально-духовной среде и на другой языковой основе.

Н.В.Гоголь жил в эпоху 30-50-х годов 19-го века и прекрасно знал все нюансы делопроизводства и психологию поведения служащих. Все отрицательные свойства (карьеризм, лесть, зависть) мещанина представлены им в «Ревизоре». Эту пьесу можно назвать комедией и в то же время трагедией раздвоенных душ персонажей.

В литературной обстановке 60-х годов 20-го века, во время учёбы в литинституте, Рубцов наверняка знал собрание сочинений Н.В.Гоголя в шести томах (1953 г.). Есть свидетельства современников, что Рубцов в это время читал Библию. Самообразование шло непрерывно.

М.Корякина, жена В.Астафьева, пишет о встречах с Рубцовым: «Вскоре он повёл разговор о Гоголе, да так интересно с юмором, с удивлённой радостью, наизусть цитируя отрывки и реплики из «Мёртвых душ». Мы смеялись до слёз. Николаю это очень нравилось. Прощаясь, пообещал в следующий раз развеселить нас рассказами из литинститутской жизни».

Сообщается, что во время сдачи экзамена по русской литературе зашёл спор с преподавателем о позиции Н.В.Гоголя. Рубцов сбегал в библиотеку, нашёл нужный абзац и доказал свою правоту.

В Вологде, в квартире Н.Рубцова на стене висели портреты Э.Хемингуэя и Н.В.Гоголя. После убийства поэта на полу обнаружен разбитый портрет Гоголя.

Всё это внешние признаки отношения Рубцова к национальному русско-славянскому писателю, фактически создателю художественного духовного направления в русской литературе 19-го века.

Разбирать творчество Н.В.Гоголя можно бесконечно. Гоголь, как бы, мазками набросал пёструю картину современного ему общества. Летящая до сих пор неизвестно куда Россия – мистическая тройка, перед которой расступаются народы и государства. Мертвые души Собакевича, Плюшкина, Коробочки, Ноздрёва и других – это потерянные души управляющего сословия той эпохи.

В письмах «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В.Гоголь хотел разъяснить, растолковать суть поэмы. Понять захотели не все, в том числе, В.Г.Белинский.

Актуальными представляются следующие литературоведческие провидческие высказывания Н.В.Гоголя:

«Поэзия есть чистая исповедь души, а не порождение искусства или хотения человеческого; поэзия есть правда души, а потому и всем равно может быть доступна. Способность вымысла и творчества есть слишком высокая способность и даётся одним только всемирным гениям, которых появление слишком редко на земле; опасно и вступить на этот путь другому...».

«Ещё доселе загадка – этот необъяснимый разгул, который слышится в наших песнях, несётся куда-то мимо жизни и самой песни, как бы сгорая желанием лучшей отчизны, по которой тоскует со дня создания своего человек... Ещё тайна для многих этот необыкновенный лиризм – рождение верховной трезвости ума, – который исходит от наших церковных песней и канонов и покуда так же безотчётно возносит дух поэта, как безотчётно подмывают его сердце родные звуки нашей песни».

Творчество Н.М.Рубцова пронизано мистикой: отражением сверхестественных явлений, а также загадочными, необъяснимыми поворотами в поведении личности. Мистические мотивы проявляются в целом ряде стихотворений: «В горнице», «Наступление ночи», «Ферапонтово», «Философские стихи», «Осенние этюды», «Вечернее происшествие», «До конца», «Последний костёр».

Особый интерес представляет стихотворение Н.Рубцова «Гоголь», которое опубликовано впервые в 2005 году (32):

Горит вся жизнь. Горит весь труд. Не шутка!
В минуту Гоголь обо всём забыл.
России стало холодно и жутко,
Когда он печь однажды затопил.

Горят, горят слова, прощаясь с ним.
Они кричат немymi голосами!
Он, озарённый пламенем своим,
Глядит в огонь безумными глазами.

Никто же не проснулся, как нарочно!
Чужие люди... Так тому и быть.
Ах, если б мама, мама среди ночи
Камин бы не позволила топить.

Ах, если б мама... Или Пушкин близко.
Но никого. Один лишь в небе бог.
А на лице живые пляшут блики.
А Гоголь слаб. А Гоголь очень плох.

Ему осталось уповать на бога.
Зачем слуга? Вот разве труп стеречь.
Он знает: жить ему совсем немного,
И он спешит скорее душу сжечь.

Это стихотворение показывает, как хорошо и глубоко Рубцов знал творчество и обстоятельства жизни Н.В.Гоголя.

Особенно актуально звучит высказывание Н.В.Гоголя:

«Нет, не Пушкин или кто другой должен стать теперь в образец наш: другие уже времена пришли... свойства, обнаруженные нашими поэтами, суть наши народные свойства..., поэты берутся не откуда же нибудь из-за моря, но исходят из своего народа. Это огни, из него излетевшие, передовые вестники сил его. Другие времена несут и другие дела, иные задачи, а потому и не напомнят они уже никого из наших прежних поэтов. **Самая речь их будет другая; она будет ближе и родственнее нашей русской душе: ещё в ней слышнее выступят наши народные начала»**

Это предвидение сбылось в поэзии С.Есенина и Н.Рубцова.

11.6. «Творческая мастерская Н.М.Рубцова. «В минуты музыки» (из статьи в газете «Московский литератор», № 6, 2009г.)

Бытует мнение, что Рубцов практически сразу создавал в голове и записывал стихотворение начисто на бумаге. Это совсем не так.

В Вологодском литературном музее им. Рубцова появились копии стихотворных текстов из некоторых ранее неизвестных записных книжек Н.М.Рубцова. Эти черновые записи представляют интерес для исследования творческого подхода Рубцова к созданию стихотворения.

В книге «Николай Рубцов» (12) В.Зинченко пишет: «Сохранился автограф поэта, опубликованный в книге В.Коротаева «Козырная дама», Вологда, 1991 г., с датой 31/V66 г. Судя по дате – стихотворение написано на Алтае».

Записная книжка свидетельствует о том, что стихотворение написано гораздо раньше, ещё в Европейской части страны. Разберём разновидности текстов. Первая строфа звучит:

В минуты музыки печальной
Я представляю жёлтый плёс,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берёз.

В записной книжке несколько раз написана эта строфа, нет других вариантов. Видно, что она была выстрадана поэтом. Раскрываемая тема прощания с любимой женщиной не подпадает под какую-либо из тем, задаваемых на семинарах в литинституте.

В записной книжке поэт приводит несколько вариантов второй строфы. Видно, с каким трудом Рубцов подходил к подлинному отражению переживаний. Вот варианты (указаны курсивом)

*«Я вижу птиц под небом серым,
Воспринимающих с трудом
Свой путь без солнца, путь без веры
Над застывающим прудом».*

*«Птиц, продолжающих с трудом», «И нас одних под небом серым,
/Среди погаснувших полей», «И путь без солнца, путь без веры».*

Далее следуют варианты строки:

«Летящих мимо журавлей», «И холодом под небом серым», «Гонимых стужей журавлей», «Последних птиц под небом серым», «Гонимых ветром журавлей».

Рубцов искал, каким природным явлением (сверху!) обусловлен отлёт журавлей. Сочетание «летающих мимо», – это констатация факта – нет причины отлёта. Гонимых «стужей», «ветром», «холодом», «воспринимающих с трудом» свой путь, – не оказалось для поэта достоверным отражением явления. И находит Рубцов обозначение стихии «снегом» – символом, объединяющим предыдущие символы – природные явления.

Во второй записной книжке читаем: «Давно душа летать устала за пищей в прошлые года».

Эта строфа приземлена строкой *«За пищей в прошлые года».* В окончательном варианте Рубцов убирает эту строку. Потому что не душа летает за пищей, а тело. Была у поэта самоцензура. После выезда из Никольского, негативных событий весны 1966 года в Москве, поэт признавался, что очень устал от жизненных коллизий. Бездомного (в 30 лет!) поэта гонит по стране проза жизни.

В окончательном варианте 3-я и 4-я строфы приобретают исповедально-мистический характер:

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.
Но всё равно в жилищах зыбких –
Попробуй их останови! –
Перекликаясь, плачут скрипки
О жёлтом плесе, о любви.

Поэт сообщает читателю, что его «душа блуждать устала». Читаем исповедь Рубцова: «в былой любви, в былом хмелю», «слишком призраки люблю». И далее обращение к любому читателю: «Попробуй их останови?» И возникает вопрос: Кого или что останавливать: Призраки или плачущие скрипки? А откуда взялись скрипки? То есть в этом невидимом мире звучат грустные мелодии прощания?!

В 6-й строфе видим философское:

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни причём...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чём.

Лирический герой (Рубцов) прощается с любимой женщиной. И это происходит в трогательных незабываемых местах юности, где «жёлтый плёс», «и шум порывистых берёз», в селе, о котором Рубцов сказал: «здесь души моей родина». Это драма личной жизни. Представленные варианты «В минуты музыки» в записных книжках Рубцова были выстраданы и написаны осенью – в начале зимы 1965 года (отлёт журавлей), так как поэт следовал в творчестве текущим событиям.

Разлука с дочерью Леной и с Гетой Меньшиковой (гражданской женой) воспринимается остро вдали от родных мест, особенно во время пребывания поэта на Алтае, где стихотворение было окончательно записано и опубликовано.

11.7. О мистическом мировоззрении Рубцова. Гоголь и Рубцов (из авторской статьи в альманахе «Звезда полей 2010» вып.2, М., 2010, изд. НО «Рубцовский творческий союз»)

О направлениях мировоззрения Рубцова целенаправленно или фрагментарно написано несколько литературных статей, особенно после выхода сборника «Звезда полей» (весна 1967 г.) и после гибели поэта. Надо отметить статьи Анатолия Передреева (1967 г.), Станислава Куняева (1968 г.), Валерия Дементьева (1970 г.), Василия Оботурова (1974г.), Вик. Каратаева (1975г.), Вадима Кожина (1976 г.), Юрия Селезнёва (1977 г.)

О православном мировоззрении Н.М.Рубцова упоминали А.Романов, В.Бараков и Н.Коняев.

Разные исследователи сообщали о присутствии в творчестве Рубцова то стихии ветра, то о наличии спектра цветовых красок (серой, светлой или чёрной), то о темах дороги, то о теме «тихой» лирике, то о скрытой социальности тем (город – деревня), то о патриотической позиции... Это свидетельствует, преимущественно,

о мировоззрении, о творческой позиции и направленности знаний конкретного критика, литературоведа, писателя, но не объясняет причины воздействия поэзии Рубцова на душу читателя, не может быть принято в качестве всеобъемлющей достоверной творческой позиции. Поэзия Рубцова – это алмаз с великим множеством граней, которые невозможно разделить, не нарушив целостность восприятия. По мнению автора, кристаллической структурой творчества Рубцова (как многогранного алмаза) является мистическое восприятие окружающего мира, которое отразилось во многих стихах поэта и которое согласуется с ведическим и православным не декларированным мировоззрением Рубцова.

Рассмотрим хронологически мистические мотивы Рубцова.

Возьмём сочинение «О родном уголке», которое написано 17-летним Рубцовым в Кировске (1953 г.). Впервые оно опубликовано В.Оботуровым 19 января 1986 года в газете «Вологодский комсомолец». Николай Рубцов даёт описание виртуальной встречи с медведем в лесу, который «с каким-то диким рёвом бросился мне навстречу; вероятно с неотразимым желанием смять меня, раздавить, уничтожить... Первой мыслью было бежать, бежать от этого страшного «чудовища», но ноги не повиновались мне, они подгибались от неминуемого страха, так сильно охватившего мою детскую душу. Вдруг какая-то неведомая мне самому сила придаёт мне небывалую смелость и решительность...» Лирический герой вступает в схватку с диким животным. «Может быть, всё это покажется невероятным, но представьте себе, как часто такие истории и им подобные видел я во сне в те же тёмные тотемские ночи, засыпая под заунывную песню ветра, свистящего в трубе»

Встреча с представителем инородных сил, упомянута у Рубцова в стихотворении «Сказка-сказочка» (Ленинград, 1960 г.):

Влетел ко мне какой-то бес.
Он был не в духе или пьян.
И в драку сразу же полез:
Повёл себя как хулиган.
Он вдруг схватил мою гармонь.
Я вижу всё. Я весь горю!
Я говорю ему: – Не тронь,
Не тронь гармошку! – говорю.

Я продолжаю верить в этот бред,
 Когда в своё притонное жилище
 По коридору,
 в страшной темнотище,
 Отдав поклон, меня ведёт поэт...

И далее от Рубцова-лирического героя следует:

В моей судьбе творились чудеса!..

Тогда, в эпоху материально беззаботной жизни никто и не мог подумать, что Рубцов видит чудеса. А Рубцов писал: «Я слышу звуки, которых не слышит никто». В стихотворении «Чудный месяц плывёт над рекою...» читаем:

Словно слышится пение хора,
 Словно скачут на тройках гонцы.
 И в глуши задремавшего бора
 Всё звенят и звенят бубенцы...

Стихотворение «В горнице» (вариант «В звёздную ночь») написано в июле 1963 г. Строфы самостоятельны по сюжету. Осмысление мистического подтекста, скрытого за бытовыми картинками, требует неоднократного прочтения. Фактически только музыка и песня позволили осознать народную философию текста. 4-я строфа соединила сюжеты предыдущих. Поэт видит оптимистический путь: «буду до ночной звезды лодку мастерить себе».

Мистические картины наблюдает поэт в стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...». Некоторые современники Рубцова буквально воспринимали текст строки. А Рубцов направлял внимание читателя на окружающее:

И храм старины, удивительный, белоколонный,
 Пропал, как виденье, меж этих померкших полей...
 Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица.

.....
 Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!
Боюсь, что над нами не будет таинственной силы!

Это предупреждение читателю, предложение оглянуться вокруг.
Вот ещё примеры мистического восприятия явлений:

И сыплет листья лес,
Как деньги медные, –
Спасибо край чудес!
Но мы не бедные...
А чем утешены,
 что лес покинули
Все черти лешие
И все кикиморы?...

Слышишь, ветер шумит по сараю?
Слышишь, дочка смеётся во сне?
Может, ангелы с нею играют
И под небо уносятся с ней...

Особняком стоит «Вечернее происшествие», случайная встреча с мистической лошадьё в лесу:

Мне лошадь встрети́лась в кустах
И вздрогнул я. А было поздно.
.....
Мы жутко так, не до конца,
Переглянулись по два раза...

Это уже выход на контакт с высшими силами.
В стихотворении «Прощальная песня»(1965 г.) поэт говорит:

Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиною, куда ни пойду,
Чей-то злой, настигающий топот
Всё мне слышится словно в бреду.

Это уже прямое сообщение о преследовании Поэта со стороны мистических или не мистических сил. И это – не случайно. Поэт видел в окружающих явлениях множество знаков действия нечистых сил. В «Философских стихах» поэт предвидел:

Когда-нибудь ужасной будет ночь.
И мне навстречу злобно и обидно
Такой буран засвищет, что невмочь,
Что станет свету белого не видно!
Но я пойду! Я знаю наперёд,
Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает,
Кто всё пройдёт, когда душа ведёт,
И выше счастья в жизни не бывает!
Чтоб снова силы чуждые дрожа,
Все полегли и долго не очнулись,
Чтоб в смертный час рассудок и душа,
Как в этот раз, друг другу улыгнулись...

Это прозрение по событиям. Рубцов не играл с потусторонними силами, он чувствовал враждебность. Реальные факты были в буфетах ЦДЛ, в Москве в общежитии, в Вологде в застольях. Не случайный поэтический след по мотивам преследования оставлял Н.М.Рубцов.

11.8. «Пророки есть в Отечестве моём!»

(из авторской статьи в книге «Николай Рубцов»: И пусть стихов серебряные струны...». 2002 г., МГО СП России)

В связи с музыкально-ритмическим строем поэзии Рубцова рассмотрим мнение Г.В.Свиридова о музыке и песнях:

«В прошедшие времена музыка (на Руси) была нескольких видов:

1. Храмовая, собственно духовная, богослужебная музыка.
2. Духовно-народная музыка, песни раскола, гимны (слагаемые отшельниками, монахами, сектантами и т.д.).
3. Народная музыка (богатеишая), музыка праздников, обрядов, календарные песни, свадебные, предсвадебные, похоронные, трудовые и т.д.
4. Скоморошья музыка, музыка профессионалов-шутов, созданная для потехи, для развлечения. Сия последняя была музыкой, исполнявшейся людьми, не имевшими подлинного человеческого достоинства...»

Свиридов в книге «Музыка как судьба» выделил поэзию Рубцова:

«Бывают слова изумительной красоты (например, Рубцов) – они сами музыка. Они не нуждаются в музыке, либо для воплощения их в музыке нужен примитив, который донесёт красоту этих слов»

О народной песенно-музыкальной культуре Свиридов сказал:

«Романс и песня – наиболее распространённые, наиболее любимые виды музыки. Они проникают в самое сердце человека и живут в нём не только как воспоминания, ощущения; они живут в сердце сами, живые; можно вспомнить мелодию, запеть её самому. В музыкальной среде полупрезрительно называются *дилетанты*, а на самом деле большие таланты и подлинные мастера, создавшие изумительные образцы искусства, которые живут до сих пор в сердцах тысяч и тысяч людей. «Однозвучно гремит колокольчик», «Вот мчится тройка почтовая», «Соловей мой, соловей», «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан».

«Бытовые приметы, воспетые в этой музыке ... давно ушли из жизни, а музыка всё живёт, волнует сердца!»

Почему? Попытаться ответить! *Что главное в музыке и стихах».*

Такие вопросы ставил перед собой гениальный композитор Г.В.Свиридов. Вот что он пишет далее «О главном для меня»:

«Художник призван служить, по мере своих сил, раскрытию Истины Мира. В синтезе Музыки и Слова может быть заключена эта истина.

Музыка – искусство бессознательного. Я отрицаю за Музыкой – мысль, тем более какую-либо философию. То, что в музыкальных кругах называется Философией, есть не более чем Рационализм и диктуемая им условность (способ) движения музыкальной материи. Этот Рационализм и почитается в малом круге людей Философией.

На своих волнах (бессознательного) она (музыка) несёт Слово и раскрывает сокровенный тайный смысл этого Слова.

Слово же несёт в себе Мысль о Мире (ибо оно предназначено для выражения Мысли). Музыка же несёт Чувство, Ощущение, Душу Мира. Вместе они образуют Истину Мира».

На титульном листе книги надпись рукой Свиридова: «Эту поэзию нам надо свято хранить! Могут сказать: Рубцов – не Пушкин, не Блок...Неважно! Какой он есть – он единственный. Другого нет!»

Приложения

Приложение № 1

Из доклада А.А.Жданова на 18-м съезде ВКП (б), март 1939 г.

«Деятельность» некоторых клеветников приняла настолько широкий размах, что они начали вводить в неё некую «рационализацию».

«Вот, например, Алексеев – член партии с 1925 года, заведующий Ирбейским районным партийным кабинетом (Красноярский край). Работал он плохо, всё своё время отдавая писанию клеветнических заявлений на честных коммунистов и беспартийных учителей. Здесь «дел» у него было много, и он завёл себе список со специальными графами: «большой враг», «маленький враг», «вражек », «вражёнok »...Нечего и говорить, что он создавал в районе совершенно невозможную обстановку. В конце концов, он был исключён из партии как клеветник ».

В связи с Алексеевым я думал, кого он напоминает такой тип, и мне вспомнился Собакевич из повести Гоголя «Мёртвые души». Собакевич, как известно, всех считал мошенниками и разбойниками. Когда Чичиков признался Собакевичу, что ему более всех в губернском городе нравится полицмейстер за прямоту и простосердечие, Собакевич хладнокровно ответил:

«Мошенник! Продаст, обманет, ещё и пообедаст с вами! Я их знаю всех: это все мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья». (Хохот в зале.)

Очевидно, праправнуки Собакевича дожили и до наших времён, кое-где даже пробрались в партию. Надо взять метлу покрепче и вымести из нашего партийного дома подобный мусор. (Дружные аплодисменты.)

Особенно большие размеры приняло в своё время, да и сейчас ещё имеет место, исключение из партии по мотивам «связи» с врагами.

На этом основании было огульно исключено из партии немало количество честных работников... Эта ходкая формула – «связь с врагами народа» - широко использовалась антипартийными элементами для избиения честных коммунистов...

При таком огульном осуждении людей по формальным поводам, настоящие матёрые враги народа, первостатейные жулики ускользали от кары правосудия...»

М.В.Суров. «Жизнь поэта» (фрагмент из статьи).

Так, например Н.Коняев с плохо скрываемой неприязнью пишет об отце Николая Рубцова, Михаиле Андриановиче:

«Так или иначе, но документально пока не удаётся подтвердить, за что арестовывали Михаила Андриановича и арестовывали ли вообще...С большой долей уверенности можно предположить, что если и был арестован он, то не за «политику», не как враг народа, а по уголовной статье, связанной с растратой или другими хозяйственными недочетами в ОРСе, возглавляемом им...

Эту версию косвенно подтверждают и любовь Михаила Андриановича к застольям, и путаница в рассказах Николая Рубцова, и «на редкость честное по тем временам дознание», которому был подвергнут Михаил Андрианович... И, должно быть, исправно служил хозяевам, коли, несмотря на отсутствие образования, потихоньку рос в должностях, а на пятом десятке даже выдвинулся в круг областной номенклатуры».

Не берусь критиковать Николая Коняева, но его легковесность в оценке отца Николая Рубцова вполне очевидна. Мне удалось отыскать документ, подтверждающий, что Михаил Андрианович действительно был репрессирован и провёл за решёткой в общей сложности 1 год 2 месяца и 15 дней: с 10 января 1938 г. по 25 марта 1939 г.

Осуждён он был по статье 58-10 ч. 1 УК РСФСР. Вот её формулировка в Уголовном Кодексе РСФСР: 58.10. Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально-охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, ...

Лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трёх лет, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжёлые последствия для интересов государства – расстрел»...

Как видим, статья вполне «политическая», очень распространённая в те годы. И осуждён был Михаил Андрианович именно как «враг народа», а не «по уголовной статье, связанной с растратой или другими хозяйственными недочетами в ОРСе, возглавляемом им...» (Коняев Н.М. Николай Рубцов, 2001, стр. 232-233, 317). Кстати, сведения об аресте Михаила Рубцова есть на известном сайте «Возвращённые имена», и любой желающий может без труда с ними ознакомиться.

На момент ареста Михаил Андрианович являлся жителем посёлка Няндома Няндомского района и работал помощником начальника райтрансторгпита по кадрам, имея на иждивении пятерых детей, в том числе и двухлетнего Николая» (62).

Из речи Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина в день Победы над фашистской Германией 9 мая 1945 года

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы! Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побеждённой и объявила безоговорочную капитуляцию...

8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая...

Великие жертвы, принесённые нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряжённый труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, – не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией...

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться – ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чём бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову...

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Ректору Литературного института им. Горького
тов. Пименову В.Ф.
от студента-заочника 3 к. Рубцова Н.

Уважаемый Владимир Федорович!

Я пишу Вам в связи с ходатайством Вологодского отделения Союза писателей, а также в связи с письмом в институт от начальника отделения милиции.

В первую очередь – о письме из милиции. Если говорить подробно, всё произошло так:

Однажды вечером я приехал в общежитие института. На вахте меня не пропустили. Они имели на это право, но мне, как говорится, от этого не было легче. Я решил поехать на ночлег к товарищу и с этой целью подошёл к такси. Водительница такси потребовала деньги за проезд заплатить вперёд. Я отдал ей три рубля, т.к. более мелких денег у меня не оказалось (ещё при себе у меня осталось столько же, т.е. 3 р. Это имеет значение). И мы поехали. Когда, выходя из машины, я попросил сдачу, водительница отказалась вернуть её. Она с нескрываемым нахальством стала утверждать, что никаких денег у меня не брала. Тут стоит помянуть Есенина: такую лапу не видал я сроду! А если помянуть Гоголя, это чёрт знает, что такое! И тогда я нарушил своё правило последнего времени: не гневаться и тем более не разжигать в себе гнев. Я потребовал продолжать поездку до ближайшего милиционера. Я это сделал с целью «проучить» её. Теперь я понимаю, что поступил тогда удивительно глупо. В деревне, наверное, поглупел. Ни в коем случае нельзя было рассчитывать, что она покается в милиции, а нельзя забывать, что её отвратительный поступок с моей стороны недоказуем. В милиции меня и слушать не стали, т.к. в общем-то, их интересует не столько истина, сколько официально-внешняя сторона дела. Мне велели заплатить этой женщине 64 коп. по счётчику. Я сделал это, чтобы избежать осложнений. Потом меня увели куда-то спать. Слава богу, хоть за это я им благодарен! В отделении

милиции я вёл себя достойно, вернее, покорно. Только этой женщине я резко сказал: «Как вам не стыдно!» Начальник отделения, очевидно, эти слова имеет в виду, когда привычно формулирует: вёл себя недостойно...

С тех пор, как меня перевели на заочное отделение...меня преследует неустроенность в работе, учёбе и в быту. Конечно, что есть проще того, чтобы устроиться на работу где-либо, прописаться и в этих нормальных условиях заниматься заочной учёбой! Но дело в том, что мне, как всякому студенту нашего института, необходимы ещё творческие условия. Эти условия я всегда нахожу в одном деревенском местечке далеко в Вологодской области. Так, например, прошлое лето я написал там более пятидесяти лирических стихотворений, многие из которых сейчас приняты к публикации в Москве и других городах. Когда я ушёл на заочное, я сразу же опять отправился туда, в классическое русское селение, — и с творческой стороны опять у меня было всё хорошо. Но зато в документах возник беспорядок: у меня нет в паспорте штампа о работе, т.к. я сотрудничаю в тамошней газете нештатным (штатных мест не было), у меня нет прописки в паспорте, т.к. в той местности временным жителям выдают только справки о том, что они с такого-то по такое время проживали именно там. У меня тоже есть такая справка, но для Москвы она, эта справка, — филькина грамота. Именно из-за этого беспорядка в документах меня оставили тогда ночевать в милиции и написали оттуда такое резкое письмо в институт. Т.е. помимо сути акта о нарушении в их руках оказалась ещё эта суть. Бесполезно было там всё это объяснять....

В заключение хочу сказать, что я ничего не прошу, не прошу даже о восстановлении...Просто, как Ваш студент, я посчитал своим долгом объяснить то неприятное происшествие, которое, в конечном счёте, явилось результатом моего, так сказать, заочного образа жизни.

Литературоведы о творчестве Н.М.Рубцова

«Николай Рубцов вошёл в литературу в то памятное «громкими» именами время, когда ... бездуховность «ультрамодных» приёмов, ритмов и рифм, рациональных метафор, ребусоподобных образов выдавалась – чего греха таить – и принималась порою за неоспоримые достоинства и даже подлинно поэтические ценности...»

«Чуткий ко всему истинному талант Рубцова уже с самых истоков противостоял завлекающей моде мифов о «треугольных шедеврах» и прочих «нетленках»...Поэзия Рубцова была живым речательством необходимости и возможности их достижения. **Имя Рубцова стало, по существу, синонимом того поэтического явления, которое подготовило в сознании читателей переоценку ценностей,** напоминая о бессмертии традиций отечественной поэзии».

Юрий Селезнёв

«Ни у Гоголя, ни у Блока, ни у Рубцова нет несовершенных произведений. Если для их стиля и характерно некоторое пренебрежение литературной нормой, то сделано это исключительно из соображений художественной сообразности. Для всех трёх великих авторов характерно представление о литературном творчестве как о Божественном даре. Можно сказать, что центральной их темой была тема места русского человека в «мире Божьем» – русский человек и природа. При этом они были публицистами, то есть чутко улавливали особенности своего времени, держали руку на пульсе эпохи».

Елена Митарчук

«Его (Рубцова) портреты Гоголя, Тютчева литературно искусны, но куда доходчивее «поэт и друг» в «Памяти Андиферова».

Михаил Лобанов

«Художественное пространство у Рубцова открыто и не ограничено, ему эквивалентна душевная открытость лирического героя».

Алла Науменко-Порохина

«Время шестидесятников непростое. Да и как почти любое время в России. Те, кто мог и должен был его печатать, сам рвался на страницы журналов и сборников. Стояли плотным кольцом, расставив локти, не дай бог кто-то ещё пробьется в этот тесный круг избранных и раздвинет соперников и конкурентов. Или просто боязнь, страх за себя перед властями за оценку таланта необычной звезды Николая Рубцова».

Наталья Гай

«Рубцов, которому поначалу иные критики отказывали в «искусности», чрезвычайно сложен для толкования! Здесь годится разве что язык намёков, приблизительности. Природа поэзии Николая Рубцова такова, что искусственность в ней неуловима, как солнечный луч, необъяснима, как тайна».

Елена Л. Иванова

«Рубцов был мятежен и твёрд, поражал своей эрудицией. В институте его очень любили поэты из национальных республик за его русизм, память о Российской империи, за уважение к её монархам. «Володя, – говорил он мне, – у нас в России не было плохих царей»...»

Владимир Ф. Андреев

«Так что это за звезда, которая «остановившись, смотрит в полынью»? Автор прямо не называет её, но можно понять, что это Полярная звезда. Она горит почти в центре вращения Земли, в точке над Северным полюсом.... Это – Звезда России!»

Алексей Башиллов

«Вот Никитин. Поэт такого уровня, как Никитин, не может принадлежать только крестьянству. Это – общенародный поэт. А Рубцов безусловно освоил культуру Блока, культуру Есенина. И я бы о нём так сказал: Николай Михайлович Рубцов – это русский национальный поэт.»

Валентин В.Сорокин (01.10.2002 г.)

Автор выражает благодарность за содействие в получении информации Сорокину В.В., Петровой Т., Шантаренкову Н., Н.В.Попову, Андрееву В.Ф. (Москва), Гоголиной Т.В.(п.Кадуей), Лукошникову В.И. (Бабаево), Новикову А.Е. (Череповец), Живоглядовой И.И., Семенихиной Е.И. и Никулинской Н.Н. (Тотьма), А.А.Грязеву (Вологда), Мартюковой Г.А., Шадринной С.М. и Прокошевой Н.М. (с.Никольское Тотемского района), сотрудникам Вологодского Рубцовского центра и ГАВО.

В книге «Николай Рубцов: «И пусть стихов серебряные струны...» опубликованы воспоминания учителей, воспитателей и учеников Никольской школы Корюкиной А.И., Соколова А., Медведева И.А., Семенихиной Е.И., Игошевой К.В., Курочкиной Н., Аносова В., Аносовой Е.А., Прокошевой Н.М., Мартюкова А., Е.Буняк, И.Серкова, преподавателей Тотемского лесного техникума Корюкиной А.Ф., Алексеевской Н.Н., Обориной В.В., поэта Нины Груздевой, писателя С.П.Багрова, журналиста А.Мартюкова и др.

Автор благодарен автору книги «Наедине с Рубцовым» Н.Старичковой (1932-2008), которая печаталась в альманахе «Звезда полей».

Автор благодарен Дурову В.К.(«Тотемские вести», Тотьма), редакции газеты «Московский литератор», Ст.Ю.Куняеву («Наш современник», Москва), редакциям газет за публикации.

Даты жизни и творчества Н.М.Рубцова

1. 3 января 1936 г. – в Емецке Северной области (с сентября 1937 г. Архангельская область) родился Николай Михайлович Рубцов.
2. В январе 1938 г. в Няндоме Архангельской области арестован по доносу Михаил Андрианович Рубцов, отец Николая. В семье – 5 детей. В марте 1939 г. М.А.Рубцов освобождён из тюрьмы, полностью реабилитирован..
3. В январе 1941 г. семья Рубцовых переехала в Вологду.
4. 26 июня 1942 г. умерла Александра Михайловна Рубцова, мать Коли.
5. Июнь 1942 г. – первое устное стихотворение Коли Рубцова.
6. Конец лета 1942 г. – второе устное стихотворение Коли Рубцова «Вспомню, как жили мы с мамой родною...»
7. С августа 1942 г. – Коля в Красковском детдоме под Вологдой.
8. 20 октября 1943 г. – Коля Рубцов поступил в детский дом № 6 в селе Никольском Тотемского района Вологодской области. Начало учёбы в 1-ом классе Никольской средней школы.
9. В 1944 г. отец Коли Рубцова возвращается после ранения с фронта и не находит сына в Красковском детдоме.
10. 1947-1950 г.г. – Коля Рубцов активно участвует в жизни детдома, пишет стихи в стенгазеты, играет на гармошке, рисует.
11. Лето 1949 г. – участвует на олимпиаде детдомов в Тотьме, играет музыкальное сопровождение акробатических номеров.
12. 12 июня 1950 г. – Коля окончил 7 классов на «хорошо» и «отлично».
13. Первая влюблённость в Тоню Шевелёву. Ей посвящено стихотворение.
14. 13 июля 1950 г. Николай Рубцов с учителем Никольской школы едет в Ригу в мореходное училище, его не принимают. Возвращается и 23 июля вновь оформлен в детдоме. Детдомовские друзья разъезжаются.
15. Летом 1950 г. пишет первое философское стихотворение «Два пути».
16. 13 августа 1950 г. Николай Рубцов едет в Тотьму, сдаёт экзамены в лесной техникум. С 1 сентября 1950 г. зачислен на отделение техников-технологов по строительству узкоколейных железных дорог.
17. Из Тотьмы Николай приезжал в детдом и жил на зимних каникулах с 27 января по 3 февраля 1951 г. и на праздниках со 2 по 5 мая 1951 г. Рассчитался с детдомом 22 июля 1951 года в связи с его закрытием.
18. В ноябре 1951 г. – вступает в члены ВЛКСМ (комсомол).
19. В техникуме играет на гармошке, пишет стихи, частушки.
20. В конце 1951 года или начале 1952 года знакомится на танцах с Татьяной Агафоновой, возникает безответная влюблённость, ответного чувства от Т.Агафоновой нет, пишет «злые» стихи о её характере.
21. В июне 1952 г. – окончил 2 курса лесного техникума, приезжает в Вологду, узнаёт, что отец его жив. Уезжает в Череповец, живёт в общежитии у сестры Галины, едет в Архангельск, мечтает стать моряком.

22. Летом 1952 г. в Архангельске – полугодичная жизнь (стих. «Фналки»). Николаю временно удаётся устроиться библиотекарем («избачём»).
23. 12 сентября 1952 г. Николай Рубцов пишет заявление о приёме на тралфлот и оформляется в качестве угольщика на рыболовное судно.
24. В июле 1953 г. Николай Рубцов увольняется с тральщика,
25. Рубцов едет в Кировск, пишет сочинение «О родном уголке», успешно сдаёт экзамены в горно-химический техникум, учёба с 1 сентября 1953 года, посещает библиотеку, играет на гармошке, сдаёт экзамены.
26. В июне 1954 г. едет в Тотьму. 1 июля 1954 г. встречается с Т.Агафоновой на выпускном вечере в педучилище, в этот же вечер уезжает из Тотьмы.
27. В начале июля 1954 года едет в Среднюю Азию через Оренбург, некоторое время работает в пустыне, возвращается в Ташкент, живёт впроголодь, пишет стихи, в том числе «Да, умру я...» и «В пустыне».
28. В начале августа возвращается в Россию, гостит у Т.Агафоновой в селе Космово Вологодской области, следует новый разрыв с Татьяной.
29. Рубцов продолжает учёбу в Кировске, занимается часто в библиотеке.
30. В январе 1955 г. Николай Рубцов оставляет техникум, пишет прощальные стихи, в конце февраля приезжает в Вологду и встречается с отцом, братом Альбертом, детьми отца и с мачехой.
31. В марте 1955 г. уезжает в Приютино, под Ленинград, устраивается слесарем-сборщиком на военный полигон.
32. Весна-лето 1955 г. Знакомится с Таей Смирновой, играет на гармошке на танцах в парке, возникает первая взаимная влюблённость. Девушка обещает ждать Рубцова из армии. Николай пишет стихи, читает их другу Н.Белякову.
33. В сентябре 1955 г. Николая Рубцова призывают в армию, направляются в Архангельск, после «учёбки» – на эсминец «Острый» Северного флота.
34. 1956-1957 г.г. Пишет письма Т.Смирновой, первые лирические стихи.
35. 1 мая 1957 г. - первая публикация в газете «На страже Заполярья». С июля 1957 г. занимается в литобъединении при флотской газете.
36. Весной 1957 г. получает письмо от Т.Агафоновой о её бытовой ситуации и отвечает отрицательно на предложение взять её замуж.
37. Летом 1957 г. приезжает в отпуск в Приютино, пишет стихи, в том числе песню «Берёзы». Гуляет с друзьями. Возвращается на флот.
38. 23 марта 1958 г. в газете «На страже Заполярья» опубликована подборка из 5 стихотворений Рубцова и статья-рецензия Г.Фокина о поэте.
39. 22 августа 1958 г. в газете «Комсомолец Заполярья, Мурманск» опубликовано стихотворение «Желание» (как первый черновой вариант «Букета»). Пишет стихи и публикуется, в основном, во флотских газетах.
40. В 20-х числах октября 1959г. Николай Рубцов демобилизовался.

41. 30 ноября 1959 г. устроился слесарем в ЖКО Кировского завода в Ленинграде, а с мая 1961 г. работает шихтовщиком в цехе завода. Живёт в общежитии на Севастопольской улице, 5.
42. В сентябре 1960 г. поступил в 9 класс вечерней школы № 120.
43. В 1960-1962 г. посещает эпизодически литобъединения Кировского завода и «Нарвская застава», бывает у поэта Г.Горбовского на диспутах.
44. Летом-осенью 1961 г. Рубцов во время отпуска устраивается на работу на речное судно по артерии реки Сухона Вологодской области. Отмечено его появление в Тотъме (чтение стихов в клубе) и в Великом Устюге.
45. 24 января 1962 г. – выступление в Ленинградском доме писателей.
46. В марте-апреле 1962 г. выставляет на обсуждение стихи в литобъединении «Нарвская застава». Получает, в основном, отрицательные отзывы.
47. В мае 1962 г. Рубцов посылает стихи на конкурс в литературный институт им. А.М.Горького. Стихи приняты для участия в конкурсе.
48. 21 июня 1962 г. окончил вечернюю школу № 120, получил аттестат с невысокими оценками.
49. С 1 июня по 13 июля 1962 г. в Ленинграде Б.Тайгин помогает Рубцову напечатать самиздатовский сборник «Волны и скалы» из 38 стихотворений. Рубцов посылает экз. в литинститут, оформляет отпуск на заводе.
50. 18 июля 1962 г. по пути в Никольское заезжает в Космово-Шуйское, встреча с Т.Агафоновой не состоялась. Рубцов приезжает в Никольское, 20 июля 1962 г. встречается с друзьями детства и с Гетой Меньшиковой.
51. В августе 1962 г. срочно приезжает в Москву, сдаёт экзамены и 23 августа принят в литературный институт им. А.М.Горького.
52. В начале сентября едет в Ленинград, увольняется с Кировского завода.
54. В конце 1962 года пишет «Осеннюю песню» как ответ на «Осеннюю песню» Поля Верлена. Начинаются учёба и литературные застолья.
55. В январе-феврале 1963г. приезжает в Никольское на каникулы. Читает «Зимнюю песню» и «Чудный месяц плывёт над рекою...»
56. 20 апреля 1963 г. родилась Лена, дочь Николая Рубцова и Геты Меньшиковой.
57. 2 мая 1963г. случайная (неслучайная) встреча с начинающей «поэтессой» Л.Дербиной в компании в общежитии литинститута.
58. В мае-июне 1963 г. сдаёт зачёты и экзамены весенней сессии. С конца июня по сентябрь 1963 г. Н.Рубцов – на каникулах в Никольском. В июле 1963 года написал первый вариант стихотворения «Тихая моя Родина».
59. В сентябре 1963 г. Рубцов с опозданием возвращается в литинститут.
60. В ноябре 1963 г. Рубцов едет в Никольское через Гремячий, ночёвка в деревне Починок у М.И.Богдановой, рождение стихотворения «Хозяйка».
61. 3 декабря 1963 г. первая провокация против Рубцова в Центральном доме литераторов (ЦДЛ). 4 декабря приказ об исключении, товарищеский суд и 25 декабря приказ о восстановлении в институте.

62. 15 января 1964 г. первая публикация стихов Рубцова в тотемской газете «Ленинское знамя» и вступительная статья о поэте.
63. Начало 1964 г. – при содействии Ф.Ф.Кузнецова выступление на радио и передача стихов для публикации в журнал «Юность». Весна 1964 г. – встреча с В.Е.Максимовым и передача стихов в журнал «Октябрь».
64. В апреле 1964 г. провокация против поэта в ЦДЛ. В апреле встреча с Л.Дербиной по её приглашению с неясной целью в гостинице на ВДНХ.
65. 12 июня 1964 г. третья провокация в ресторане ЦДЛ. Докладные записки на исключение из литинститута. Напряжённая ситуация.
66. Рубцов сдал экзамены и окончил 2-й курс литературного института. 23 июня – заявление Николая Рубцова о переводе на заочное отделение.
67. Июнь 1964 г. – первые журнальные публикации стихов Рубцова в «Молодой гвардии» и «Юности», в том числе «Улетели листья».
68. Конец июня-конец сентября 1964 г. – вынужденные «каникулы» в Никольском, цикл стихотворений нового уровня, в том числе «Журавли».
69. Июль-август 1964 г. – стихи в тотемской газете «Ленинское знамя».
70. Август 1964 г. – публикация в журнале «Октябрь» «Я буду скакать по холмам...», «Видения на холме», «Хозяйка» и «Звезда полей».
71. Начало октября 1964 г. – новая провокация в ЦДЛ. А.Я.Яшин, Ст.Ю.Куняев, В.Тушнова и Б.А.Слуцкий спасают Рубцова от суда.
72. Октябрь 1964 г. – поездка в Архангельск в Северо-Западное книжное издательство и передача подборок стихов для сборника «Лирика».
73. Конец октября-конец декабря 1964 г. – жизнь и стихи в Никольском. Переписка с А.Яшиным, С.Викуловым, Ст. Куняевым, С.Багровым.
74. 1 января 1965 года встреча Нового года в общежитии литинститута.
75. 15 января 1965г. оформление на заочное отделение литинститута.
76. Рубцов возвращается в Никольское и редактирует свои стихи.
77. В конце марта 1965 г. едет в Москву с рукописью «Звезда полей».
78. 5 апреля 1965 г. – рукопись «Звезда полей» сдана в издательство «Советский писатель». Рукопись курировали Е.Исаев и В.Семакин.
79. 17 апреля 1965 г. – провокация таксистки против Рубцова и отказ руководства литинститута от приёма поэта на очное отделение.
80. Весной 1965г. готовит подборки стихов в Бабаево, в Никольском.
81. Летом 1965 года встречается с ленинградскими поэтами, читает стихи. Следует полный разрыв по мировосприятию и подходу к творчеству.
82. В журнале «Октябрь», № 10, 1965 г. выходит подборка стихов: «Тихая моя родина», «Добрый Филя», «Вечернее происшествие», «На вокзале».
83. Осень 1965 г. Письма А.Романову, В.Елесину, А. Яшину, Ф.Кузнецову, в Северо-Западное издательство о сборнике «Лирика».
84. В декабре 1965г. поэт в Череповце. В газете «Коммунист» 1.01.1966 г. опубликовано стихотворение «Новогодний мороз» (вариант «Январское»), 8 января и 22 января 1966 г. эта газета печатает стихи Рубцова.

85. В январе 1966 г. поездка в Бабаево и по району. 15 января публикация в газете «Ленинский путь» стихов «Родная деревня», «Хозяйка», «Таковы на Руси леса...», «В родных местах», «Отправляясь в дорогу».
86. В феврале 1966 г. живёт несколько дней в Москве в семье А.Я.Яшина.
87. Возвращается в Никольское. 18 марта 1966 г. пишет заявление на имя ректора о восстановлении на очном отделении литинститута.
88. В мае 1966 г. сдаёт экзамены весенней сессии на заочном отделении.
89. Май-август 1966 г. – поездка на Алтай, в Сибирь. Новые впечатления – новые стихи, углубление в Историю, публикации.
90. Публикация при содействии Ст.Куняева в журнале «Знамя», № 6, 1966 г. стихов «Грани» и «Окошко. Стол. Половики...»
91. В августе 1966г. едет в Москву, в сентябре встречи в общежитии.
92. Сентябрь-октябрь 1966г. живёт в Невской Дубровке в семье Альберга, дополнение «сибирскими» стихами и правка рукописи «Звезда полей».
93. 9 февраля 1967 г. «Звезда полей» в Москве подписана к печати.
94. В начале апреля 1967 г. Рубцов едет в Бабаево. 8.04.1967г. «Ленинский путь» печатает «Шумит Катунь». 22 апреля 1967 г. напечатаны стихи «Ворона», «Медведь», «Море», «Высокий дуб. Глубокая вода...»
95. Весной 1967г. Рубцов приезжает в Сергиев Посад, встреча с поэтами.
96. 21 мая 1967 г. череповецкий «Коммунист» печатает стихи «Ночь на родине», «Звезда полей», «Утро», «Сапоги мои...» и «Шумит Катунь»
97. Начало мая 1967 г. – выход сборника «Звезда полей»
98. В мае-июне 1967 г. Рубцов сдаёт весеннюю экзаменационную сессию.
99. Летом 1967 г. знакомство со студенткой Татьяной Гоголиной, покупка куклы-русской красавицы для Татьяны Рубцовой, жены сводного брата.
100. В августе 1967 г. поездка с С.Чухиным в Погорелово, отдых и стихи.
101. Август 1967 г. – участие в агитационной поездке писателей по Волго-Балтийскому каналу, выступления в городах и райцентрах.
102. 3 сентября 1967 г. – публикация газетой «Вологодский комсомолец» стихов «Зелёные цветы», «Купавы», «Отплытие», «Синенький платочек».
103. Поездка Рубцова в сентябре 1967 г. в п. Липин Бор. 21 сентября газета «Волна», Вашки печатает стихотворение «Гуляевская горка».
104. Октябрь 1967г. – выделено место в общежития совпартшколы.
105. 8 декабря 1967 г. публикация стихотворений «Шумит Катунь» и «Детство» в центральной газете «Правда».
106. Декабрь 1967 г. - выделено место с двумя соседями в однокомнатной квартире гостиницы-общежития в Вологде, на ул.Ветошкина.
107. Январь 1968 г. выделена отдельная комната в квартире с семьёй работника обкома на ул. Набережная VI Армии в Вологде.
108. Январь 1968 г. готовит сборник «Душа хранит» в Липином Бору.
109. В марте 1968 г. журнал «Молодая гвардия» печатает стихи Рубцова «Отплытие», Зелёные цветы», «В старом парке» и «Взглянул на кустик...»

110. 19 апреля 1968 г. Рубцов принят в члены Союза писателей СССР.
111. Летом 1968 г. Рубцов приезжает в с. Никольское к Лене и Гете.
112. 21 октября 1968 г. «Советский писатель» заключил с поэтом договор на сборник «Сосен шум». В декабре поэт готовит в общежитии рукопись.
113. 26 декабря 1968 г. Рубцов сдал госэкзамены в литературном институте. Отзывы дали Е.Исаев, Н.Н.Сидоренко, В.П.Друзин.
114. Декабрь 1968 г. Поэту выделена однокомнатная квартира в Вологде.
115. Март 1969 г. – поездка в Рязань и Константиново в дом-музей С.А.Есенина. Написано стихотворение «Поэзия». В марте 1969 г. публикация «Посвящение другу», «Во время грозы» журналом «Октябрь».
116. 22 мая 1969 г. Рубцов защитил на «отлично» диплом в Литературном институте им. А.М.Горького
117. 23 июня 1969 года - запланированный заезд «поэтессы» Л.Дербиной в Вологду для встречи с Рубцовым. Разрыв отношений после поездки в Тотьму на основе несовпадения взглядов на духовность поэзии.
118. Летом 1969 г. поездка в п.Варнавино Нижегородской области, знакомство с местной легендой, замысел поэмы «Разбойник Ляля».
119. «Случайная» встреча Т.Агафоновой (Решетовой) в Вологде с Н.Рубцовым в августе 1969 г. Разрыв кратковременных отношений.
120. 31 августа 1969 г. публикация в «Вологодском комсомольце» стихотворения «Ответ на письмо» в связи со встречей с Т. Агафоновой.
121. 1969 г. – публикация стихов «Далёкое» («в краю, где по дебрям...»), «Песня» («Морошка»), «Вечерние стихи», сборника «Душа хранит».
122. 1969 г. Знакомство с А.С.Шиловым, первым народным композитором и исполнителем песен на стихи Н.Рубцова.
123. Июнь...октябрь 1970 г. – «заигрывания» и «игры» Дербиной с Рубцовым. Поэта спасают в больнице, пожар в квартире Рубцова.
124. Сентябрь – октябрь 1970 г. – поездка поэта в Москву, издание стихов.
125. Сентябрь 1970 г. Публикация критика Вал. Дементьева в журнале «Москва» – статья с разделом о творчестве Рубцова
126. Осень 1970 г. – публикация сборника «Сосен шум».
127. Начало ноября 1970 г. – конфликты и разрыв с Дербиной.
128. 31 декабря 1970 г. – ожидание встречи с Леной и Гетой в Вологде. Не наряженная ёлка. Поэт – в тупике.
129. Январь 1971г. Выставка портрета Рубцова кисти Малыгина в художественной галерее в Вологде.
130. Начало января 1971 г. переписка и разногласия по названию сборника «Зелёные цветы» с редакцией издательства «Советская Россия».
131. 5 – 18 января 1971 г. – новые игры «поэтессы» Дербиной с Рубцовым по подаче заявления в загс и немедленной прописке на квартиру поэта.
132. В ночь на 19 января 1971 г., в Православный праздник Крещения – убийство Поэта.

Семья Рубцовых:

Рубцов Михаил Андрианович, родился в селе Самылкове Сокольского района Вологодской области в 1899 году, умер в Вологде 29 сентября 1962 года.

Рубцова (Рычкова) Александра Михайловна родилась в селе Самылково в 1900 году, умерла 26 июня 1942 года.

Рубцова Надежда Михайловна, родилась в селе Самылкове в 1922 году, умерла в Няндоме 30 апреля 1940 года.

Рубцова (Шведова) Галина Михайловна, родилась 12 ноября 1928 года в селе Самылкове. Умерла в марте 2009 г. в Череповце.

Рубцов Альберт Михайлович, родился в Ленинграде 2 января 1932 года, умер в Тюменской области 12 ноября 1984 года.

Рубцов Николай Михайлович, родился в Емецке Архангельской области 3 января 1936 года, погиб в Вологде 19 января 1971 года.

Рубцов Борис Михайлович, родился в Няндоме Архангельской области в 1937 году, умер в 50-ые годы 20-го века.

Рубцова Надежда Михайловна, родилась в Вологде в ноябредектябре 1941 года, умерла 28 июня 1942 года.

Меньшикова Генриетта Михайловна, гражданская жена Н.М.Рубцова, родилась 25 октября 1937 года, умерла 17 февраля 2002 года в селе Никольском Тотемского района Вологодской области.

Рубцова Елена Николаевна, дочь Н.М.Рубцова, родилась 20 апреля 1963 года в селе Никольском Тотемского района Вологодской области.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я
(от редактора-составителя)

1. Рубцов Н. Лирика. Архангельск. Сев.- Зап. кн. изд. 1965.
2. Рубцов Н. Звезда полей. М. Сов. писатель. 1967.
3. Рубцов Н. Душа храпит. Архангельск. Сев.- Зап. кн. изд. 1969.
4. Рубцов Н. Сосен шум. М. Сов. писатель. 1970.
5. Рубцов Н. Зелёные цветы. М. Сов. Россия. 1971.
6. Рубцов Н. Последний пароход. М. Современник. 1973.
7. Рубцов Н. Подорожники. М. Мол. гвардия. 1976.
8. Рубцов Н. Избранная лирика. Арх. Сев.- Зап. кн. Изд. 1974.
9. Кожин В. Николай Рубцов. М. Сов. Россия. 1976.
10. Воспоминания о Рубцове. Арх. Сев.- Зап. кн. Изд. 1983.
11. Воспоминания о Николае Рубцове. КИФ «Вестник». Вологда. 1994.
12. Рубцов Н. Собрание сочинений в трёх томах. М. Терра. 2000.
13. Палькова О. Они просто поют Рубцова. Октябрьское поле. М. 11 декабря 2001 г.
14. Белков В. Жизнь Рубцова. Вологда. 1993.
15. Материалы 18 съезда ВКП (б). 1939.
16. Кириенко-Малюгин Ю. Николай Рубцов: «И пусть стихов серебряные струны...» (монография). М.МГО СП России. 2002.
17. Рубцовский сборник. Редактор-составитель А.Е.Новиков. ГОУ ВПО «Череповецкий государственный университет». 2008.
18. Москва. Военные мемуары и архивные документы. М. Издательское объединение Мосгорархив. 1995.
19. Рубцов Н. Видения на холме. (В.Сафонов. Повесть памяти). М. Сов. Россия. 1990.
20. Педенко С. Лёд и пламень . Арх. Сев.- Зап. книж. Изд. 1981.
21. А.Быков . И золотое имя Таня...Вологда. Издательство «МДК». 2009.
22. Кириенко-Малюгин Ю. О родном уголке. Тотемские вести. 2009г.
23. Вересов Л. Хибинский период великого поэта». Альманах «Звезда полей» 2008. М. Изд. НО «Рубцовский творческий союз». 2008.
24. Русский север. № 4 (774). 16. 01. 1996 г.
25. Кириенко Ю.И. Поэзия. Истина. Рубцов. М. Изд. И.Балабанов. 2007.
26. Николай Красильников. «Жизнь меня по Северу носила и по рынкам знойного Чор-су!» (Ташкентская эпопея Николая Рубцова). «Русский север». 23.05.2007 г. (см. также Интернет «Николай Рубцов в Ташкенте»)
27. Коняев Н. Ангел Родины. Наш современник № 12. 1997
28. Иванов С. Николай Рубцов: эпизоды и образы. Нева (Петербург литературный). № 12. 1999.
29. Кириенко-Малюгин Ю. Глава 4. Северный флот. «Мне не забыть у дальних берегов...». www.rubcow.ru. «Звезда полей...» июнь 2010 г.

30. Кириенко-Малюгин Ю. Рецензия на публикацию Л.Вересова «Рубцов и Северный флот». www.rubcow.ru. «Звезда полей», июнь 2010 г.
31. Российский писатель. «Хочу, чтоб вечно шторм звучал...» №5-6, март 2008 г.
32. Кириенко-Малюгин Ю. Новая дорога к Рубцову (стихи конкурсов, статьи, пьеса «Николай Рубцов») М. Российский писатель. 2005.
33. Юпп М. Коля Рубцов – ранние шестидесятые... М. Наш современник. № 1, 2003 г.
34. Николай Рубцов. Волны и скалы. СПб. Изд-во «Бэ – Та». 1999.
35. Альманах «День поэзии», Л., 1972 г.
36. ГАВО (Государственный архив Вологодской области).
37. Червченко А. «Друзья давно минувших дней», № 18, 16.11.2005. Интернет.
38. Попов Н. Тогда он был просто Коля. Трезвость и культура, № 5, 1986
39. Шамахова Г. «Русь моя, люблю твои берёзы!». Русский север.1995.
40. Гришин И. «В горнице моей светло». Кругозор «Россия молодая», № 1, 1993
41. Шаповалов М. С днём рождения, дорогой поэт! Вечный зов, № 12, 2000, № 1, 2001.
42. Куняев Ст. Поэзия. Судьба. Россия. Кн. 1. (Образ прекрасного мира). М. Наш современник, 2001
43. Белков В. Первые итоги (из жизни Рубцова). Вологда. 1999. Вологодская писательская организация. ПФ «Полиграфист».
44. Старичкова Н. Наедине с Рубцовым. Вологда. 1993.
45. Лукошников В.И. Бабаевские вёсны Николая Рубцова. Бабаево. РИК «Наша жизнь». 2007 г.
46. Володин Г. Лето с Рубцовым. Альманах «Алтай», № 2, 1988.
47. Чичинов А.В горнице моей светло. Алтайская правда. Барнаул, 1989.
48. Наш современник. № 1, 1996 г.
49. «Прежде всего он был поэтом», интервью В.Тихонова с И.Пантюховым. Альманах «Август», Барнаул, № 2, 1996
50. Макеев В. Наш современник. № 1, 2001.
51. Азовский А. Наш современник. №1, 2001
52. Зинченко В. Жизнь и творчество Николая Рубцова. Славянский ход. № 13-14, декабрь 2000. Мурманск.
53. Анисенков А. «Я умру в крещенские морозы». Свет. №1. 1997
54. Кириенко-Малюгин Ю. «Россия, Русь! Храни себя, храни! Николай Рубцов: его высшее образование и народная философия». Патриот, № 36, август 2004г.
55. Белков В. Наш Современник. № 1. 2001.
56. Мартюков А. «Советская мысль. Великий Устюг. Апрель 2002
57. Коротаяев Вик. Козырная дама. Вологда. ИЧП «Крис.». 1991.

58. Астафьев В.П. Затесн. Новый мир. № 2. 2000
59. Кириенко-Малюгин Ю. Тайна гибели Николая Рубцова. М. МГО СП России. 2004 (2-е издание).
60. Кириенко-Малюгин Ю. Тайна гибели Николая Рубцова. М. Изд. НО «Рубцовский творческий союз», 2009 (3-е издание).
61. Кириенко-Малюгин Ю. Наша встреча впереди (стихи и песни, пьеса «Звезда полей Николая Рубцова»). М.МГО СП России. 2005.
62. М.В.Суров. Рубцов: Документы, фотографии, свидетельства. Вологда. 2006 г., стр. 50-52.

Список литературы при написании монографии

1. Есенин С.А. Собрание сочинений в 5-и томах. М. Гос. изд. худож. литературы. 1962
2. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Советский писатель. М.-. 1962.
3. Блок А.А. Стихотворения и поэмы. М. Сов. Россия. 1979.
4. Фокина О.А. Островок. М. Советская Россия.1969 г.
5. Сорокин. Николай Михайлович Рубцов – русский национальный поэт. 2002. Из книги Ю,Кириенко-Малюгина «Новая дорога к Рубцову», 2005.
6. Кириенко-Малюгин Ю. «Я бегу от помрачений...» Наш современник. № 1. 2003 г.
7. Кириенко-Малюгин Ю. Эволюция национального мировоззрения Николая Рубцова», Роман-журнал XXI век. №№ 11- 12. 2004 г.
8. Э.Любенко. Слово о русском языке. Из альманаха «Звезда полей»,2007
9. Кириенко-Малюгин Ю. Поэзия. Истина. Рубцов (статья «Рубцов и методика оценки народности поэзии»). М. Изд. И.Балабанов. 2007.
10. Старичкова Н. А. И роковое имя Таня. Из Альманаха «Звезда полей» . 2009. М. Изд. НО «Рубцовский творческий союз». 2009
11. Кириенко-Малюгин Ю. Рубцововедение начала XXI века. Альманах «Поэзия». № 3-4. 2008
12. Киреев В. О музыкальности поэзии Николая Рубцова. Статья из книги «Николай Рубцов». Изд. НО «Рубцовский творческий союз», 2007
13. А.В.Кольцов, сочинения, Гос. уч.- пед. изд. БССР. Минск. 1954.
14. Оботуров В. Искреннее слово. Советский писатель.1987 г.
15. Лобанов М. Внутреннее и внешнее («Сила благодатная»). Москва. Советский писатель. 1975
16. Селезнёв Ю. Избранное («Златая цепь...») М. Современник. 1987.
17. Свиридов Г. Разные записи. Наш современник. №12. 2000.
18. Альманах «Звезда полей» 2006, М. Изд. И.Балабанов. 2006
19. Альманах «Звезда полей» 2010, вып. 1 и вып. 2. М. Изд. НО «Рубцовский творческий союз».

Содержание

Предисловие

Глава 1. Семья Рубцовых и раннее детство поэта. «Но вот наше счастье распалось на части...»

(После гражданской войны, 3 января 1936 г...октябрь 1943 г.)... 11

Условия жизни семьи Рубцовых, начало войны с Германией, смерть матери, первые стихи, разлука с родными.

Глава 2. Детские годы в Никольском и Тотьме.

(октябрь 1943 г...июнь 1952 г.).....21

Песни, музыка и стихи. За путёвкой в жизнь. В лесном техникуме. Город-легенда – Тотьма: Спасо-Суморин монастырь, церкви русского Севера. Юношеские стихи. Первый поиск родных.

Глава 3. Пути-дороги юности. На тралфлот, в Кировск, в Ташкент, в Вологду, в Приютино. «Надо хлеба мне, хлеба! Замолчи радиола...»

(июль 1952 г...сентябрь 1955 г.).....41

К морю в Архангельск, на тралфлоте. Горно-химический техникум в Кировске. Летом 1954 г. в Ташкенте. Встреча с братом и отцом в Вологде весной 1955 г. Жизнь в Приютино.

Глава 4. Северный флот. «Мне не забыть у дальних берегов...»

(сентябрь 1955 г...октябрь 1959 г.).....62

Северный морской флот, охрана полигонов ядерных испытаний, Приютино – 1957, литобъединение в Североморске, первые публикации, «морские» стихи и песни.

Глава 5. Ленинградский период. «Не простой, возвышенный, в седле бы...»

(ноябрь 1959 г...август 1962 г.).....77

Кировский (Путиловский) завод, литобъединения, работа и стихи. Между городом и деревней, цель жизни определена – поэзия. Сборник «Волны и скалы». В Москву и вперёд в Николу!

Глава 6. Литературный институт, очное отделение. «И всё на правильном таком пути...»

(сент.1962 г...июнь 1964 г.).....89
Литературный институт, общежитие, рождение дочери в Николе, в ЦДЛ, на пути к первым студенческим публикациям.

Глава 7. Непредсказуемые дороги: Никольское – Тотьма – Вологда – Москва – Бабаево – Череповец.	
(июнь 1964 г...апрель 1966 г.).....	132
<i>Родное село Никольское – источник космического понимания окружающего мира, лето и осень 1964 г. – полный поворот к русской народной поэзии, семинар в Вологде, заочное отделение литинститута, подготовка сборников и снова провокации.</i>	
Глава 8. Рубцов на Алтае. «Прекрасно небо голубое!»	
(май 1966 г...июль-август 1966 г.).....	169
<i>Поездка в Сибирь. Катунь, Обь, Алтай. Восточная Скифия. Размышления об Истории – философские стихи «Шумит Катунь», «Старая дорога», «В минуты музыки».</i>	
Глава 9. «Звезда полей» - луч Света в русской поэзии.	
«И счастлив я, пока на свете белом...»	
(август 1966г...июнь 1969 г.).....	178
<i>По Вологодчине, по Московии, по издательствам. «Звезда полей» – луч Света в русской поэзии 20-го века. Жилищная проблема решена. А семейно-бытовая?</i>	
Глава 10. Рубцов: «Я спешу сложить свои стихи...»	
(июнь 1969г...19 января 1971г.).....	222
<i>«Душа хранит», «Сосен шум», «Зелёные цветы» – новые сборники русских народных песен и стихов. Рубцов: «Над моей счастливою любовью вдруг мелькнуло чёрное крыло...».</i>	
Глава 11. Творческая позиция и мастерская Н.М.Рубцова.....	239
<i>Ведическое и православное, мистическое мировоззрение, богатство народного языка, народная философия, исповедальность и песенность поэзии</i>	
Приложения (№№ 1 – 5).....	269
Даты жизни и творчества Н.М.Рубцова.....	276
Семья Рубцовых.....	282
Библиография.....	283